

ПОСЛЕДНЯЯ ЖИЗНЬ #7

АЛЕКСЕЙ
ОСАДЧУК

Закон
Силы

Закон Силы. Роман Алексея Осадчука

Глава 1

— Ну, привет, — обратилась ко мне тьма насмешливым мужским голосом. Очень знакомым голосом...

— Бездна! — в сердцах ругнулся я.

Если снова слышу этот голос, значит, я уже мертв? Интересно, в какой момент это вообще произошло? Помню, как спускался со скалы после боя с «ледяной» и даже на своих двоих. Да, было больно. Да, я еле ворочал ноги. Да, внутри меня словно солнце взорвалось... Но я вроде бы был жив и как-то справлялся. А потом... А что случилось потом? Ничего не помню...

Значит, все-таки смерть? Твою же!.. Ненадолго меня хватило. А ведь все только начало получаться... Даже обидно.

Как и в прошлый раз, подслушав мои мысли, голос из тьмы, усмехаясь, произнес:

— Нет, ты не умер. Пока...

— Пока? — машинально переспросил я, при этом лихорадочно соображая, что в таком случае ему от меня могло понадобиться. Ведь если мне не изменяет память, он обещал, что мы больше не встретимся.

— Да вот, захотелось с тобой пообщаться, — со смешком ответил на мой мысленный вопрос голос из тьмы. — Работенка, как ты помнишь, у меня скучная. Должен же я как-то развлекаться.

— И как тебе шоу?

— Хе-хе... Скажем так, я в тебе не ошибся. В этот раз, благодаря моему подарку, в отличие от предыдущих жизней, ты ведешь себя более осмотрительно и добился многого. Но и враги у тебя теперь более могущественные. Но мне нравится. Хе-хе... Так даже интересней. Правда, ты в последнее время слишком торопишься умереть. Ты ведь не забыл, что это твоя последняя жизнь на этом Круге?

— Кстати, об этом... Что еще за Круг такой?

— Это единственное, что тебя интересует сейчас? — хмыкнул голос.

— Нет, но...

— Смертные, — иронично произнес он, перебивая меня, и негромко поцокал языком. — Какие же вы все-таки все предсказуемые...

— Ты сказал, что я слишком тороплюсь умереть...

— Верно, — ответил он и спросил: — А тебе самому разве так не кажется?

— Нет, — честно ответил я и тут же в его манере спросил: — А чем ты, собственно, недоволен? Сам ведь поместил меня в тело этого болвана.

Тьма некоторое время отмалчивалась. Я уж было подумал, что мой путь на этом пресловутом Круге закончился, но голос снова обратился ко мне.

— Когда молодой лис попадает в курятник, — начал он говорить со снисходительной интонацией, — он старается убить как можно больше кур. В этот момент он не думает о шуме, что издают испуганные птицы, на который очень скоро прибегут вооруженный человек и свирепые псы. Молодой зверь, увлекшись и полностью отдавшись на волю инстинкта охотника, вырезает всех кур, тем самым теряя драгоценное время, а также забывая о самом главном... Если ему все-таки удастся сбежать от человека и его цепных псов, он не сможет утащить с собой всех убитых им кур.

Я ничего не говорил. Я молча ждал продолжения. И оно последовало.

— Прямо сейчас ты не совсем понимаешь, о чем идет речь, но, поверь мне, как только ты очнешься, ты обязательно вспомнишь мои слова. Что же касается меня... Хех... Я по-прежнему заинтересован в том, чтобы ты как можно дольше развлекал меня. У тебя это неплохо получается. Именно поэтому я решил снова вмешаться и дать тебе маленькую подсказку... А уж как ты распорядишься полученной информацией, зависит лишь от тебя.

Голос замолчал, и в следующее мгновение тьма резко отступила. Внезапно мир вокруг меня исказился, и я обнаружил себя падающим. Вокруг меня хаотично мелькали каменные и кирпичные стены домов, небольшие окна и балконы.

Мое сердце бешено колотилось готовое вырваться из груди. Ветер, прохладный и непокорный, оббивал меня своими тугими щупальцами.

Что происходит?! Где это я?

Сквозь вихрь внезапных и ошеломительных эмоций пробивалось осознание обычности происходящего. Словно для меня такие кульбиты были в порядке вещей.

В тот момент, когда до стремительно приближающейся мостовой осталось несколько метров, я плавно взмахнул хвостом, балансируя и корректируя положение тела, и пружинисто приземлился на все четыре лапы.

Хвост? Лапы? Какого хрена здесь вообще происходит?!

А в следующее мгновение случилось нечто невероятное: внезапный всплеск в памяти — и острые, как лезвие, воспоминания прорезали занавес неведения. Все эти образы из чужого и в то же самое время моего детства, ощущения, мысли и эмоции были не из моей текущей жизни, они пришли из другой реальности, моей другой жизни, в которой я был лисолюдом, магическим существом, получеловеком-полужверем с огненно-рыжей шерстью, острыми клыками и когтями.

Я вспомнил свою недолгую жизнь в этом странном и жестоком мире, где мне было всего двенадцать весен. Я жил со своей семьей в маленьком городке, расположенном на границе с Желтой степью.

Прямо сейчас я без возможности как-то повлиять на ход событий, как сторонний наблюдатель, следил за последними минутами моей недолгой жизни в этом мире.

Мое родное поселение подверглось нападению орды умертвий, человекоподобных чудовищ, вышедших из Проклятых земель. Враг уже прорвался сквозь городские стены и уже вовсю сеял смерть внутри города. Отовсюду слышались вопли умирающих и вой кровожадных мертвяков.

Мое сердце охватил не столько страх, сколько решимость добраться до моего дома. Я должен был любой ценой защитить мою маму и младшую сестренку!

Я мчался по знакомым улицам, которые сегодня казались мне чужими. Хаос, трупы, кровь, разрушения — все это подстегивало меня двигаться еще быстрее. В голове била набатом одна единственная мысль: «Только бы успеть! Только бы успеть!»

Пробираясь сквозь лабиринт переулков, нынешний я, благодаря новоприобретенным воспоминаниям, уже знал, что тот я, мальчишка-лисолюд, отчаянно спешащий на помощь своей семье, опоздает. Умертвия доберутся до его дома раньше него.

Собственно, так все и произошло. Я видел, как мальчишка-лисолюд ворвался во двор своего дома как раз в тот самый

момент, когда там уже хозяйничало несколько проклятых тварей.

Яростно зарывав, он бросился на ближайшего врага, при этом формируя на выставленных вперед ладонях магическую технику. Прошлая память тут же подсказала мне, что это простенькое боевое плетение школы Хаоса, к которой принадлежал я в той жизни, причем выполненное довольно коряво и второпях. Само по себе оно вряд ли навредило бы умертвию, но благодаря стрессовому состоянию юного лисолюда, напитавшего плетение большим количеством маны в ущерб собственному магическому источнику, атака увенчалась успехом.

Магическое плетение ярко-лилового цвета, трансформировавшееся в небольшую паучью сеть, в мгновение ока обволокло уродливую башку чудовища, а потом сжалось и с чавкающим хрустом разможило ее словно неспелый фрукт.

Другие два умертвия тут же отреагировали на уничтожение их «сородича». Издавая нечленораздельные хрипы, скрежеща длинными изогнутыми когтями по каменной плитке, они практически одновременно с двух сторон бросились на лисолюда.

Тот, формируя на правой ладони следующее плетение, увернулся от первой твари и поднырнул под лапу второй. Все это он проделал с легкостью, будто играючи. Его рыжий хвост с угольно-черным пятном на кончике упруго извивался, помогая телу держать равновесие и баланс.

Очередное плетение, наконец, сформировано — и в шею второго умертвия впился короткий темно-лиловый сгусток в виде веретена. Легкий хлопок — и голова чудовища отлетела в сторону, а его тело грузно рухнуло в сад камней, заливая темно-зеленой жижей изящные волны на сером песке, оставленные медитативным взмахом граблей мастера сада.

Второе боевое плетение, под завязку напитанное маной, опустошило источник мальчишки лисолюда больше, чем наполовину. Кроме того, из-за грубого всплеска энергии недостаточно укрепленные стенки ядра, а также энергоканалов и энергоузлов во многих местах повредились. Лисолюд слишком молод и еще не готов к таким нагрузкам, но ему было уже все равно. Боевая ярость полностью поглотила его разум.

Я вспомнил, что чувствовал тогда... Единственное, чего я

желал — это рвать и уничтожать этих тварей... И плевать на предупреждения наставника.

Последнего мертвяка лисолюд разрубил практически пополам «Серпом Хаоса». Монстр даже не успел как следует отреагировать, настолько все быстро произошло. Правда, последняя атака забрала почти всю ману из источника.

Тяжело дыша и пошатываясь, мальчишка медленно окинул взглядом учиненное им побоище, а затем развернулся, чтобы войти в дом. Он уже шагнул вперед, но неожиданно замер словно статуя. В проходе показалась уродливая башка еще одного чудовища. Оно было намного меньше умертвий. Тонкокостное, худое и серокожее. С длинными когтистыми лапами и широкой пастью, усеянной треугольными черными зубами. Два больших белесых рыбьих глаза, не мигая, таращились сейчас на мальчишку, а плоская башка монстра была слегка наклонена вправо.

Это был некроморф... Одна из самых опаснейших тварей Проклятых земель. В сравнении с ней, умертвия казались лишь бледной тенью угрозы.

Лисолюд тяжело выдохнул, слегка приподнял дрожащие от перенапряжения руки и потянул оставшуюся энергию из источника. Хотя он уже понимал — это бесполезно.

Моим последним воспоминанием из той жизни было то, что мы атаковали друг друга практически одновременно. А дальше меня обволокла уже знакомая тьма безвременья...

* * *

Когда я открыл глаза, первое, что я увидел — это ткань потолка моего шатра. Она слабо колыхалась на ветру, а тусклый свет, просачивающийся сквозь нее, создавал мягкое, уютное освещение. В воздухе витал запах дыма и готовящейся пищи. Судя по всему, сейчас позднее утро. Выходит, я был без сознания всего несколько часов?

Я быстро огляделся. Да, это мой шатер. Я в своей постели. Интересно, почему я здесь, а не в покоях, что мне выделили в цитадели? Видимо, Сигурд, а в том, что меня сюда притащил именно он, я не сомневаюсь, решил перестраховаться.

Когда я попытался приподняться, по моему телу пробежала обжигающая волна острой боли. От неожиданности я сцепил

зубы и приглушенно застонал. В глазах тут же потемнело, голова закружилась, а сердце забилось быстрее, словно попавшая в клетку дикая птица. Тело покрылось холодным потом.

— Зараза! — сквозь зубы рыкнул я, усилием воли удерживая себя от очередного обморока. — Какого...

Новая раскаленная волна пробежалась по телу и я, глубоко вдохнув и выдохнув несколько раз, наконец, догадался перейти на истинное зрение и осмотреть свою энергосистему.

Ох... Лучше бы я этого не видел...

— Да вы издеваетесь! — в сердцах прохрипел я, когда осознал, что вижу.

Пока я был в отключке, золотая энергия уже похозяйничала в моей энергосистеме, перестроив ее под себя. Все, что создавалось мной на протяжении последнего года, все было разрушено или изменено. Магия аурингов словно какой-то прожорливый паразит проникла и приспособилась в новой питательной среде. Не таким я себе представлял преобразование...

Все энергоканалы и энергоузлы, которые я так скрупулезно расширял и укреплял под свои нужды и под свои умения, теперь выглядели совершенно иначе. Из всего выходило, что мне теперь придется заново не только повторить весь процесс, но и научиться владеть своим энергетическим телом. Я как будто заново переродился... Только уже в новой энергетической оболочке.

Но были и плюсы. Мой источник, пусть и лишившись защитной оболочки, стал объемней примерно процентов на десять. А еще, несмотря на то, что он был практически пуст, скорость генерации в нем новой энергии значительно выросла. Правда, заполнение происходило за счет жизненной энергии моего физического тела. Отсюда и эта жуткая боль... Очнись я на несколько суток позднее, от меня бы остались кожа да кости.

С этим надо срочно что-то решать...

Шум у входа в шатер отвлек от созерцания моего внутреннего мира.

Я перешел на обычное зрение и повернул голову. На пороге стояла Лада, а рядом с ней отирались мои феяи. Никто из них не решался сделать первый шаг.

Не понял. Они что, боятся меня?

— Очнулся? — спросила Лада.

Ведьма старалась, чтобы ее голос звучал, как всегда, независимо и насмешливо, но я видел, что ее здорово потряхивает.

— Да, — как можно спокойней произнес я и тут же спросил: — Как долго я был без сознания?

— Сутки, — ответила Лада, продолжая стоять на пороге шатра. Фейри находились там же. Они пристально следили за каждым моим движением.

На что они так уставились?

— Что произошло? — спросил я.

— Сигурд притащил тебя вчера утром, — ответила Лада. — Больше я ничего не знаю.

— Почему я здесь, а не в цитадели? — задал я следующий вопрос.

— Тебе сейчас нельзя туда, — ответила она и как-то странно окинула меня взглядом.

— Что происходит? — теряя терпение, спросил я. Подняться с постели я не пытался. Боялся, что меня снова накроет и тогда точно отключусь.

— Это мы хотели узнать у тебя, — произнесла Лада. А фейри почти синхронно кивнули.

— Ты можешь нормально объяснить, что с вами такое? — нахмурился я. — И почему вы там стоите? Подойдите поближе.

— Нам и здесь хорошо, — ответила Лада. Фейри явно были с ней согласны. — И с нами, как раз, все в порядке. А вот с тобой явно что-то происходит.

— Продолжай, — потребовал я, с трудом сдерживаясь, чтобы не наорать на нее.

Интересно, откуда во мне столько гнева и нетерпения? Уж что-что, а эмоции и чувства я прекрасно умею скрывать. Сейчас же у меня было такое состояние, будто я готов сорваться с места и вытрясти из Лады всю душу. Может, это последствия моего видения? Боевая ярость лисолюда не до конца еще отпустила? Хм... Возможно.

— Твоя аура, господин, — тихо произнесла льюнари. В ее глазах я увидел беспокойство. Она почувствовала мое состояние.

— Что?

— Мы все ее видим, — ответила Селина.

— О да, — кивнула Лада. — А если слишком близко к тебе подходим, то еще и чувствуем. И эти ощущения, скажу тебе, не самые приятные.

Я озадаченно осмотрел их серьезные лица, а потом, слегка приподняв голову, взглянул на свое тело.

Бездна! Моя аура, которая сейчас имела золотистый оттенок, была видна невооруженным глазом. От меня, словно как от какого-то ледяного обломка, исходил еле заметный светящийся пар. Я видел, как он поглощает разлитую в пространстве энергию.

— Рядом с тобой круды в считанные минуты превращаются в пыль, — произнесла Лада. — А еще стремительно опустошаются наши источники. Сигурд пока тащил тебя, лишился всех своих кристаллов. Ты должен что-то с этим сделать.

Я откинулся на подушку и прикрыл глаза. Не успел очнуться, а уже вымотан физически, словно пробежал несколько десятков километров.

— Кто еще в курсе происходящего со мной? — спросил я, не открывая глаз.

— Мы четверо: Сигурд, Аэлира и Гуннар, — ответила Игния. — Остальные ничего не знают.

— Люди пока молчат, — сказала Лада. — Но если завтра ты не покажешься в лагере, желательно свежим и бодрым, они начнут задавать вопросы. А вот те, кто прибыл вчера, не так терпеливы.

Я повернул голову и спросил:

— Кавалькада под знаменами принца Филиппа и герцогов?

— Да, — кивнула Лада в ответ. — Маркиз де Гонди уже несколько раз осведомлялся о тебе. Он требует твоего присутствия на военном совете этим вечером.

Хм, значит, сюда отправили сына герцога де Гонди, брата Бланки.

— Требуется? — хмыкнул я, чувствуя, как внутри снова разгорается огонь раздражения.

Да что же это такое со мной?

— Да, — подтвердила Лада. — Этот маркиз ведет себя так, будто это он взял штурмом все эти крепости. Очень заносчивый и упрямый. Требовал немедленно выступить в поход на

Золотого Льва. Говорит, что это приказ его высочества принца Филиппа.

Она еще что-то хотела сказать, но на улице послышались громкие голоса, а спустя несколько мгновений в проем просунулась голова Гуннара.

— Ваше сиятельство! — обрадованно произнес он и громко сглотнул, оглядев меня с ног до головы. — Слава богам, вы очнулись!

Я кивнул и спросил:

— Что там за шум?

— Посланник от маркиза де Гонди. Его сиятельство... кхм... Он это... Он приказывает, чтобы вы прибыли на военный совет сегодня вечером.

— Приказывает? — прищурился я. Все это время тщательно сдерживаемое мной раздражение, наконец, вырвалось наружу.

Судя по тому, как отшатнулись все присутствующие в шатре, в моем взгляде было что-то пугающее.

— Пусть посланник маркиза де Гонди передаст своему господину, что я занят до завтрашнего дня, — холодным голосом произнес я. — А еще, пусть напомним ему, что маркграфу де Валье может приказывать только его король. Иди...

Голова Гуннара исчезла, а я вдруг ощутил, как по моему телу пробежала очередная горячая волна. Бороться с этим приступом боли у меня уже не было сил, и я, закрыв глаза, погрузился в спасительную тьму.

Глава 2

Когда я пришел в себя, в шатре было еще светло. Лагерь снаружи по-прежнему жил своей жизнью. Слышались голоса и смех людей, ржание и мычание животных. Издалека доносились удары кузнечного молота, кто-то совсем рядом играл на флейте.

Потерял ли я сознание тогда или просто уснул — это не важно. Главное, что в этот раз меня больше не мучали видения и я смог отдохнуть. И боль пока не тревожила мое тело.

Перейдя на истинное зрение, я осмотрел свою энергосистему. Значит, этот бардак мне не причудился. Магия аурингов никуда не делась.

Внезапно я ощутил постороннее присутствие и напрягся. А потом облегченно выдохнул...

— Как долго я спал в этот раз? — негромко спросил я, не открывая глаз.

— Небесное светило перевалило за полдень, — ответила Селина. В ее голосе я слышал усталость.

Хм... Значит, я был в отключке всего несколько часов, и льюнари все это время просидела рядом со мной, по-своему обыкновению оберегая мой сон и делая его лечебным.

— Спасибо тебе, — искренне поблагодарил я. — Благодаря тебе я смог отдохнуть.

— Это мой долг, господин, — мягко ответила она.

Я уловил дрожь в ее голосе. Волнуется. А еще ее явно распирало любопытство.

— Спрашивай, — разрешил я.

— Ты убил ее? — быстро спросила она.

— Да, — коротко ответил я, прекрасно понимая, о ком идет речь. — Надеюсь, тебе не надо объяснять, почему я должен был сделать это в одиночку?

— Я понимаю, — ответила льюнари. — Ты не хотел рисковать нашими жизнями. Поздравляю тебя с победой...

Я хмыкнул и кивнул на свое тело.

— И вот моя награда.

— Скажи мне, что с тобой происходит? — оживилась она.

— Думаю, ты уже и сама догадалась, — хмыкнул я.

— В тебе пробудилась истинная сила ауринга...

— Да, — ответил я. — И она мне не подчиняется. Она

словно паразит захватила мой источник и мою энергосистему. Все, чего я достиг не без твоей помощи, изменено этим захватчиком.

Льюнари действительно много помогла мне. Благодаря необычному дару Селины моя концентрация улучшилась. Несмотря на постоянные боевые действия и заботы, связанные с командованием таким огромным количеством людей, мои медитативные практики перешли на новый уровень. Я смог быстро разобраться со своими новыми возможностями после того, как стал авантом.

Заново восстанавливая энергосистему Лады, я освоил новые техники манипуляций с маной и использовал полученный опыт уже на своих энергоузлах и энергоканалах. «Лисья лапа», с помощью которой мне удалось победить Фрию, это результат моих стараний.

Правда, эту технику я готовил под свою энергию, чтобы в момент перехода на новый уровень использовать ее в бою. Обретение силы аурингов стало для меня сюрпризом. Другими словами, получилось два в одном. Став абсолютом, я каким-то образом подстегнул преобразование моей энергии.

Случайность это или воля каких-то мистических существ — не знаю. Одно я теперь знаю точно — пусть мое тело еще не было готово принять энергию аурингов и мне еще долго придется разбираться с последствиями, но только благодаря этому преобразению мне удалось уничтожить Фрию. Эта тварь оказалась намного сильнее, чем я предполагал. Был момент, когда мне показалось, что моя последняя жизнь во-вот оборвется...

— Селина, ответь мне на один вопрос, — задумчиво произнес я, продолжая наблюдать за процессами в моей энергосистеме. — Когда вы начали видеть мою ауру? Насколько я помню, после моего преобразования она была невидима.

— Она проявилась вчера вечером, — ответила льюнари.

— Именно тогда вы перестали приближаться ко мне?

— Нет, — ответила Селина. — Это произошло раньше. Когда мы заметили, что ты забираешь всю нашу энергию...

— Понятно... — произнес я. — Давай проведем один эксперимент. Принеси мне несколько самых маленьких крудов. Разных цветов. Кроме жемчужин.

Льюнари кивнула и исчезла, а через несколько минут

вернулась, держа в руке небольшой мешочек с моими кристаллами.

— Сейчас по моей команде ты будешь скормливать моей ауре эти круды, — объяснил я ей. — Сперва мы начнем с изумрудных и алых, затем в ход пойдут бурые и лиловые. Готова?

— Да, — охотно кивнула она.

— Тогда приступим.

Льюнари высыпала из мешочка на свою ладонь первые изумрудные круды. Они были размером с ноготь мизинца. Их темно-зеленый свет мягко пульсировал, делая их похожими на маленькие сердца, полные жизни.

Селина приблизилась и положила один кристалл мне на грудь, а потом поспешила отойти, при этом остальные круды она оставила на безопасном расстоянии от моего ложа.

Моя аура, получив подношение, тут же словно дикий голодный зверь накинулась на свою добычу. Круд практически мгновенно растворился в прозрачном тумане, лишь на короткий миг окрасив ауру зеленым свечением. От него не осталось даже пыли.

Я было попытался поучаствовать в процессе распределения маны по энергосистеме, но неожиданно получил отпор. Горячая волна боли прокатилась по моему телу. Мне ясно давали понять, что не стоит вмешиваться в «программу» и что я должен довольствоваться ролью наблюдателя.

— Зараза, — прошипел я, стиснув зубы.

Льюнари было дернулась ко мне, но я жестом остановил ее.

Затем, спустя несколько минут мы перешли к алым кристаллам. Селина повторила процедуру. Секунда — и алая энергия смешалась с золотой. В моей ауре появились огненные вспышки, а потом их поглотило золотое свечение.

Я почувствовал, как по моему телу разлилось приятное тепло. Знакомый эффект после использования магии исцеления. Я уж было подумал, что эта энергия будет направлена на восстановление микроразрывов энергоканалов и снятия воспалений с энергоузлов, но паразит, засевший в моем теле, действовал по своим собственным алгоритмам. Вся полученная извне энергия скапливалась в источнике или, как его еще называли маги лисолюдов, ядре.

После этого мы перешли к бурым кристаллам. Эта энергия,

как всегда, была вязкой и густой, наполненной силой земли. Когда первый бурый круд размером с лесной орех растворился, моя аура на мгновение потемнела и в воздухе запахло влажной землей после дождя.

Бурая энергия, будучи, на мой взгляд, более концентрированной и непокорной, впитывалась медленнее. По моему приказу льюнари положила мне на грудь один за другим еще три таких же кристалла и после того как они исчезли, я, наконец, улыбнулся. Моя догадка оказалась верна.

— Ты это видишь? — спросил я у льюнари.

— Твоя аура потускнела! — обрадованно произнесла Селина. — Теперь лиловые?

— Да, — ответил я. — Начни сразу с самого крупного, что у тебя есть в мешке.

Селина достала темно-фиолетовый круд размером с перепелиное яйцо. Когда подношение было принято, аура вспыхнула ярким лиловым светом, излучая волны мощи. Мы с льюнари одновременно прищурились.

— Еще, — сказал я и Селина повиновалась.

В итоге, в общей сложности мы скормили золотому паразиту пятнадцать крудов. В основном это были бурые кристаллы.

Когда последний кристалл растворился, моя аура, наконец, потускнела и стала невидимой. Началось преобразование полученного материала.

Я почувствовал, как напряжение в моем теле спадает, а боль полностью отступила. У меня без проблем получилось подняться и сесть. Я понимал, что этот процесс придется повторять снова и снова, но теперь у меня было хотя бы временное решение этой проблемы. Осталось понять, как долго чудовище во мне будет оставаться сытым.

Я взглянул на Селину и улыбнулся:

— Можешь приблизиться. Тебе сейчас ничего не угрожает.

Льюнари медленно приблизилась и с опаской протянула ко мне руку. Она, словно проверяя — горячая ли стенка печи, дотронулась до моего плеча.

— Ничего не чувствую, — обрадованно улыбнулась она.

— Я же говорил, — ответил я, поднимаясь с постели и разминая плечи.

Встав на ноги, я слегка пошатнулся. Сперва — влево, а

потом вперед. Льюнари попыталась меня поддержать, но я мягко отстранил ее и покачал головой.

— Я сам...

Вокруг меня все кружилось, как будто я оказался в центре медленно вращающейся карусели.

Пошатываясь, я приблизился к столу. Каждый шаг давался с трудом, словно я впервые пытался ходить по нестабильной поверхности. Это было подозрительно, ведь обычно я был уверен в каждом своем движении. Кроме того, я прекрасно знал, что не травмирован. Слабость и головокружение после потери сознания здесь ни при чем. Это что-то другое...

Сейчас я испытывал нечто большее, нежели просто дезориентацию. Это было ощущение невидимой части меня, которой больше не существовало...

Хм... Кажется, я понял в чем дело... Новообетенная память еще одной жизни — все дело в ней.

Мне не хватало хвоста!

Отсутствие этой части тела, такой естественной для лисолюда, делало каждое мое движение непривычным и неуклюжим.

Я усмехнулся и покачал головой, заработав при этом подозрительный взгляд Селины. Кстати, скоро мне понадобится ее помощь, чтобы разобраться с еще одним подарочком моего тайного доброжелателя.

Я закрыл глаза и постарался сосредоточиться. Как бы это сейчас глупо ни выглядело, я должен напомнить самому себе, что являюсь человеком. Хех... И что у меня нет никакого хвоста, которым можно было бы балансировать во время движения.

Когда я сделал следующий шаг, стало уже полегче. Еще несколько шагов — и я присел на корточки. Затем подпрыгнул на месте пару раз и облегченно выдохнул. Фух... Вроде отпустило. Правда, тело еще болело, но это уже другая проблема.

Остается надеяться, что мой таинственный приятель не вернет мне память из еще одной прошлой жизни, в которой я был каким-нибудь змеелюдом или человеком-черепахой.

Все это время Селина следила за мной задумчивым взглядом.

— Что чувствуешь? — усмехнувшись, спросил я.

— За прошедшие сутки ты изменился, — честно ответила она. — И это не преобразование... В тебе есть что-то еще.

— Что-то плохое? — спросил я, садясь на постель и разминая запястья.

— Нет, — покачала головой она. — Это не плохое и не хорошее... Не твое и не чужое...

Я хмыкнул. Близко... Даже не сомневался, что она почувствует перемены в моем новом характере. Правда, эти перемены временные. Я не собираюсь позволять мальчишке лисолюду отдавать первенство. Мы с ним слишком разные. Хотя кое-что общее все-таки у нас есть. Даже удивительно... Вроде бы разные миры и разные жизни, а некоторые черты характера очень похожи.

— Ладно, — вздохнул я. — Об этом мы потом поговорим. Сейчас позови Гуннара. Мне пора привести себя в порядок. А еще я голоден и готов съесть целого быка!

* * *

Несмотря на то, что я попросил Гуннара не афишировать мое выздоровление, весь лагерь уже знал, что маркграф де Валье в добром здравии и что слухи о его болезни не соответствуют действительности.

С Сигурдом мы перекинулись всего лишь парой слов. Он сообщил, что взятые в плен страйкер Ледяных и душелов надежно охраняются и в любой момент могут быть доставлены ко мне для разговора. Я же, в свою очередь, поблагодарил его за помощь и выдал ему шесть крудов взамен тех, что поглотила моя аура.

Я видел, что мой телохранитель о многом хочет спросить, но, как всегда, он был сдержан и тактичен. Я пообещал ему, что позднее обязательно все расскажу.

А еще Сигурд принес мне небольшую шкатулку, созданную из теневого металла, которую они, помимо доспехов страйкеров и других трофеев, обнаружили в шатре Ледяных.

Как и ожидалось, в шкатулке лежали три небольших угольно-черных круда, а также один Ледяной амулет. А вот на теле Фрии, помимо одежды, ни одного артефакта не обнаружилось. Выходит, те клинки, которыми она со мной сражалась, были каким-то магическим заклинанием.

Помывшись и перекусив, я снова почувствовал легкую слабость в теле. Золотой паразит потребовал добавки спустя примерно пять часов. Хм... Ненадолго же его хватило... Такими темпами я очень скоро останусь без кристаллов.

Пришлось скормить ему еще десяток небольших крудов. В основном это были бурые кристаллы. А вот лиловых я ему больше не давал. Дело в том, что я вдруг осознал, что эта мана очень похожа на ту, которую использовал мальчишка лисолюд, сражаясь с мертвяками. В том мире эту магию называли магией Хаоса. Так что лиловые круды мне еще пригодятся для другого дела.

Вся энергия кристаллов, как и в прошлый раз, пошла на преобразование моего магического источника, и я снова, как и в прошлый раз, не смог никак повлиять на это процесс. Легкая горячая волна боли, пробежавшая по моему телу, напомнила, что произойдет, если начну мешать.

Но у меня и без того было, чем заняться. Сегодня ночью я должен получить ответы хотя бы на некоторые вопросы. И льюнари мне в этом поможет.

Дав приказ Сигурду и Аэлире никого ко мне не впускать, мы с Селиной приступили к еще одному эксперименту.

— Ты выполнила мой приказ? — спросил я у нее, устраиваясь поудобней на своем ложе.

— Да, — бодро ответила она. — Я отдохнула и готова помочь тебе.

— Хорошо, — сказал я. — Хочу предупредить тебя. То, что ты сегодня увидишь, не должно тебя удивлять. Мне понадобятся все твои умения.

— Я готова, — уверенным голосом повторила она, хотя я чувствовал ее волнение.

После того как я устроился поудобнее на своем ложе и закрыл глаза, Селина села у моего изголовья и прикоснулась кончиками своих пальцев к моим вискам. Через несколько мгновений я почувствовал мягкое тепло разлившееся по телу. Мои веки стали тяжелыми. Мне вдруг стало очень хорошо, как в детстве.

Льюнари что-то тихо прошептала, и почти сразу же передо мной начали возникать мутные образы. Уши, как сквозь вату, улавливали посторонние звуки. В нос ударил пряный травяной запах перемежку с запахом озерной воды.

Внезапно картинка стабилизировалась, и я оказался на небольшой уютной поляне на берегу лесного озера. Я тут же вспомнил этот эпизод из моей прошлой жизни. Мне здесь шесть лет, и это — мой первый урок практической магии.

Вокруг меня сидели другие маленькие лисолюды из моего класса. Их хвосты периодически вздрагивали от волнения. Сегодня наставник покажет нам настоящее боевое плетение. Мы все были одеты в простые просторные одежды, и каждый из нас держал в руках небольшой кристалл, на четверть заполненный ярко-лиловой магией. Значит, я не ошибся насчет лиловых крудов...

Перед нами стоял наш наставник. Это был худой старый лисолюд. Его серебристо-белая шерсть блестела в лучах утреннего солнца. Кончик его правого уха был отрублен, а левый глаз закрывала повязка. Старый лис потерял его в сражении с тварями пустошей.

Наставник поднял руку, и под дружный детский вздох в воздухе возник небольшой лиловый сгусток, который медленно трансформировался в простенькое плетение из тонких энергетических нитей. Плетение напоминало один из иероглифов алфавита моего учителя Мамору Ямады.

Наставник специально делал все медленно, чтобы мы все хорошо могли рассмотреть и запомнить.

— Смотрите внимательно, — говорил он сухим властным голосом. — Это Клык хаоса. Самое простое атакующее плетение. Это основа, на которой будет строиться ваше мастерство.

Я смотрел, затаив дыхание, пытаясь уловить каждое движение, каждый завиток магического плетения.

Тем временем наставник медленно повел правой рукой, и плетение начало видоизменяться. Оно становилось все сложнее и красивее. Каждую трансформацию старый маг сухо комментировал, давая каждому плетению разные имена. На десятом он остановился и произнес:

— А теперь зачерпните энергию из кристаллов и попробуйте сами создать первое плетение.

Я тут же уверенно, но неумело потянулся к энергии кристалла и почувствовал долгожданный отклик. Сосредоточившись, я начал подражать движениям мастера, и к моему удивлению, передо мной возник тот самый светящийся

узор. Правда, он был не такой изящный и яркий, как у наставника.

Восторг и счастье от первых успехов переполнял мое детское сердце. А еще нынешний я понимал, что, кажется, нашел ту самую подсказку.

Образы начали блекнуть, и я вернулся в реальность. Надо мной склонилось бледное лицо Селины. Ее глаза были широко открыты. Ведь она тоже была на той поляне, только как сторонний наблюдатель.

Мои губы растянулись в улыбке, и я подмигнул ей. Теперь я знал, с чего начать...

Глава 3

Утро следующего дня началось с разминки и водных процедур, а закончилось плотным завтраком на свежем воздухе практически на виду у всего лагеря.

Все это мной было проделано энергично и как ни в чем не бывало. Другими словами, я давал понять всем моим людям, что их полководец — все тот же. И что он полон сил и готов к новым подвигам. И пусть все вокруг вели себя как обычно, я точно знал, что уже к полудню о моем появлении и о моей прекрасной физической форме будет знать каждая собака.

Ну а то, что меня не было два дня... Мало ли какие там у маркграфа были причины? Главное, что вот он — жив, здоров и спокойно завтракает. И, судя по количеству еды, аппетит у него отличный. А что же это, как не признак крепкого здоровья?

Правда, кое-кого мое представление не обмануло.

— Плохо выглядите, ваше сиятельство, — вместо приветствия произнесла Лада, когда приблизилась к моему столу.

Говорила она негромко, так что нас никто не мог услышать.

— Но аппетит, как я вижу, отличный, — хмыкнув, добавила она, обведя мой стол взглядом.

— И тебе доброе утро, — кивнул я, промокнув губы тонкой кружевной салфеткой и учтиво вставая из-за стола.

Бертран перед нашим отъездом снабдил Гуннара большим количеством всяких мелочей вроде серебряных подсвечников и хрустальных кубков. По мнению старика — даже в походе быт его господина должен максимально, насколько это возможно, соответствовать его высокому статусу.

Гуннар, к слову, проникся ответственностью к своей миссии и довольно скрупулезно выполнял поручение своего наставника. Надо будет не забыть похвалить его в присутствии Бертрана.

И наградой не обделить. Хотя, должен заметить, за время нашего похода парень успел неплохо прибарахлиться и разжиться серебром. Одна ставка на мой поединок чего стоит. Не удивлюсь, если узнаю, что по возвращении в столицу Гуннар прикупит себе жилье в нашем торговом квартале.

Лада отчасти была права. Несмотря на то, что я выглядел бодро, нормально отдохнуть мне не удалось. Пришлось всю

ночь просидеть за письменным столом, зарисовывая на бумаге плетения из воспоминаний лисолюда, а также записывая все, что подсказывала мне память из той жизни. Я на всякий случай решил подстраховаться. Мало ли? Вдруг, проснувшись завтра, я забуду обо всем?

Я кивнул Гуннару, и тот поспешно отодвинул стул перед Ладой. Ведьма, изобразив легкий книксен, села на предложенное место, а я снова опустил в свое походное кресло.

Перед Ладой тут же возникли тарелка и столовые приборы, а также хрустальный бокал, в который Гуннар налил светло-розовое валеysкое. Это вино было самым легким из моей коллекции. Душистое и бодрящее — оно, скорее, напоминало сок, чем алкогольный напиток.

От еды Лада отказалась, но указала Гуннару на блюдо с фруктами.

Грациозная осанка, безупречное знание столового этикета, а также множество других деталей в ее поведении явно говорили о том, что Лада — из аристократической семьи. Правда, она очень старалась это скрывать.

Я бы давно уже мог настоять на том, чтобы она мне все рассказала о себе, но решил подождать. Придет время, и она мне все сама расскажет.

— Это неожиданное приглашение на завтрак, — с легкой усмешкой обратилась она ко мне, после того как сделала маленький глоток из бокала. — Тебе что-то понадобилось от меня? Что я должна сделать?

— Ничего, — спокойно ответил я. — Больше никаких поручений.

— То есть? — тут же напряглась она. — Я не понимаю тебя...

— Разве ты этого еще не почувствовала? — спросил я.

Лада нахмурилась. В ее взгляде я пытался поймать тень понимания, но пока там было только беспокойство.

— Что я должна была почувствовать? — осторожно спросила она.

— То, что ты абсолютно здорова, — ответил я, при этом наблюдая, как ее глаза округляются. — Все условия нашего договора выполнены. Как с твоей стороны, так и с моей. Твоя энергосистема полностью восстановлена. Скажу больше... Я ее

даже улучшил. Хотел понаблюдать за ней несколько дней, но вижу, что все в порядке. Ты свободна от всяких обязательств передо мной. Как, собственно, и я перед тобой.

Руки ведьмы слегка подрагивали, а в уголках глаз появились крохотные слезинки. Она резко вскочила на ноги.

— И я могу уйти? — немного охрипшим голосом спросила она.

— Я же сказал — ты свободна, — подтвердил я. — Ты вольна идти, куда тебе заблагорассудится. Хоть прямо сейчас.

Она было дернулась, но ее остановил мой голос.

— Но... — произнес я.

— Так и знала, что будет какое-то «но», — разочарованно произнесла ведьма. Ее губы скривились в злой усмешке.

Я усмехнулся в ответ и покачал головой:

— Мне просто интересно, куда ты отправишься. Присядь... Допей это прекрасное вино. Насладись фруктами. И поговори со мной перед уходом. Повторюсь... Тебе никто не будет чинить препятствий. Я всегда держу свое слово.

Лада, продолжая хмуриться, опустила на стул и взяла со стола бокал.

— Зачем тебе это знать? — недоверчиво спросила она.

Ведьмы... Какие же вы все одинаковые. Хотя, чему я удивляюсь? Вадома точно такая же была. Независимая и сама себе на уме. Единственное, что для ведьмы свято, это ее ковен.

— Ну, мы же вроде как не чужие друг другу, — пожал плечами я. — Ты помогала мне, я помогал тебе. Да, мы были связаны договором, но я тебе искренно благодарен за твою помощь. Считаю, с моей стороны это всего лишь беспокойство о друге...

Лада насмешливо прищурилась и ехидно произнесла:

— Порой я задаюсь вопросом, от кого в тебе больше — от человека или от лиса?

Я лишь молча улыбнулся. Хех... Если бы ты только знала, как бы мне хотелось узнать ответ на этот вопрос.

— И к какому выводу ты пришла? — спросил я.

— Нет уж, — покачала она головой. — Свои выводы я оставляю при себе.

— Но ты согласна со мной? Мы ведь друзья?

— Если мы друзья, тогда скажи мне как другу, что с тобой происходит? — склонила голову набок она. — Эта золотая

аура...

— Преображение, — ответил я.

Скрывать не было смысла, Лада и сама уже все поняла. Кроме того, сейчас я должен быть предельно откровенным, если хочу сохранить наш с ней союз. А вот о том, что я теперь еще и абсолют, ей пока знать не надо.

— И ты смог решить проблему? — повела головой она, окинув меня всего взглядом, намекая на мою прожорливую ауру.

— Почти, — прищутив левый глаз, покачал головой я.

— Это как-то связано с Ледяными, которых стерегут твои страйкеры? Один из них, как я понимаю, тот самый душелов?

— Да, — коротко ответил я.

— Не боишься, что за ним явится его хозяйка?

— Ее больше нет, — ответил я.

Ноздри ведьмы хищно затрепетали. Ее явно обрадовали мои слова.

— Ты прикончил проклятую жрицу, — в ее голосе послышалось удовлетворение.

— Не жрицу, — поправил я ее. — Она была из младших хримтурсов.

Глаза ведьмы расширились. Она побледнела и закусила губу.

— Уверен? — хриплым голосом спросила она.

— Абсолютно, — ответил я.

— Ауринги, хримтурсы... — ошеломленно произнесла она.

— Я думала, что это все сказки...

— Не поверишь, я тоже. Ну так как, я удовлетворил твоё любопытство?

Ведьма вздохнула, снова взяв себя в руки, и ответила:

— После того как ты меня вылечишь, я намеревалась отправиться на родину.

— У тебя там семья?

— Нет, — хмуро ответила она. — Там у меня остались только враги.

— Значит, тобой движет месть, — задумчиво проговорил я.

— Они сильны?

— Да, — ответила она. — Но я скорее погибну, пытаясь отомстить им, чем предпочту забыть обо всем. Ты ведь это хотел мне предложить? Забыть и продолжить жить дальше?

— Нет, — покачал головой я. — Но вынужден признать, что разочарован. Я столько труда вложил в тебя, а ты собираешься глупо позволить себя убить.

Лицо Лады вспыхнуло. Ее рука сжала салфетку до белых костяшек.

— Ты... — начала было она.

Но я, как ни в чем не бывало, перебил:

— У меня к тебе есть одно предложение.

Ведьме явно стоило труда сдерживать себя в руках.

— Какое? — зло бросила она.

— А что если ты повременишь с отъездом на родину и останешься здесь на некоторое время. Скажем, на несколько лет.

— Зачем мне это? — с подозрением в голосе спросила она.

— Успокойся, — приподнял я руку. — Тебя никто здесь не намерен удерживать силой. Я ведь уже сказал, что ты свободна. Кроме того, я еще не закончил.

— Я слушаю.

— Хочу тебе помочь, — пожал плечами я. — Помочь стать сильнее. Если все сделаешь, как я предложу, у тебя появятся шансы отомстить своим врагам и остаться в живых.

— С чего бы тебе мне помогать?

— Потому что мне это тоже выгодно.

— Ах вот оно что! — широко улыбнулась Лада. — Значит, помощь будет небескорыстной?

— А что плохого в том, чтобы наше соглашение было взаимовыгодным?

— Уже соглашение? — хохотнула ведьма. — Снова позовешь свидетелей?

— Обязательно, — кивнул я. — Без свидетелей никак. Особенно, если заключаешь сделку с ведьмой. Ну так что? Ты согласна меня выслушать?

— Почему бы и нет, — пожала плечами она. — Что ты хочешь мне предложить?

— Как ты относишься к тому, чтобы разжечь свой собственный Очаг? — спросил я, наблюдая, как меняется ее лицо.

— Ты сейчас шутишь? — понизив голос и оглядевшись, прошипела Лада.

— Нисколько, — покачал головой я. — Если согласишься, я

окажу тебе любую посильную помощь и разрешу обосноваться в своих владениях.

— Ты хотя бы понимаешь, что мне предлагаешь? — дрожащим голосом произнесла она, но я уже видел, что в ее глазах вспыхнула та самая искра, с которой обычно и начинается пожар.

— Конечно, — кивнул я спокойно. — Я предлагаю тебе на моих землях основать свой собственный ковен. Не торопись. Обдумай все хорошо. Когда будешь готова, приходи.

* * *

После завтрака, когда необычно задумчивая и молчаливая Лада ушла, я облачился в свой лучший походный наряд, запрыгнул на Шторма и в сопровождении Сигурда и Лео фон Грима отправился в цитадель. Мой оруженосец был явно обижен тем, что эти двое суток его держали в неведении и не подпускали ко мне, но внешне старался этого не показывать.

Нас с Сигурдом его кислая мина только позабавила. Не все сразу, парень. Да, ты захотел стать моим оруженосцем, но это еще не значит, что ты получил доступ в ближайший круг моих людей. Всеу свое время. Уже достаточно того, что я начал учить тебя стилю боя Мамору Ямады. Думаю, Лорин уже начал вправлять ему мозги потихоньку. А там и я подключусь, когда время появится.

Цитадель Сапфировой гильдии представляла собой большую крепость, возведенную древними мастерами у подножия неприступных скал. Гильдия ее использовала как свое последнее убежище на случай войны, а также, как я подозреваю, как свою сокровищницу.

Правда, на тот момент когда мы прибыли в цитадель, ни магов Сапфировой гильдии, ни их сокровищ там уже не было.

Я ошибся на их счет. Оказалось, у них был запасной выход где-то в недрах скал. Которым гильдейцы благополучно и воспользовались, когда поняли, что пора делать ноги. Причем, сбежав, они устроили обвал, перекрывая остальным путь к спасению.

Отчасти я их могу понять — они еще довольно долго продержались. Вестонские легионеры, которых они здесь приютили, а потом и остатки бергонской армии несколько

месяцев уничтожали запасы гильдии. При этом они умудрились проморгать шпионов Серого жнеца и бездарно потерять вход в долину, которым являлся шато Гардьен.

Несколько раз легионеры вместе с бергонцами пытались отбить шато Гардьен, но, потеряв лучших своих бойцов, были вынуждены оставить эти попытки.

Очень скоро запасов стало не хватать. Маги урезали ежедневные нормы выдачи еды. Между вестонцами и бергонцами начались ссоры и драки. Некоторое время командиры еще как-то пытались поддерживать дисциплину, но голод, страх и безнадежное положение сделали свое дело.

Засевшие в цитадели люди, не считая магов, довольно быстро разделились на два враждующих лагеря. Вестонцы обвиняли бергонцев в слабости и трусости, а те, в свою очередь, напомнили о «веселье», которое устроил принц Генрих.

В итоге ситуация накалилась до предела и в один из дней началась резня. Как более подготовленные и организованные, вестонские легионеры взяли верх над бергонцами, но и сами потеряли много людей. А на следующий день после побоища все поняли, что маги исчезли и унесли с собой часть продовольствия, а также все свои сокровища.

Дальше все становилось только хуже. В общем, когда наше войско вошло в цитадель, в живых там осталось около трех когорт. Изнеможденные и ослабленные от голода, но не сломленные.

Когда мы оказались внутри крепости, я прямиком отправился в местные подземелья, где под присмотром моих страйкеров содержались Ледяные.

Вниз я спускаться не стал; на верхнем этаже башни, под которой находились камеры, было достаточно помещений, где можно поговорить с заключенными.

Когда ко мне доставили душелова, я стоял у бойницы и наблюдал за суетой крепости. Под грохот цепей двое моих бойцов усадили пленника на скамью и после моего молчаливого кивка вышли.

Надо будет парням выдать премию. Страйкеры — не тюремщики. Но Сигурд сказал, что все всё понимают. Все-таки пленники у нас непростые.

Душелов был невысокого роста, худощавый, с бледным

безэмоциональным лицом и серыми слегка выпученными глазами.

Я перешел на истинное зрение. В отличие от своих братьев рыцарей, душелов имел магический источник. Довольно объемный, кстати. Видно, что он развивал свой странный магический дар.

— Как так вышло, что истинный помогает демонопоклонникам уничтожать своих собратьев? — спросил я, продолжая стоять у окна.

Душелов дернулся и с ненавистью посмотрел на меня. Правда, в его взгляде я заметил неподдельный страх. Ну еще бы, на его глазах я уничтожил его хозяйку.

— Не молчи, — сказал я, не повышая голоса. — Мне бы не хотелось звать сюда палача. Думаю, мы прекрасно справимся и без него, правда ведь?

— Они мне не собратья, — буркнул он. Его надтреснутый голос слегка подрагивал.

— Но ты ведь истинный, — сказал я. — Ты враг для хримтурсов, которым поклоняются эти фанатики.

— Я не враг моему повелителю! — немного осмелев, взвизгнул душелов. — Я — его верный слуга! Он обязательно наградит меня, когда вернется в этот мир!

— Так значит, ледяной демон, которого мои собратья вышвырнули в бездну, собирается вернуться?

Душелов вдруг дернулся и, поняв, что сболтнул лишнего, резко заткнулся. Он двинул плечами и опустил голову.

— Ну вот, — вздохнул я. — А ведь мы так хорошо начали...

Душелов громко засопел, сжавшись в комок. Думает, я его сейчас бить начну.

— Кстати, эта ваша сестра Фрия оказалась не такой уж всесильной, — насмешливо произнес я.

Душелов зло зыркнул в мою сторону и прошипел:

— Рано радуешься... Скоро за тобой придут ее брат и сестра.

— О, так значит, она не одна? — покачал головой я.

Душелов снова сжался и, похоже, больше не собирался произнести ни слова.

Я вздохнул и демонстративно погладил свой живот.

— Из-за этой суматохи вокруг прибытия маркиза де Гонди, я еще не успел позавтракать, — непринужденно произнес я. — Ты как, голоден? Небось, на местных харчах долго не протянешь.

Я видел, как забегали глаза душелова, и как его руки начали подрагивать. Конечно, он голоден. Сигурд двое суток держал его на воде и сухарях.

— Эй! — громко крикнул я. — Кто там?

Дверь открылась, и в проеме показалась голова Лео.

— Принеси нам что-нибудь поесть. И вина не забудь прихватить. Потряси там этих бездельников. Наверняка у них там в закромах найдется чем поживиться.

Когда голова Лео исчезла, я весело подмигнул душелову и, потирая ладони, присел к столу.

— Сейчас он им там устроит! Хе-хе! Не удивлюсь, если узнаю, что местные тюремщики балуют себя столичными винами.

Душелов молчал, но я заметил его тоскливый и голодный взгляд, которым он проводил моего оруженосца. Спустя буквально несколько минут дверь распахнулась, и мои бойцы начали накрывать на стол. Здесь было две запеченные курицы, хлеб, сыр, овощи, крынка молока с запотевшими стенками и пузатый кувшин с вином.

— Ну! — снова потирая ладони и разглядывая заставленный едой стол, воскликнул я. — Что я говорил? Живут не хуже герцогов!

Душелов во все глаза таращился на стол и периодически сглатывал.

Лео с непроницаемым лицом налил в мой глиняный стакан вино и хотел было поставить кувшин на стол, но я его остановил:

— Ему тоже налей... Только чуть-чуть...

Лео кивнул и выполнил приказ.

— Тебя как зовут-то? — обратился я к душелову, накладывая себе в тарелку еду.

— Вальдар, — прохрипел он.

— Присаживайся к столу, Вальдар, и поешь.

Тот колебался недолго и, гремя цепями, пересел на табурет у стола и набросился на предложенное угощение. Лео поставил перед ним стакан с вином.

— Выпей вина, — сказал я ему и демонстративно отхлебнул из своего стакана.

Вальдар проследил за мной и, схватив стакан, жадно опрокинул его содержимое себе в глотку.

Я взглянул на Лео.

— Неси бумагу и чернила, — сказал я. — Будешь записывать.

Глава 4

Когда я покинул башню, время уже шло к ужину. После общения с Ледяными настроение было мерзопакостным. Меня словно в дерьмо макнули.

Я, конечно, знал о Ледяном ордене уже много всяких гнусностей, но душелов открыл мне глаза на многое. Мне еще долго придется переваривать полученную информацию, а также пересмотреть некоторые свои планы и будущие шаги.

Лео шел следом за мной. Он крепко сжимал в руках сумку, в которой хранились подробно записанные показания обоих северян. Стопка листов получилась довольно объемная.

Парень, похоже, чувствовал себя отвратительно. Еще бы... Услышать столько мерзостей, которые творили эти фанатики. пытки, убийства, казни. Орден Ледяных действовал с размахом. Уничтожены тысячи истинных и первородных.

Пока мы с душеловом под мое вино «мило» общались, я видел, что Лео несколько раз был в шаге от того, чтобы изрубить этого урода на куски. Но он сдержался, за что я его позднее похвалил.

В тот момент, когда у нас с Вальдаром пошел разговор обо мне и о Фрие, я дал команду Лео выйти из комнаты. Эта информация не для его ушей. И уж тем более не под запись. Правда, ничего такого душелов мне не рассказал. Он и сам только два дня назад там, на вершине скалы перед нашим поединком с Фрией узнал о ее истинной сущности.

А вот о темниках и о своем даре мне он поведал многое и с огромным удовольствием. Уже в конце нашей беседы, широко улыбаясь и довольно потирая ладони, он, как лучшему другу, рассказал мне о своем плане побега.

Оказалось, что все то время, пока он сидел у нас в подземелье, он активно использовал свой дар. Вальдар называл это умение «Призывом». Благодаря этому умению, душелов охотился за темниками. Я полагал, что эти твари не любят далеко удаляться от фронта. Но я не учел тот факт, что даже в этом случае у Вальдара имелся пусть и крохотный, но шанс подманить какого-нибудь заблудшего духа.

Когда я об этом услышал и представил, чем все могло закончиться добейся душелов своего, у меня по спине пробежала волна холода...

На улице нас ждали мои люди. Помимо Сигурда и страйкеров, там стоял невысокий узкоплечий воин с густой черной бородой почти до глаз и близко посаженными звериными глазами.

Когда я приблизился, он поклонился и молча вопросительно посмотрел мне в глаза.

— Как и обещал — Ледяные теперь ваши, — произнес я.

Бородач хищно оскалился и кивнул троим бойцам, что стояли чуть поодаль.

— И еще, — остановил я его. — Вам стоит поторопиться...

Я быстро в двух словах предупредил его о том, что душелов может в любой момент выкинуть пакость. За что бородач искренне поблагодарил меня и поспешил со своими друзьями в сторону башни.

О том, что перед уходом я скормил своей ауре всю энергию душелова, говорить, конечно, не стал. У меня как раз вышло время, и «паразит», засевший во мне, потребовал новое подношение.

Наблюдая, как золотые щупальца, присосавшись к источнику Вальдара, вытягивают из него энергию и как тот корчится от боли, жалости или сострадания я не испытывал. Особенно после всего, что я услышал о «подвигах» этой мрази.

Но для душелова это только начало. Тот бородач и его спутники — это оборотни из клана, к которому принадлежали вервольфы, патрулировавшие южный тракт, и которые были «выпиты» темниками. Но не все оборотни из того отряда погибли. Одному удалось сбежать и рассказать обо всем главе своего клана. Тот сообщил уже мне, а дальше уже было дело техники. Правда, мне пришлось пообещать старому оборотню, что я отдам ему выживших Ледяных. Я выполнил обещание, о чем несколько не жалею.

К слову, поговорив с душеловом, я понял, насколько нам повезло, что его темники были очень голодны. Настолько, что он даже был готов скормить им одного из своих братьев по вере. Набросившись на пятерых вервольфов, темники не заметили шестого, притаившегося среди деревьев, которому старший отряда дал приказ не вступать в бой.

Уже удаляясь от башни, я шепотом произнес:

— Проконтролируй и сообщи, когда они закончат...

В том, что Вайра, притаившаяся на крыше башни, меня

услышит, я даже не сомневался.

Запрыгнув на лошадей, мы поскакали обратно в наш лагерь. Уже на входе один из гленнов сообщил мне:

— Все собрались в вашем шатре, ваше сиятельство.

Я кивнул и пришпорил коня.

У шатра меня ждала Аэлира. По ее взгляду я понял, что она хочет сообщить мне что-то важное.

— Что? — коротко спросил я.

— Лада, — ответила Аэлира. — Она уехала.

Я усмехнулся. Ведьма...

— Одна?

— Нет, — покачала головой Аэлира. — Вместе с торговцами из Гондerviля. Хотите, чтобы я ее вернула?

— Нет, — ответил я, спрыгивая со Шторма и передавая поводья одному из бойцов. — Она свободна и может ехать, куда хочет. Это ее выбор.

Когда я переступил порог шатра, внутри за накрытым по всем правилам столичного этикета круглым столом уже сидели все приглашенные мной ранее люди.

Я бодро улыбнулся и обвел взглядом их лица.

Ближе всех ко мне сидел капитан когорты легионеров Самюэль Кронер. За последние месяцы он заметно похудел. Стал стройнее и выглядел помолодевшим. Его возраст выдавали глубокие морщины и седые волосы на висках.

Капитан был мрачен и напряжен. И не удивительно. Сыночек герцога де Гонди наверняка ему уже весь мозг вынес. Ему и виконту де Левалю.

Пьер сидел рядом с капитаном, которого папаша приставил к нему. Виконт был задумчив и явно чем-то расстроен. Хотя правильней сказать кем-то. Бедняга, видимо, уже знает об отъезде Лады.

Тебе же лучше, глупец... От ведьм тебе надо держаться подальше. Тем более, что у вас нет и не может быть никакого будущего. Ты, наследник графа де Левалья. Тебя наверняка ждет блестящая партия согласно твоему статусу и положению в обществе.

А Лада — ведьма. То, что она аристократка, всего лишь мои предположения. Но даже так, на родине, кроме врагов, у нее никого не осталось. И самое главное — ты не вписываешься в ее образ жизни...

Справа от виконта, устало вытянув ноги и сложив руки на груди, в кресле развалился капитан «Отчаянных» Гастон Лафор. На его лысине красовался свежий шрам. Эту отметину он заработал во время штурма ворот шато де Гардьен. Улыбка на его наглой физиономии при моем появлении стала еще шире и еще веселее.

Видимо, Гастон уже тоже познакомился с маркизом де Гонди и с нетерпением ждал развязки. Руку даю на отсечение, в лагере уже полным ходом делают ставки на то, каким образом маркграф де Валье будет ставить на место этого зарвавшегося вельможу.

Рядом с Лафором, держа в руке бокал с вином, сидел Андре де Шатильон. Прямая спина, обманчиво скучающий взгляд — виконт всегда готов к бою.

Должен сказать, я не жалею, что сделал на него ставку. Довольно в короткие сроки виконту удалось собрать сильный конный отряд из таких же отчаянных рубак, как и он сам. И это только начало.

На левой стороне стола разместились Курт фон Харт, Георг фон Линц и предводитель мертонцев барон Илар Рис. Взгляды всех троих остановились на мне. Они, в отличие от остальных присутствующих, знали, где я сегодня был, и явно ждали новостей.

Чуть поодаль от всех сидела Самира Клеман. Официальная представительница Янтарной гильдии магов ни разу не ответила отказом на мое приглашение — присутствовать на наших военных советах.

Вот и сейчас она была здесь. Я бы мог обойтись и без нее, но для того, что я собирался сделать, мне был нужен свидетель от гильдии магов. Кроме того, мы вместе через многое прошли. Она отлично показала себя в каждом сражении. И пусть Самира, скорее всего, в будущем противостоянии с Янтарными окажется по другую сторону баррикад, я по-настоящему уважал эту женщину.

На нашем собрании уже привычно отсутствовал Жан-Клод де Бакри, который еще несколько дней назад отправился на юг. Там у него было запланировано много встреч с местными кланами. Надеюсь, его стараниями наше войско увеличится.

А еще, несмотря на мое приглашение, отсутствовал маркиз Луи де Онжес. Именно он был командиром вестонского

легиона, засевшего в цитадели Сапфировой гильдии. Вернее сказать, командиром тех вестонцев, что остались в живых.

Кстати, этот маркиз де Онжес, младший сын герцога де Онжеса, брат маркиза Оливье де Онжеса. Того самого бывшего приятеля Анри де Шатильона.

Врать не буду — отсутствие маркиза меня не расстроило. Этот вздорный и напыщенный тип мне с самого начала не понравился. Да и я ему тоже.

Когда мы вошли в цитадель, он сразу же попытался начать качать права. Пришлось жестко поставить его на место. Так что нет ничего удивительного в том, что он проигнорировал мое приглашение.

При моем появлении все встали и поклонились.

— Ваше сиятельство, мы рады вас видеть в добром здравии, — произнес Лафор, снова развалившись в своем кресле. — Ходили слухи, что вы приболели. Хотя, по правде сказать, я не верил в эту чушь.

— И правильно делали, — ответил я ему, садясь в кресло, которое приготовил для меня Гуннар. — И дабы развеять все сомнения, скажу, что, как одаренный, чтобы усилить и отточить свой дар, я должен подолгу проводить в медитациях. Процесс этот сложный и требует должной концентрации. Иногда он занимает несколько часов, а иногда и несколько суток. Господа маги не дадут мне соврать.

Я повел головой в ту сторону, где сидели барон Рис и страйкеры. Они тут же закивали, подтверждая мои слова.

— Вы абсолютно правы, ваше сиятельство, — произнесла с ироничной улыбкой Самира Клеман. — Мне бы вашу усидчивость и самоконтроль.

Самира давала мне понять, что не поверила ни одному моему слову.

— Господа! — произнес я. — Прежде чем приступить к нашему ужину, я должен сообщить вам, что у меня есть сведения, касающиеся нашего главнокомандующего, маршала де Клермона, а также остальных генералов.

Тут же повисла тишина. Все взгляды устремились на меня. Кроме, пожалуй, виконта де Леваля. Мысленно Пьер в эту минуту находился где-то очень далеко. Его словно накачали какими-то успокаивающими зельями.

Следующие несколько минут я пересказывал все, что мне

поведал душелов об атаке на командование вестонской армии. О предательстве Каменных и Ледяных, о гибели графа де Бозона и почти всех вассалов герцога де Клермона, о тяжелом ранении маршала, и о том, что остатки вестонской армии заперты сейчас у подножия Железного хребта.

В заключение своей речи я выложил на стол несколько листов, исписанных Лео фон Гримом. Это были исправленные копии тех записей, что вел мой оруженосец. Я заставил его переписать их только без упоминания о темниках и взял с него клятву молчания, дав ему тем самым понять, что это тот самый переход на новый уровень. Парень воспрял и здорово впечатлился.

— Вот здесь записаны показания двоих пленников, допрошенных мной сегодня, — произнес я. — Они заверены моей подписью, а также подписью моего оруженосца, Лео фон Грина, которого вы все прекрасно знаете. Эти бумаги будут доставлены его величеству в ближайшее время.

Я взглянул на виконта де Леваля и добавил:

— Виконт, ваш отец не погиб. В тот день ему удалось спастись.

Пьер все еще находился во власти любовной меланхолии, спровоцированной отъездом одной коварной ведьмы, поэтому не сразу отреагировал на мои слова.

В отличие от всех присутствующих. Все тут же одновременно заговорили. Мой шатер заполнился разноголосым шумом.

— Что? — очнулся Пьер де Леваль и обвел нас непонимающим взглядом. — Что вы сказали?

— Ваш отец жив, виконт! — широко улыбаясь, громко произнес сидящий с ним рядом капитан Кронер. — И я искренне рад! Слава всем богам!

Пьер слегка обалдело смотрел на Кронера, переваривая сказанное. Похоже, Лада здорово промыла ему мозги своими ведьмачьими фокусами. Перестраховалась. Видимо, не хотела, чтобы он бросился следом за ней.

— А где сейчас эти пленники? — громко спросила Самира Клеман. — Я тоже хочу задать им несколько вопросов. И кто они?

— Это те самые Ледяные, которые отправились в поход вместе с нашей армией в качестве сторонних наблюдателей, —

ответил я.

— А как они здесь оказались? — удивилась Самира.

— Разве не понятно? — громогласно рыкнул Гастон Лафор.
— Сюда они прибыли, чтобы убить маркграфа де Валье! Да только здесь им обломали зубы! Верно я говорю, ваше сиятельство?

Я лишь многозначительно улыбнулся. На что капитан Лафор, довольный своей догадкой, расхохотался.

Игнорируя громкие выкрики командира «Отчаянных», Самира Клеман продолжила настаивать.

— И все-таки... Где сейчас эти пленники?

— А зачем они вам понадобились, мадам? — спросил Лафор. — Хотя я знаю ответ на этот вопрос. Вы беспокоитесь о своих друзьях. Ведь среди Каменных рыцарей есть и те, кто когда-то начинал в вашей гильдии.

Клеман вспыхнула. Вскочив с места, она схватилась за рукоять своего меча.

— Эти сведения абсурдны! — воскликнула она. — Я...

— Вы хотите в чем-то меня обвинить, мадам? — перебил я ее.

Я говорил спокойно, но по внезапно повисшему молчанию в шатре стало ясно, что мой тон никого не обманул.

Я видел, как поежилась Самира Клеман под моим взглядом.

— Нет, но... — справившись с первым волнением, слегка севшим голосом начала она. — Эти обвинения слишком... Слишком... Это немыслимо... Я лично знакома с великим магистром ордена Серой скалы. Мне сложно поверить, что его превосходительство Фредерик де Моати мог предать его величество. Именно поэтому я лично хотела бы допросить ваших пленников.

— Эти пленники мертвы, — ответил я. — Они долго не хотели говорить...

Все присутствующие понимающе закивали.

— Но эти пленники важные...

— Все, о чем они рассказали, есть в этих бумагах, — кивнул я на листы, лежащие на столе. — Там стоит моя подпись и моя печать. Вам этого мало?

Ответить Самира не решилась. Она поднялась со своего кресла и, поклонившись, произнесла:

— Прошу простить меня, ваше сиятельство, но я вынуждена

удалиться.

Затем, не дожидаясь ответа, она развернулась и быстрым шагом покинула шатер.

Что ж, камень брошен в воду. Скоро круги доберутся и до столицы. Сусанна говорила, что шут давно уже точит зуб на магистра Каменных. Только воля короля удерживала Кико от агрессивных действий против этих фанатиков. Теперь у него есть козырь. И он не будет таким щепетильным, как Самира. Да, я кое-о-чем умолчал, но в остальном, по сути, честно передал все, о чем говорил душелов.

— Господа, предлагаю продолжить обсуждение за ужином, — произнес я, улыбнувшись. Все поддержали меня дружными возгласами.

Когда ужин уже подходил к концу, в шатер заглянул Гуннар и взволнованно произнес:

— Ваше сиятельство, там...

— Что? — спросил я.

— У входа в лагерь несколько десятков всадников. Это маркиз де Гонди и его сопровождающие. Без пароля в лагерь их не пустили. Он разъярен и требует немедленной встречи с вами.

— Хорошо, — кивнул я. — Можешь не седлать коня. Я пройду пешком.

К выходу из лагеря мы пришли все вместе. Остальные, подражая мне, тоже изъявили желание пройтись на своих двоих.

Маркиза Эрика де Гонди я узнал сразу, хотя никогда его не видел вживую. На том балу, где я прикончил Эмиля де Марбо, сына герцога де Гонди не было. Но узнать его было не трудно. Он очень похож на свою сестру. Такой же смуглый и черноволосый, как и Бланка.

Когда я узнал, что делегацию от принца Филиппа возглавляет маркиз де Гонди, то удивился смелости герцога. Отправить сына и наследника в опасное путешествие с небольшим отрядом — это очень рискованно.

Правда, если посмотреть на эту ситуацию под другим углом, то все встает на свои места. Сын герцога де Гонди, возглавив наше войско, добирается до назначенной точки и одновременно с войском принца Филиппа атакует легионы Золотого льва. В случае победы маркиз де Гонди наравне с

принцем превращается в национального героя. Папаша герцог уже давно пытается договориться с королем о помолвке принцессы Адель с его сыночком маркизом. После победы над аталийцами мечта может стать реальностью. И тогда Бофремону придется подвинуться.

Хотя, зная Карла, не думаю, что с его любимой внучкой Гонди что-то обломится. Им достаточно и принца Филиппа. Король ни за что не даст усилиться Герцогу Юга. Пока он жив, по крайней мере...

Уже вблизи я рассмотрел в истинном зрении телохранителей маркиза и понял, что герцог перестраховался. Десять страйкеров. Все сильные медиусы. С таким эскортом можно и попутешествовать. Тем более, если уже знать, что дорога относительно безопасная.

А они знают. Об этом им сообщили дружки виконта де Леваля. Вон их рожи мелькают на заднем фоне среди всего этого разнообразия цветных перьев и роскошных нарядов. Значит, эти ребятки рванули напрямиком в Вестонию. Или все-таки попытались пробиться к маршалу?

Выйдя за ворота лагеря, я остановился и громко произнес:

— Маркиз, мне передали, что вы искали со мной встречи?

Глава 5

— Почему нас не пускают дальше?! — без всяких предисловий тут же наехал на меня маркиз.

Обращаясь ко мне, спрыгнуть с лошади он не потрудился, чем проявил бестактность и неуважение. Маркиз и его спутники, как и мы, явно только что из-за стола. И, судя по разгоряченным физиономиям, вина они выпили больше, чем мы.

Дворяне, сопровождавшие маркиза, тоже остались в своих седлах. Здесь все объяснимо. Они вынуждены вести себя так же, как их предводитель. Хотя я видел, что представителям герцога де Бофремона поведение маркиза явно не по душе.

Многих из них я встречал на столичных приемах. Другими словами, они прекрасно знали, кто я такой, поэтому и старались не встречаться со мной взглядом. Особенно напряглись страйкеры-телохранители маркиза. Понимают, что они рискуют не выполнить свою миссию.

Что же касается неуважения... Наш лагерь находится на холме, и ситуация складывается в этот момент так, что маркиз и его сопровождающие, даже сидя верхом, находятся немного ниже нас. Им всем приходится даже слегка задирать головы.

— Маркиз, — произнес спокойно я и, полуобернувшись, указал рукой на ровные ряды вкопанных в землю острых кольев. — Вероятно, вам никто этого не сказал... Но мне не сложно дать вам исчерпывающие объяснения. Дело в том, что у нас тут сейчас идет война. И все, что вы видите за моей спиной, это не какая-нибудь стоянка бродячих скоморохов, а строго охраняемый военный лагерь, внутри которого не место посторонним. И чтобы попасть за эти ограждения, необходимо знать пароль. Вам известен пароль?

Физиономия Эрика де Гонди сейчас напоминала переспелый помидор. Глаза вот-вот выпрыгнут из орбит. Руки сжаты в кулаки и дрожат словно от дикого холода.

Нет, маркиз... Ты не похож ни на своего отца, ни на свою сестру. Разве что только внешне. По крайней мере, теперь я понимаю, почему герцог де Гонди так много времени проводит с дочерью. Сын и у него болван. Не удивлюсь, если узнаю, что через каких-нибудь лет двадцать наследником герцога станет его внук.

— Вы издеваетесь?! — воскликнул маркиз.

— Даже не думал, — покачал головой я. — Повторюсь, у нас тут идет война.

— Именно поэтому ваши люди взяли под контроль всю цитадель, потеснив тем самым легионеров маркиза де Онжеса? — пошел в атаку маркиз де Гонди. — Теперь над донжонами цитадели и шато Гардьен развешаются ваши личные знамена! По какому праву?!

— По праву победителя, конечно, — удивился я, наблюдая, как синеют от бешенства губы маркиза. — Шато Гардьен и цитадель — мои законные трофеи.

В отличие от Гондериля, который я отказался принимать под свою руку, ситуация с этими двумя крепостями обстояла несколько иначе. По сути, после побега истинных владельцев, они оказались бесхозными.

И если с шато Гардьен было все ясно, то насчет цитадели могли возникнуть некоторые вопросы. Хотя в этом случае я предпочитал руководствоваться девизом, который красовался под гербом на реверсе моего лисьего амулета. «Здесь и сейчас!» — гласила надпись.

Здесь и сейчас сила на моей стороне. Кто желает оспорить мое право, пусть попробует это сделать.

Конечно, я понимал, что эти две крепости мне сейчас, да и в будущем тоже, абсолютно без надобности. Мне бы сперва разобраться с моей маркой. Да что там говорить... Мне бы до нее добраться для начала!

Да и расположение крепостей, особенно цитадели, мне, откровенно говоря, не нравились. Отсутствие нескольких путей отхода полностью противоречило моей лисьей сути. Тем более, что Серый жнец захватом шато Гардьен наглядно показал все минусы этих древних построек.

Эти крепости я планировал продать или обменять на что-нибудь ценное. В том, что желающие появятся, я даже не сомневался.

— Но люди маркиза де Онжеса... — попытался было возразить де Гонди.

— Были почти при смерти, когда мы вошли в распахнутые настежь ворота цитадели, — перебил я его. — Наши лекари выходили их, и сейчас эти бедняги отъедаются за счет наших припасов. А вот сам маркиз де Онжес и его приближенные, на

мой взгляд, выглядят намного лучше, чем доверенные ему королем люди. Они здоровы и даже слегка упитанны.

Все это я произнес громко и отчетливо, глядя прямо в глаза Луи де Онжесу. Тот смотрел на меня с ненавистью, но дергаться и возмущаться не спешил.

В отличие от маркиза де Гонди, этот урод лезть на рожон не собирался. Такие, как он, будут бить в спину и чтобы наверняка. Вот доберется до столицы, пожалуется своему папашке, и уже вдвоем будут пакостить мне издалека. Правда, они еще не знают, с кем связались. Тем более, что у нас с Андре де Шатильоном имеются далеко идущие планы на эту семейку.

Партия принца Генриха сейчас заметно уступает красным. Плюс Сусанна сообщала о проблемах у семейства Краонов, которое, по сути, является кошельком среднего сына короля, да и того же маршала де Онжеса.

Астландские банкиры, вследствие агрессивной политики короля Альфонсо Пятого сбежавшие из Аталии со всеми своими капиталами в Вестонию, серьезно подвинули местных финансовых воротил. Идет борьба за место под солнцем.

— Вы хотите в чем-то обвинить маркиза де Онжеса? — попытался взять инициативу в свои руки сын герцога де Гонди.

— Я всего лишь указал на цветущий вид маркиза, — ответил я. — И это после многомесячной голодной осады, во время которой погиб почти весь легион его величества. И это не считая наших союзников бергонцев.

Сопровождающие маркиза де Гонди начали переглядываться. Послышались недовольные возгласы. Сторонники герцога де Бофремона поглядывали на маркиза де Онжеса так, словно впервые увидели.

Это они еще не знают о том, что нам рассказали легионеры о своем командире. Как тот со своими вассалами и телохранителями, при поддержке самых сильных бойцов легиона, взяв под контроль оставшееся после магов продовольствие, морили голодом простых солдат.

Капитан Кронер уже провел беседы с младшими офицерами из этого легиона. Скорее всего, к его когорте примкнут еще две. И пусть их командиром является маркиз де Онжес, я пообещал Кронеру, что разбираться с последствиями буду сам.

Эрик де Гонди заволновался. Он видел, что нахрапом решить дело не вышло. Парень привык, что имя

могущественного отца открывает все двери, но в этот раз вышла осечка. Но я знал, что у него есть главный козырь, которым он тут же воспользовался.

— Мессир! — воскликнул он, тем самым прерывая разговоры и обращая на себя внимание сопровождавших его дворян. — У меня нет времени на то, чтобы обсуждать вид маркиза де Онжеса и его людей! Как вы правильно заметили — у нас идет война!

Эрик де Гонди весь подобрался и даже привстал на стременах. Так мы с ним были почти на одном уровне. В его глазах я заметил победный огонь.

— Я прибыл сюда по приказу его высочества принца Филиппа! — продолжил декламировать маркиз.

Складывалось такое впечатление, что он объявлял о каком-то эпохальном событии. Преисполненный гордости за порученную ему миссию, маркиз абсолютно не замечал наши спокойные и невозмутимые лица.

Хотя я точно знал, что эта невозмутимость — напускная: все мои люди с нетерпением ждали развязки. Даже поставили на это деньги. Об этом мне сообщила Вайра, от слуха которой, казалось, не ускользал даже самый незначительный шорох.

— Его высочество приказывает немедленно выдвинуться всеми силами в сторону неприятеля и...

Закончить маркизу его проникновенную речь я не дал.

— Мессир, я бы хотел увидеть этот приказ, — оборвал я его.

Маркиз снова начал краснеть, но один из его сопровождающих быстро приблизился к нему. В его руках был свиток, который он протянул маркизу. Тот молча кивнул в мою сторону и приготовился наблюдать за моей реакцией.

Любопытно, что он ожидает увидеть? Вероятно, то, как моя наглая физиономия после прочтения мгновенно превращается в угодливую маску? Если это так, то он еще глупее, чем я думаю.

Я развернул протянутый мне свиток и быстро пробежался по ровным строчкам, написанным красивым каллиграфическим почерком. Проверил печать и невнятную, как и он сам, подпись принца Филиппа.

Закончив чтение, я поднял глаза на маркиза. Тот торжествующе разглядывал меня. Правда, в его взгляде начали появляться нотки недоумения. Ведь выражение моего лица не изменилось.

— Здесь написано, что вам надлежит собрать все доступные вам войска и с этими войсками в срочном порядке отправиться в бой против легионов Золотого льва, — произнес я.

— Все верно! — победоносно ухмыляясь, ответил мне маркиз и, обведя рукой нас и наш лагерь, продолжил: — Согласно приказу его высочества, все это войско, а также вы и ваши подчиненные обязаны мне повиноваться!

— Да? — изобразил я удивление и снова опустил взгляд на приказ.

— Вы же только что об этом прочитали, — насмешливо произнес маркиз. — Или вы хотите уклониться от приказа его высочества?

Среди его сопровождающих послышались смешки. Правда, смеялись не все. Те, кто меня знали, заметно напряглись и начали понимать, что происходит что-то странное.

— Нет, конечно, — ответил я. — Просто в приказе говорится обо всех доступных вам войсках. Поэтому я не совсем понимаю, почему вы решили, что я, мои люди и мое войско вам доступно?

Повисло молчание. Маркиз де Гонди даже забыл покраснеть. Он как-то по-детски слегка приоткрыл рот и недоуменно уставился на меня. А вот со стороны моих людей послышались смешки и веселые возгласы. Похоже, только что кто-то неплохо подзаработал.

— Кроме того, я не совсем понимаю, что вы и ваши люди до сих пор тут делаете? — продолжил добивать его я. — Согласно этому приказу, вы уже должны были, не теряя времени, отправиться сражаться с легионами Золотого льва.

Маркиз был похож сейчас на выброшенную на берег рыбу. Он таращил на меня глаза, медленно открывая и закрывая рот.

— Это же измена! — наконец справившись с собой, заорал он. — Вас немедленно следует арестовать!

— Заткнитесь, маркиз! — рыкнул я. — Если вы еще раз позволите себе разговаривать со мной в таком тоне, боюсь, мне придется поучить вас манерам. А пока вы осмысливаете мои слова, почитайте вот этот приказ.

По моему сигналу Лео фон Грим передал свиток, который мне вручил Кико после разговора с королем.

Маркиз де Гонди был растерян и обескуражен моим напором. Люди, находившиеся за его спиной, не спешили идти

ему на помощь. Даже нанятые его папашей страйкеры не проронили ни слова и не шелохнулись. Сейчас речь шла о возможной дуэли — в этой ситуации они ничего не могут сделать.

Дрожащими то ли от гнева, то ли от страха руками брат Бланки развернул свиток и начал читать. Было видно, что ему стоит труда сосредоточиться на написанном.

Я решил прийти ему на помощь.

— Как вы уже смогли убедиться, в этом свитке написано, что его величество Карл Третий приказывает мне, маркграфу де Валье, любыми способами, а также используя всех доступных мне людей, взять под контроль мои новые владения. Согласно этому документу, все военачальники обязаны оказывать мне любую посильную помощь. Повторюсь, любую. Это значит: оружием, продовольствием, людьми и так далее. Кроме того, мне было приказано воздержаться от боевых действий с аталийской армией, если они, эти боевые действия, напрямую не связаны с выполнением моей миссии. Как вы наверняка знаете, я уже несколько раз нарушил волю его величества. Полагаю, маркиз, я не должен вам объяснять, чей приказ имеет для меня больший вес?

О том, что мы в любом случае как можно скорее отправимся на выручку маршалу де Клермону, я умолчал. Нам предстояло еще многое сделать. Пополнить запасы продовольствия и кормов для животных. Подготовить теплую одежду для солдат, потому что холода в этих краях наступали раньше, чем в Вестонии. Дождаться барона де Бакри, который отправился за пополнением в нашу армию. И еще много разных деталей. В общем, подготовка шла в ускоренном темпе.

Главный козырь маркиза отправился в отбой. Это поняли все. На брата Бланки было жалко смотреть. Молча вернув свиток моему оруженосцу, он хотел было развернуть коня, но я его остановил.

— Мессир, мы еще не закончили!

Я обвел его жестким взглядом, а затем всех его сопровождающих и произнес:

— Хочу напомнить вам и вашим людям, что цитадель принадлежит мне по праву победителя. Мне уже поступили жалобы о том, что некоторые из ваших людей пытались проникнуть туда, куда им нет доступа. Если подобное еще раз

повторится, мне придется принять жесткие меры по отношению к нарушителям.

Я ясно давал понять, кто здесь хозяин и что не стоит злоупотреблять моим гостеприимством. О жалобах — это был экспромт, но, судя по тому, как нагло вели себя наши «гости», что-то подобное уже наверняка случилось.

— Конечно, мессир, — севшим голосом, явно изо всех сил сдерживая ненависть, произнес маркиз. — Уверяю вас, больше жалоб вы не услышите.

Провожая несущуюся в сторону цитадели кавалькаду и слушая радостное обсуждение произошедшего моими командирами, я улыбался.

Это был только первый раунд переговоров.

Этой ночью, работая с бумагами, я внимательно слушал все, что мне рассказывали первородные. Вайра поведала мне о том, как «гости», пока я был в отключке, пытались давить на моих командиров, а в особенности на виконта де Леваля.

Ведь, по сути, изначально предводителем нашего войска был он. Это уже потом все изменилось. Кстати, оказалось, что его вассалы, повествуя принцу Филиппу и его двору о нашем сражении с аталийской конницей, уверили всех, что победа состоялась только благодаря полководческому гению их сюзерена.

Надо отдать должное виконту, когда он узнал об этом, он чуть было не поубивал их. В общем, видимо, очень скоро Пьер придет со мной разговаривать о случившемся. И притащит своих дружков каяться.

Что же касается меня... Мне плевать на то, кого там кто считает гениальным полководцем. На самом деле меня занимают другие проблемы. Такие как: золотой паразит, засевший в моей энергосистеме, или неожиданно доставшееся мне наследие лисолодов, а еще меня раздражает тот факт, что я до сих пор не добрался до своих новых владений, а вынужден участвовать в чужой войне. Не так я себе все это представлял...

Как-то совершенно незаметно я, всегда старавшийся избегать чужих конфликтов, оказался в центре этой войны. Причем не своей войны... И что самое неприятное, чем дальше, тем сложнее будет из нее выпутаться. Есть над чем подумать...

Теперь касает второго раунда переговоров... Уверен, что очень скоро со мной в неформальной обстановке захотят

обсудить сложившуюся ситуацию представители герцога де Бофремона, а также представители де Гонди.

Наверняка, папаша обеспечил свое чадо не только силовой поддержкой. При маркизе должен быть кто-то и с мозгами. Вот они-то в скором времени и выйдут на меня.

Мы, конечно, в любом случае выдвинемся на Золотого льва. Такую угрозу оставлять за спиной нельзя.

И новости о большом войске, собранном герцогами и готовом ударить по аталийцам с запада, не могут не радовать. Но и не воспользоваться благоприятной ситуацией я тоже не могу. Посмотрим, что мне предложат господа герцоги.

Проводив пышную кавалькаду, мы вернулись в мой шатер, чтобы продолжить прерванное совещание.

Шагая через лагерь, я почувствовал, как внутри меня заворочался золотой паразит. Проголодался, обжора... Десять небольших бурых крудов, которые я держал специально для такого случая во внутреннем кармане сюртука, были тут же поглощены. Даже пыли не осталось.

Я украдкой огляделся. Никто ничего не заметил.

Хех... Такими темпами довольно скоро я перейду к большим крудам. А, ведь, судя по состоянию моего источника, мне понадобится прорва энергии. Выход из положения — как можно скорее взять под контроль сам процесс, иначе я стану рабом этого паразита.

Глава 6

Ночь прошла примерно в том же режиме, что и предыдущая. Первую ее половину я посвятил глубокой медитации, а вторую — конспектированию.

Как всегда, очень помогало участие льюнари. Селина была постоянно рядом со мной, помогая быстро погружаться в воспоминания из жизни лисолюда и выуживать из них необходимую мне информацию. Лишних вопросов она не задавала, но иногда я ловил на себе ее задумчивые взгляды. В такие моменты я делал вид, что ничего не замечаю, но понимал, что рано или поздно нам придется с ней обо всем поговорить.

Запись я вел на языке лисолюдов, знание которого ко мне вернулось вместе с памятью. Так было проще записывать все, что касалось магии этого народа. Кроме того, попади мои конспекты в чужие руки, разобрать в них ничего не получится. Слишком сложная письменность у этих существ.

Работать закончили под утро. Льюнари я тут же отпустил отсыпаться, а сам, скормив паразиту очередную партию крудов, приступил к разминке.

В этот раз, помимо бурых, забросил в «топку» один алый и один изумрудный кристаллы. Последний раз, когда так сделал, я заметил, что такое «меню» бодрит и освежает. Усталость как рукой сняло. Сна ни в одном глазу.

Хм... Постепенно начинаю адаптироваться. Благо ничего особенно сложного в наших с паразитом отношениях нет. Главное, все делать осторожно, не нарушая программу. Меня бесило, что приходится расходовать столько драгоценных ресурсов. Займись я модификацией энергосистемы самостоятельно, кристаллов тратилось бы заметно меньше.

После разминки я почувствовал себя еще лучше и позволил Гуннару подавать завтрак. Накрывая на стол, он сообщил, что со мной хочет поговорить наш главный интендант — Ганс Крауз.

Хм... Быстро он. Значит, что-то уже нарыл. Дело в том, что этот энергичный и предприимчивый человек, помимо своих прямых обязанностей, выполнял для меня и другие поручения. Он был моими глазами и ушами в войске.

Ганс, являясь прекрасным психологом, умел подобрать

ключик почти к любому человеку. Вот ты вроде бы только что с ним познакомился, а уже через час воспринимаешь его, как своего старинного приятеля, которому готов поведать обо всех своих проблемах.

После отъезда Лады, которая выполняла примерно ту же работу, ценность Ганса Крауза возросла для меня еще больше. И это не учитывая его незаурядного таланта интенданта.

— Доброе утро, ваше сиятельство, — поприветствовал он меня, заходя в шатер.

— Здравствуй, Ганс, — ответил я и, указывая на второй стул, произнес: — Присаживайся. Ты уже завтракал?

— Еще нет.

— Тогда позавтракаем вместе.

Гуннар все понял без слов и уже расставлял перед Гансом тарелки и столовые приборы.

— Благодарю вас, ваше сиятельство, — произнес Ганс, устраиваясь поудобней на стуле, и, бодро подмигнув, обратился к Гуннару:

— Нож можешь забрать. У меня свой.

Сказав это, Крауз достал из-за пазухи короткий узкий нож и ловко с негромким щелчком закрепил его между пальцев своего протеза, заменявшего ему кисть правой руки.

Проследив за моим взглядом, Ганс с улыбкой спросил:

— Вид моей руки вас не смущает?

— Нисколько, — покачал головой я и задал встречный вопрос: — Как часто вас мучают фантомные боли?

— Какие боли? — удивился он.

— Фантомные, — ответил я. — Это ощущения боли, которые кажутся исходящими из утерянной конечности. Должен заметить, что это довольно распространенное явление. Его природа, увы, до сих пор полностью не разгадана. Кстати, помимо боли, люди, потерявшие конечность, могут чувствовать зуд, жжение или ощущение прикосновения. Наверняка вы понимаете, о чем я говорю.

— Да, ваше сиятельство, — кивнул Ганс, на его лице промелькнула тень. — Я понимаю, о чем вы. Раньше постоянно накатывало. Но со временем отпустило. Прошло ведь много лет с того дня, как я потерял руку.

Крауз громко хохотнул и добавил:

— А что касается зуда или жжения... С этим сложнее, ваше

сиятельство. Особенно, когда вижу ладный зад рыжей Марты, стряпухи этого прохиндея Пьера Жиро!

Гуннар, расставляя на столе тарелки с едой, незаметно пнул носком сапога по ножке стула, на котором сидел Ганс. Тот тут же смущенно кашлянул и заткнулся.

Я же в свою очередь, старательно пряча улыбку, сделал вид, что ничего не заметил и спросил:

— Полагаю, тебе удалось добыть какие-то сведения?

На второй день после того, как мы взяли цитадель и я проинспектировал всю крепость, меня смутило несколько моментов.

Это касалось сокровищ Сапфировой гильдии... Дело в том, что, когда я, готовясь к штурму, еще только собирал все доступные сведения о шато Гардьен и цитадели, с кем бы я ни говорил, все утверждали, что Сапфировая цитадель является не просто убежищем одной из самых сильных и богатых гильдий страны, но и выполняет роль главного хранилища всех ее сокровищ.

Другими словами, несколько десятилетий подряд маги Сапфировой гильдии свозили в цитадель все свои ценности.

Насколько мне уже было известно, пока цитадель была в осаде, там находилось шестеро магов, не считая гильдейских страйкеров-телохранителей. Плюсую сюда несколько десятков обычных бойцов и слуг... Итого набиралось около восьмидесяти человек. По крайней мере, как мне сообщили, именно столько и сбежало из цитадели, воспользовавшись тайным ходом.

Нам дали понять, что маги и их люди забрали с собой часть продовольствия и все сокровища из хранилища цитадели.

Я видел это хранилище. Там действительно было пусто, когда мы пришли.

Вот тут мне и бросились в глаза несколько странностей.

Меня смутили маленькие размеры этого хранилища. Как-то не тянул тот подвал на сокровищницу богатейшей в стране гильдии, которую пополняли несколько десятилетий или даже столетий.

Но даже если оно было заполнено до отказа, восемьдесят человек просто физически не смогут за раз утащить все с собой. Им же еще часть продовольствия надо как-то унести. А еще делать это все не привлекая внимания вестонцев и бергонцев.

Таким образом, есть надежда на то, что хранилище в крепости — это обманка. Там, конечно, держали что-то ценное, но главные богатства Сапфировой гильдии магов находятся где-то в другом месте.

Имелась большая вероятность того, что сокровища гильдии были спрятаны там, куда и сбежали маги со своими слугами. Тогда, увы, нам не повезло. Но если главное хранилище находится недалеко от крепости или же в ней самой, значит, мы его обязательно найдем.

Разговорить маркиза де Онжеса на эту тему мне не удалось. Он со мной был не очень разговорчив и приветлив. Попытался сперва качать права. Он почему-то решил, что имеет право командовать нашим войском. Пришлось его обломать и аккуратно вытеснить всех его людей с ключевых точек в крепости. Ни маркиз, ни его люди даже пикнуть не успели, как цитадель перешла под мой контроль.

Вот я и дал Гансу Краузу поручение — собрать всю доступную информацию по этому делу, чтобы проверить мои догадки.

— Да, у меня есть сведения, — тут же оживился Ганс. — Должен заметить, вы были абсолютно правы, ваше сиятельство!

Я лишь молча улыбнулся, давая понять Гансу, чтобы он продолжал.

— По вашему приказу я и мои парни начали обрабатывать людей маркиза де Онжеса. Как и ожидалось, с простыми legionерами получилось все довольно просто. Эти бедолаги столько натерпелись. Трудно держать язык за зубами с теми, кто дает тебе бесплатно еду и вино. Кстати, хочу предупредить, что под знамена вашего сиятельства уже готовы встать две когорты. Об этом мне сообщили их капитаны. С маркизом де Онжесом у них, мягко говоря, нет особой любви. Скажу больше, если бы его папашей не был один из маршалов Вестонии, с ним и его ближниками уже давно приключился бы какой-нибудь несчастный случай. Хотя этот мерзавец наивно полагает, что его спасает присутствие двух страйкеров-телохранителей, услуги которых оплатил герцог де Онжес.

— Насколько мне известно, с капитанами ведет переговоры Самюэль Кронер, — уточнил я.

— Да, вы правы, — согласился Ганс, но по тону его голоса я понял, что он согласен со мной лишь формально.

— Что-то не так? — поинтересовался я.

— Кронер — почитаемый командир, — начал говорить Ганс. — Легионеры третьего легиона, а также другие командиры уважают его. Я знаю, что вы, ваше сиятельство, тоже цените его...

— Так и есть, — кивнул я. — Самюэль Кронер доказал свою полезность.

— Все верно, — охотно подтвердил мои слова Ганс и тут же добавил: — Только вот он — всего лишь капитан. Проще говоря, они равны. Кроме того, Кронер — из третьего легиона. А эти капитаны — из пятого...

Дальше Ганс объяснять не стал, справедливо полагая, что я и так все понимаю.

И действительно, за последнее время я довольно многое успел узнать об армии Карла Третьего. Например, о том, что между легионами действительно существовало нешуточное соперничество за признание и предпочтение со стороны высших командующих и самого короля.

Оно проявлялось по-разному. В основном легионеры стремились доказать свою доблесть на поле боя и достичь любой ценой лучших результатов в военных кампаниях. Так легионы конкурировали за лучшие назначения и места дислокации.

Такое соперничество было не только результатом личных амбиций командиров легионов, но и следствием системы ценностей вестонского общества. Военные успехи и слава играли ключевую роль в закреплении высокого социального статуса, а также в успешной политической карьере. В этом я уже успел убедиться на собственном примере.

Однако следует отметить, что, несмотря на внутреннее соперничество, это не значило, что легионы не были способны к сотрудничеству и координированным действиям во время кампаний и битв. На поле боя они действовали, как единый организм.

— Полагаю, они хотят личной встречи со мной? — спросил я. — И попросили тебя выступить посредником?

— Все верно, ваше сиятельство, — хитро улыбнулся Ганс. — А взамен они поведали много интересного о делишках маркиза де Онжеса и его приближенных. Например, они рассказали о том, как после побега магов из цитадели, люди маркиза под

покровом ночи вынесли из западной башни несколько тяжелых ящиков и бочек. Как вы помните, именно в западной башне и находится тот самый подвал, где у сапфировых была сокровищница.

— Вот как, — потер я подбородок. — И тебе уже известно, что в этих ящиках и бочках?

— Золотые и серебряные монеты, а также посуда и драгоценные камни, — проявил свою глубокую осведомленность Ганс Крауз.

— А где сейчас все это хранится?

— Загружено в фургоны его сиятельства маркиза де Онжеса, — понимая, к чему я веду, криво усмехнулся Ганс.

— Очень хорошо, — сказал я. — Передай капитанам, что я встречу с ними.

— Да, ваше сиятельство, — склонил голову Крауз.

— Теперь я хочу услышать твои выводы.

— У меня было время подумать и присмотреться, — произнес он. — Полагаю, что вы были правы, ваше сиятельство. Настоящая сокровищница Сапфировой гильдии находится в другом месте. Теперь я понимаю, зачем вы приказали мне узнать, в каких местах, помимо крепости, бывали маги до побега. Вы помните то озеро с небольшим водопадом среди скал? От него еще тянется акведук в крепость.

— Да, помню.

— Я узнал, что маги часто медитировали на берегу этого озера. А страйкеры тем временем берегли их покой. Правда, мы проверили то место, но ничего особенного там не нашли.

— Хорошо, Ганс, — произнес я, когда Крауз замолчал. — Я доволен тобой. Продолжай собирать информацию.

Сказав это, я подал сигнал Гуннару, и тот подошел ко мне, держа в руках небольшой деревянный ларец, где хранились серебряные монеты для всяких непредвиденных платежей или поощрений.

Достав два кожаных мешочка с серебряными кронами, я положил их на стол, а Гуннар передал их Гансу.

— Один из этих кошель — лично для тебя: это за твои труды, — кивнул я. — Во втором награда для особо отличившихся твоих людей. Это уже на твой выбор.

— Благодарю вас, ваше сиятельство, — на лице Ганса появилась довольная улыбка.

— Далее, — продолжил я. — Подбери себе на замену толкового интенданта, а также начинай присматривать себе в команду смышленных и ловких людей. Как я тебе уже ранее говорил, скоро у тебя появится много работы. Об оплате, сам знаешь, можешь не беспокоиться.

Ганс поднялся со своего стула и поклонился. Он больше не улыбался, но по лукавым искрам в его глазах было ясно, что он доволен происходящим.

Когда Крауз вышел, а Гуннар пошел его провожать, я откинулся на спинку кресла и негромко произнес:

— Слышали его?

— Да, — почти одновременно ответили Игния и Вайра из-за моей спины.

— Проверьте это озеро и скалы вокруг него, — сказал я. — О малейшей странности сообщите мне.

Спустя мгновение я почувствовал, что остался один. Но ненадолго. В проеме возник Гуннар.

— Ваше сиятельство, часовой только что доложил, что у входа в лагерь стоят трое всадников. Это граф де Брольи со своими телохранителями. Его сиятельство просит у вас о встрече.

Хм... А вот и переговорщики пожаловали. Все, как я и предполагал. Если не ошибаюсь, этот де Брольи — вассал герцога де Бофремона.

— Пусть пропустят, — кивнул я. — И неси фрукты, бокалы и вaleyское.

* * *

— Великолепно! — восхищенно воскликнул граф де Брольи после того, как почти залпом осушил свой бокал. — Что может быть более освежающим с утра, чем глоток превосходного вaleyского! Знаете, мессир, о вашей коллекции вин в столице уже ходят легенды.

Последнюю фразу он произнес широко и многозначительно улыбаясь. Похоже, история с выселением Франсуа из Лисьей норы стала достоянием общественности.

Я лишь пожал плечами и продолжил изучать своего шумного собеседника. Граф Этьен де Брольи был невысоким тридцатилетним мужчиной со светлыми вьющимися волосами

и крупным родимым пятном на левом виске.

Магического дара я в нем не обнаружил, равно как и в его телохранителях, которых он оставил снаружи.

Вся его нарочитая громкость и добродушная веселость были лишь маской, которая могла бы обмануть какого-нибудь маркиза де Гонди, но не меня. Каждый раз, когда я не смотрел на графа, я чувствовал его острый и внимательный взгляд. А еще от него пахло кое-чем очень знакомым... Я даже несколько раз незаметно глубоко вдыхал через нос воздух, чтобы убедиться в своих ощущениях.

Некоторое время мы, как это полагается в высшем обществе, разговаривали на общие темы, но потом постепенно перешли к делу.

— Мессир, я уверен, вы прекрасно понимаете, что его светлость герцог де Бофремон ни на миг не поверил в байки этого идиота виконта де Ардана? Когда граф де Бриссе доложил герцогу о разговоре с виконтом де Саладеном, который поведал, кто на самом деле стоял во главе этого войска, его светлость воскликнул: «Я так и знал, что этой победой мы обязаны маркграфу де Валье!»

Мне стоило труда не поморщиться.

— А ведь это было только началом! — продолжил граф. — По пути сюда мы узнали об освобождении Гондериля и о смерти Серого жнеца, а потом были шато Гардьен и Сапфировая цитадель. Очень скоро в столице узнают о ваших новых подвигах. Баллады, которые поют о вас менестрели, правдивы. Вы настоящий герой, мессир! За вас, маркграф!

Он поднял свой бокал, который предупредительно наполнил Гуннар. Меня воротило от вязкой и неискренней лести графа, но я, как ни в чем не бывало, ответил на его тост поднятием своего бокала.

Сделав маленький глоток, я поставил бокал на стол и спросил:

— Полагаю, граф, вы попросили встречи со мной не только для того, чтобы рассказать о моих героических победах?

— Вы правы, мессир, — кивнул граф. Его взгляд слегка изменился. Стал более цепким. — Я не перестаю удивляться мудрости и прозорливости его светлости. Он ведь предвидел практически все, что произошло с вами. Именно поэтому он сделал меня своим представителем в этой делегации, чтобы я

передал вам его... кхм...рекомендацию.

Последнее слово он произнес пусть и холодным тоном, но слегка сбившись. Думаю, слово «рекомендация» — это уже отсебятина графа. На самом деле, зная герцога де Бофремона, это был четкий приказ. Только вот за время путешествия в цитадель у де Брольи было достаточно времени, чтобы осознать, к кому его направил его хозяин.

— Рекомендацию? — спокойно переспросил я, внутренне улыбаясь. — И что же рекомендует мне его светлость?

— Его светлость хочет, чтобы вы и ваше войско как можно скорее выступили на Золотого льва. В поход вы отправитесь от имени герцога де Бофремона и его высочества принца Филиппа. При этом вы должны сделать все возможное, чтобы не допустить к командованию войском маркиза де Гонди.

Герцог де Бофремон, как всегда, в своем репертуаре. Я даже не удивлен.

— То есть, другими словами, его светлость рекомендует мне нарушить приказ его величества? — удивленно приподнял я бровь.

Граф де Брольи пристально посмотрел на меня, а потом метнул взгляд на Гуннара.

После того как мой младший камердинер по моему сигналу покинул шатер, граф твердо и уверенно произнес:

— Король при смерти. И вы это прекрасно знаете. С того момента, как мы покинули столицу, насколько нам известно, ситуация со здоровьем его величества изменилась в худшую сторону. По последним данным, доставленным нам из Эрувиля, королевские целители бессильны и уже не справляются с болезнью короля. Никто уже не верит в его выздоровление. Высока вероятность того, что к нашему возвращению вестонский трон опустеет. Но ненадолго! Его очень скоро займет принц Филипп! Думаю, вам не стоит напоминать, кем для его высочества является его светлость герцог де Бофремон?

Вот и настала пора откровенных разговоров. Рано или поздно это должно было произойти. Бофремон понимает, что принцу сейчас нужна эта победа. Он должен взойти на трон, как победитель Золотого льва и спаситель королевской армии. Это закроет рты всем противникам и прибавит уверенности всем сомневающимся дворянам. Да и чернь тоже любит такие истории.

О себе Бофремон тоже не забывает. Хочет прибрать всю славу победы моего войска себе и принцу. Не удивлюсь, если узнаю, что по столице пойдут слухи о том, что все это время я действовал от имени и по приказу его светлости герцога де Бофремона.

Когда граф закончил, в шатре повисло молчание. Я делал вид, что обдумываю его слова, а он, судя по уверенному выражению лица, считал себя хозяином положения.

— Что же, — произнес я негромко. — Ваши слова заставили меня задуматься... Может быть, его светлость написал мне послание, в котором подробно описаны все его рекомендации?

— Нет, — покачал головой граф. — Такого послания нет.

Хех... Перестраховываются. А жаль... Письмецо от герцога мне бы не помешало.

— Но, дабы подкрепить мои слова, он передал вам вот это, — произнес граф де Брольи и достал из-под своего плаща небольшой сверток.

Я негромко вдохнул воздух, приняхиваясь. Значит, не ошибся...

Развернув сверток, граф достал из него пушистый огненно-рыжий лисий хвост с угольно-черным пятном на кончике.

— Вручив мне этот сверток, — улыбаясь, произнес граф. — Его светлость приказал передать вам, что верные ему люди всегда могут рассчитывать на его высокую милость и щедрую награду!

Глава 7

— Добрый день, мессир, — с поклоном произнес высокий худощавый мужчина с узким бледным лицом, на котором неподвижно застыла учтивая улыбка. — Надеюсь, вы меня помните? Нас представили друг другу на приеме его светлости герцога де Гонди.

— Добрый день, граф, — ответил я поклоном. — Я прекрасно помню вас. Как здоровье вашей супруги? Если мне не изменяет память, ей нездоровилось в тот вечер.

Его жена, как и многие женщины в тот вечер, попросту грохнулась в обморок при виде трансформировавшегося Эмиля де Марбо.

— О, благодарю вас, — продолжая сдержанно улыбаться, ответил граф Арман де Лоррен, с которым мы действительно перекинулись парой слов на том приеме и который подловил меня сегодня в полдень во время инспекции крепостной стены.

— Моя супруга в добром здравии. По крайней мере, так было, когда я покидал столицу.

— Искренне рад это слышать, — сказал я и сделал вид, что желаю продолжить свой путь, но граф торопливо произнес:

— Мессир, я понимаю, что вы очень заняты, но не могли бы вы уделить мне немного времени для очень важного разговора?

Значит, герцог де Гонди приставил к своему сыну графа де Лоррена. Помнится, герцогиня дю Белле в нашем с ней разговоре о семействе де Гонди упоминала о графе де Лоррене, как о ближайшем соратнике герцога.

Что же, давай теперь послушаем твою версию. Интересно, он уже знает о визите ко мне графа де Брольи?

Должен сказать, что представитель герцога де Бофремона, сам того не подозревая, был сегодня утром на волоске от гибели. Не проконтролируй я ту бурю эмоций лисолюда, что захлестнули меня, когда граф передал послание от своего господина, все могло бы закончиться для него плохо.

Получить отрезанный лисий хвост, да еще и в том контексте, на который явно указывал Бофремон — это смертельное оскорбление для лисолюда, которое должно быть смыто кровью.

По крайней мере, я теперь понимаю, почему мой таинственный «покровитель» сетовал на мои скорые смерти в

иных мирах. Окажись сейчас на моем месте мальчишка-лисолюд, то он уже наломал бы дров.

Я же в свою очередь вежливо попрощался с графом де Брольи и пообещал, что обязательно подумаю над «рекомендациями» его господина.

А что касается угроз и оскорблений... Время Бофремона еще не пришло. Пусть пока думает, что может диктовать мне условия.

— Очень важного разговора для кого? — спросил я.

Граф многозначительно посмотрел на моих сопровождающих, потом огляделся и спросил:

— Мы можем поговорить наедине?

Я молча кивнул своим людям, и они отошли на несколько шагов, оставив нас с графом одних.

Я приблизился к краю стены, откуда открывался вид на всю долину. Внизу под нами, как огромный муравейник, жил и бурлил наш военный лагерь.

Подготовка к походу находилась на своей последней стадии. Со дня на день я ждал вестника от барона де Бакри. Важно было знать, на какое, хотя бы примерно, количество бойцов мы можем рассчитывать. Опять же, надо запастись продовольствием. Да, горцы на первых парах обеспечивали себя сами, но потом обязанность по снабжению их едой возлагалась на наших интендантов.

Поток повозок, хлынувший в первые дни после взятия крепостей, постепенно превратился в тоненький ручеек. Местные жители неплохо заработали на продаже нам излишков своего продовольствия. Назад, помимо денег, они увозили часть трофеев, взятых нашими бойцами на поле боя: кое-какое оружие, одежду, обувь, инструменты, лошадей, лечебные настойки, простенькие украшения и еще множество всяких мелочей, которые могли понадобиться людям в дальних селениях.

Арман де Лоррен встал рядом со мной и положил худые костлявые руки на каменный парапет. Изящный золотой перстень с гербом на его правом мизинце блеснул в лучах полуденного солнца.

Я невольно вспомнил наш разговор с Бертраном. Хотя правильнее сказать — его очередную лекцию. Мы обсуждали с ним мой заказ ювелиру-артефактору. По местным правилам

мне, как маркграфу, полагалась собственная печать. Вернее — две. Большая, которая будет храниться в моем доме, а также малая или походная в виде перстня.

Если верить Бертрону, а причин не верить этой ходячей энциклопедии о дворцовом этикете у меня не было, традиционно в Вестонии, да и в других странах, походные перстни-печати дворяне носили либо на указательном пальце, либо на мизинце.

Я решил, что на мизинце, как у того же графа де Лоррена, носить аккуратный небольшой перстень будет удобней. Правда, мастер не успел выполнить заказ до нашего отъезда. Поэтому я пока ограничивался подписью на своих документах.

— Внимательно слушаю вас, — сказал я.

— Мессир, — начал граф де Лоррен. — Вероятно, вы уже догадались, какая мне отведена роль при маркизе де Гонди?

— Насколько я помню, вы являетесь вассалом его отца, — ответил я. — Из этого следует, что его светлость попросил вас делиться своим богатым опытом с его наследником, а также приглядывать за ним.

— Вы абсолютно правы, — улыбнулся граф.

Судя по его взгляду, эта роль ему не по душе. Добавлю-ка я немного остроты.

— Что ж, граф, — покачал головой я. — Вчера ваша миссия была на волоске от провала. Маркиз позволил себе неосторожные и неуместные высказывания в мой адрес. Я не люблю конфликты, но в случае возникновения таковых, предпочитаю решать их радикально.

На лицо графа напозла тень. Он, похоже, все прекрасно понимал.

— Все это — досадное и нелепое недоразумение, — слегка севшим голосом произнес граф.

Видимо, он не привык, что о сыне его могущественного сюзерена говорят таким тоном и в таком ключе. Ведь наследник правителя юга Вестонии, без пяти минут родственник короля, по определению фигура неприкосновенная.

Ничего, привыкайте к новой реальности. Тем более, это я сейчас вам нужен, а не вы мне.

— Очень надеюсь, что это было последнее недоразумение, — произнес я.

— Увы, этого обещать вам не смогу, — холодно произнес граф.

— По крайней мере, о последствиях вы теперь предупреждены, — пожал плечами я.

— А вы сами не боитесь последствий? — глаза графа опасно блеснули.

— Граф, мы сейчас находимся на войне, — хмыкнул я, спокойно выдержав его взгляд. — Смерть в любой момент может забрать любого из нас. И чем раньше вы объясните это маркизу, тем лучше. Именно поэтому ему и вам лучше вернуться назад. Уверен, его светлость герцог де Гонди найдет подходящие слова, чтобы объяснить принцу, почему у маркиза не получилось выполнить приказ его высочества.

Я специально старался вывести своего собеседника из равновесия. Мне хотелось посмотреть, в какой момент его терпение лопнет.

Нужно отдать должное стойкости графа — внешне он был полностью спокоен. Герцог де Гонди знал, кого послать со своим сыном в качестве няньки.

Краем глаза я заметил, как граф на мгновение прикрыл глаза, явно успокаиваясь. Нет, взрыва не будет. Граф де Лоррен прекрасно понимает, что сейчас без меня его подопечный просто сядет в лужу и опозорится.

— Увы, но вернуться, не выполнив приказ его высочества, ни маркиз, ни мы все не можем, — произнес он ровным голосом. — Полагаю, вы и сами это понимаете.

— Что ж, — сказал я. — Тогда желаю вам удачи. Она вам понадобится.

Я сделал вид, что хочу развернуться и уйти, но граф остановил меня.

— Вы спросили, для кого важен этот разговор? — произнес он. — Прежде всего, конечно, для сына моего сюзерена. Но и для вас он тоже важен. Ведь от положительного результата наших с вами переговоров зависит, обретете ли вы могущественного и влиятельного покровителя в лице его светлости герцога де Гонди.

— Переговоров? — переспросил я.

— Все верно, — кивнул он.

— И вы уполномочены вести переговоры от лица герцога де Гонди? — спросил я.

— Только в экстренных случаях, как сейчас, — ответил он и добавил: — Вижу скепсис и недоверие в вашем взгляде. Понимаю... Вы наверняка сейчас думаете о гарантиях. Будут ли выполнены наши договоренности его светлостью. Гарантией вам будет мое слово дворянина.

Граф де Лоррен произнес это уверенным твердым голосом, глядя прямо мне в глаза. Похоже, в эту секунду он сам себе верил. Только вот при всем этом благородном пафосе герцог де Гонди в любой момент может сказать, что граф превысил свои полномочия, наобещав мне золотые горы.

Свои сомнения я озвучивать не стал. Графа они оскорбят, и я получу в свою копилку еще одного врага. Пусть скажет все, что хотел. Решение, верить ему или нет, все равно за мной.

— Будем считать, что вам удалось привлечь мое внимание, граф, — произнес я. — Продолжайте.

— Я знаю, что вы уже встречались с графом де Брольи, — продемонстрировал свою осведомленность он. — И я даже догадываюсь, что он вам мог сказать и предложить.

— У вас есть особый дар — слышать сквозь стены?

— Увы, а, может быть, и к счастью, такого дара у меня нет, — усмехнулся он. — Но я прекрасно знаю графа и того, кому он служит. Именно поэтому я твердо уверен в том, что граф уговаривал вас как можно скорее под знаменами принца Филиппа и герцога де Бофремона выступить в поход против Золотого льва и при этом не допустить возвышения маркиза де Гонди. Я ничего не упустил?

— Нет, вы ничего не упустили, все именно так и было, — честно ответил я, чем, похоже, здорово удивил своего собеседника.

А еще он был явно озадачен. Видимо, граф де Лоррен думал, что я буду увиливать, врать, либо просто не отвечать на его вопросы.

Быстро справившись со смущением, граф с улыбкой произнес:

— Мне нравится ваш подход, мессир. Поэтому тоже буду с вами предельно откровенен. Но прежде я хотел бы задать вам вопрос. Вы намерены уступить уговорам графа де Брольи, касаясь маркиза де Гонди?

Я пожал плечами и кивнул на военный лагерь:

— Отвечу вам вопросом на вопрос. А вы сами уверены в том,

что сын вашего господина способен повести за собой это войско? Обладает ли маркиз де Гонди стратегическим мышлением и лидерскими качествами? Есть ли у него интуиция? Сможет ли он в нужный момент поддержать моральный дух в войске? Есть ли у него с собой достаточно денег, чтобы заплатить жалование legionерам? Как он намерен решать вопросы с продовольствием и теплыми вещами для солдат? И таких вопросов у меня наберется больше сотни, граф. Можете дать положительный ответ хотя бы на один из них?

После каждого моего вопроса граф становился мрачнее. Мой ценник рос прямо на глазах. У него сейчас два выхода: либо действительно обещать мне золотые горы, чтобы потом герцог де Гонди в любом случае меня просто кинул, либо предложить мне действительно что-то реальное.

— Нет, не могу, — ответил он и пристально посмотрел мне в глаза. — У маркиза де Гонди нет такого опыта, хотя он на несколько лет старше вас. Скажу больше, тут вряд ли бы справился даже опытный военачальник. Я до сих пор не понимаю, каким образом вам удастся держать это разношерстное войско в кулаке, да еще и заставлять его действовать как единый организм, и самое главное — побеждать. Я искренне восхищен вашим талантом полководца. За то время, что мы здесь находимся, я осознал, насколько мы заблуждались об истинном положении дел. Единственное, что нас оправдывает — это то, что мы были введены в заблуждение вассалами виконта де Леваля.

Я сделал вид, что повелся на его лесть. Пусть почувствует себя увереннее.

— Благодарю вас, граф, за столь высокую оценку моих действий.

— Мессир, я всего лишь сказал правду, — пожал плечами он. — Именно поэтому будет несправедливо в отношении сына моего сюзерена, если я умолчу о его достоинствах. Он храбр и решителен. Он прекрасный наездник и обучен копейному бою. И он жаждет славы на поле брани!

Мое молчание подстегнуло его продолжать.

— Ни маркиз, ни мы, его сопровождающие, не можем вернуться в расположение армии принца, не выполнив его приказ. Нас сочтут трусами и наши имена навсегда заклеят позором. У нас есть только один выход из сложившейся

ситуации... Если вы все-таки измените свои планы, позвольте нам тоже отправиться вместе с вами в поход на Золотого льва, чтобы проявить себя на поле боя.

— И вы гарантируете мне, что маркиз будет подчиняться моим приказам? — недоверчиво спросил я.

— Да, — твердо ответил граф, и его глаза загорелись.

Я для вида задумчиво потер подбородок. Я и до разговора с графом прекрасно понимал, что несколько десятков тяжеловооруженных всадников лишними не будут. А при поддержке конницы де Шатильона — это серьезный аргумент в битве. Особенно в том случае, если мне понадобится на одном из участков таранным ударом тяжелой конницы прорвать оборонительные позиции противника.

— Допустим, — задумчиво произнес я и замолчал, давая возможность графу продолжить убеждать меня.

Он тут же ухватился за протянутую соломинку.

— Я понимаю, что ваша вчерашняя встреча с маркизом прошла совершенно не так, как должна была пройти. Но я уверен, что любое недоразумение можно уладить. Вражда ни вам, ни нам не принесет ничего кроме разрушений. Поверьте, герцога де Гонди лучше иметь в друзьях, чем во врагах. Особенно в свете того, что он скоро станет тестем принца Филиппа, который, судя по вестям о здоровье его величества, займет трон Вестонии.

При упоминании состояния Карла Третьего по лицу графа де Лоррена пробежала тень. Я его понимаю. В отличие от Бофремона, герцогу де Гонди в данный момент не выгодна смерть короля. По крайней мере до свадьбы его дочери с принцем. В противном случае, бесхребетный принц Филипп под влиянием своего любимого дядюшки может объявить о расторжении помолвки.

В том, что Бофремон пойдет на такой шаг, я даже не сомневался. Даже учитывая тот факт, что расторжение помолвки автоматически инициирует волнения в королевстве. Бофремона это не остановит. Он не будет делить власть с де Гонди.

Тем временем граф де Лоррен продолжал:

— Владения, которые вам достались находятся в, мягко говоря, диких землях. Многие, и я в том числе, посчитали милость, оказанную вам его величеством, наказанием. Но после

того, что я увидел и услышал за последнее время, особенно по пути сюда, мне стало ясно, насколько мудр наш король. Он отдал Теневой перевал тому единственному, кто был способен покорить его.

Граф на мгновение прервался, а потом, слегка понизив голос, произнес:

— Знаю, впереди у вас еще много трудностей. Ваши новые владения долгое время находились в руках этих фанатиков, которые наверняка опустошили и без того тот безлюдный край. Полагаю, сейчас очень многие из ваших людей захотят осесть на новых землях. Но чтобы первое время прокормить такое количество народу, вам понадобится очень много продовольствия. А кто, как не южные провинции, могут обеспечить вас этим ценным ресурсом?

Последнюю фразу граф де Лоррен произнес, многозначительно улыбаясь...

Спускаясь с крепостной стены, я снова прокручивал наш с графом разговор. В принципе, представители герцогов повели себя примерно так, как я и ожидал.

Я знал, что Бофремон будет давить и напоминать о покровительстве, а де Гонди уговаривать и сулить разные блага. Причем об обещанных милостях и тот и другой попытаются при любом удобном случае забыть, а вот о наказании непокорного будут помнить всегда.

Теперь осталось тщательно обдумать, как извлечь максимальную выгоду из сложившейся ситуации. Но на мне они не остановятся — это факт. Руку даю на отсечение, что в течение следующих дней все мои командиры получают от графов де Брольи и де Лоррена очень щедрые предложения. Хех... Мне даже любопытно, кто из моих соратников падет первым?

От мыслей меня отвлек легкий порыв ветра, что чуть было не сбил с моей головы треуголку. Я поднял глаза вверх и заметил голову Вайры на крыше дома рядом с печной трубой.

Следующий порыв воздуха, коснувшийся моих ушей, принес мне ее тихий голос:

— Встретимся у того озера... Я, кажется, нашла её...

Глава 8

К тому самому озеру я поднялся по тропе, ведущей сквозь скалы. Меня сопровождал Сигурд, а также Лео и еще двое страйкеров. Мы с моим телохранителем остались на берегу водоема, а оруженосца и двоих бойцов я отправил охранять тропу, чтобы никто нас не побеспокоил.

Озеро находилось в довольно широком углублении среди скал, которые своей формой напоминали скрюченные пальцы исполинской ладони.

По его поверхности из-за водопада бежала рябь, трансформируясь в небольшие вихри. Сам водопад не был особенно широким или высоким, но постоянный шум падающей воды создавал приятную фоновую мелодию.

Свет играл на поверхности, создавая узоры и искрящиеся блики. Воздух был наполнен свежестью и легким ароматом влажной земли и камня. Осматриваясь и прислушиваясь, я кивнул сам себе — здесь действительно неплохое место для уединенной медитации.

Берег озера был каменистым и довольно крутым с участками, покрытыми мхом, и серыми горными травами, пробивающимися сквозь острые булыжники. Все здесь на первый взгляд казалось диким и первозданным.

Кстати, Ганс ошибся, акведук, о котором он упоминал, тянулся выше в скалы. Видимо, где-то там находился другой источник, питавший водой крепость.

Пройдя вдоль берега, я нашел место, где камни образовывали удобный спуск к воде. Именно там и стояла Вайра.

— Ты уверена? — скептически спросил я, обведя взглядом берег.

— Абсолютно, — твердо ответила эфирэль и ткнула пальчиком в сторону водопада. — За падающей водой в нутре скалы я чувствую слабые потоки воздуха. Было сложно разобрать, но я долго слушала.

— Пещера? — предположил я и, склонив голову набок, перешел на истинное зрение.

Сканирование ничего не дало. В каменной стене ни за водопадом, ни рядом с ним не было ни капли маны. Если там и был какой-то хитрый механизм, я его не смог распознать.

Хмыкнув и потерев подбородок, я снова осмотрел берег. Разглядывая поверхность озера и падающие в него потоки воды, я задумался. Слишком уж обычным, и главное, цельным выглядело это место. Как-то не похоже, что здесь когда-то велись строительные работы по созданию входа в древнюю сокровищницу. Но слова Вайры заронили в мою голову сомнения, и мгновенно пробудившийся инстинкт охотника подсказывал мне, что ответ кроется где-то здесь, прямо под моим носом, возможно, даже буквально под ногами...

А что если?

— А что если магический механизм скрыт не за водопадом, а там? — озвучил я вслух свое предположение и указал на озеро.

Молча наблюдавший за нами Сигурд лишь неопределенно пожал плечами. Вайра же посмотрела на воду, будто прикидывая что-то. Затем закрыла глаза и прислушалась.

— Нет, — спустя несколько минут произнесла она и покачала головой. — Слишком много воды. Я ничего не слышу...

Сняв сапоги и закатав штанины, я осторожно ступил на холодные влажные камни, которые образовывали удобный спуск в озеро. Вода была прозрачной и холодной, а ее прикосновение — обжигающим.

Я медленно зашел в озеро, пока вода не достигла колен. Еще несколько шагов — и пологий спуск обрывался. Дальше начиналась глубина. Хм... А здесь довольно глубоко...

Стоя так, я, перейдя на истинное зрение, пытался нащупать взглядом что-нибудь необычное на дне, искал хоть какие-то намеки на магическую активность.

Нет... Ничего... Может быть, секрет скрыт глубже, чем я думаю?

Я обернулся к моим спутникам. Вайра и Сигурд стояли в нескольких шагах, наблюдая за моими действиями.

— Придется нырять, — сообщил им я и, не откладывая дело в долгий ящик, начал раздеваться.

Оглядев поверхность озера, я снова вошел в воду. Только теперь почти добрался до края подводного обрыва. Оставался еще один шаг. Вода сейчас доходила мне до живота. Я ощутил, как каждая клетка моего тела отзывается на прикосновение холодного потока. Благодаря золотому паразиту, который

постоянно переваривал огромное количество заемной энергии, температура моего тела была выше, чем обычно, но даже так вода казалась ледяной.

Еще один шаг — и вода плавно окутала мое тело до подбородка. Холод озера бодрил и заставлял сердце биться чаще. Продышавшись, я вдохнул побольше воздуха и нырнул, отталкиваясь от края подводного обрыва.

Ох ты ж! А здесь глубже, чем я думал... По форме подводная часть озера напоминала воронку, на дне которой уже ничего не было видно.

На мгновение я позволил телу двигаться по инерции, наслаждаясь ощущением невесомости и одновременно свободы. В этом подводном мире, наполненном иными звуками и красками, я чувствовал себя единым целым с окружающим меня пространством.

Золотой паразит, видимо, почувствовав изменения температуры внешней среды, встрепенулся, и по моему телу пробежала волна тепла. Холод мгновенно отступил. Вода теперь не казалась такой ледяной.

Хм... А вот это любопытно... Выходит, он способен делиться энергией? Пусть это всего лишь крохи и только в экстренных случаях, но данный факт обнадеживает. Настроение тут же поднялось.

Несколько неторопливых и плавных гребков — и я оказался там, где со скал падала вода в озеро. Затем я на мгновение вынырнул, только немного правее, чтобы не попасть под поток. Взмахнул рукой Сигурду и Вайре, давая понять, что все в порядке, и нырнул снова.

Я плавно скользнул вдоль стены, при этом погружаясь еще на несколько метров. Затем, перейдя на истинное зрение, я приступил к сканированию.

Я плавно двигался вдоль скалы, ощупывая ее взглядом и пытаясь обнаружить аномалии в структуре камня, которые могли бы указать на наличие скрытого прохода или механизма. Истинное зрение позволяло мне видеть мир под водой в совершенно ином свете. Контуры становились более четкими, а тени глубокими.

Стоп... А это что? По мере продвижения я заметил, что один из участков скалы отличался от остальных. Поверхность камня там была гладкой, почти идеально ровной в отличие от

остальной, изрезанной и покрытой подводным мхом поверхности.

Я с замиранием сердца приблизился к этому месту и провел рукой по камню, неожиданно ощутив легкое тепло. Мои губы растянулись в улыбке. Вот оно! Эти ощущения ни с чем не спутать. Такое еле заметное тепло исходило от бурой маны, которой пользовались артефакторы, создавая энергоканалы в своих механизмах

Я сосредоточил свое внимание на камне и, наконец, увидел еле светящийся темно-бурый энергетический узор. Рука снова потянулась к камню, и под пальцами я ощутил едва заметные впадины и изгибы, повторяющие энергорисунок, центром которого было маленькое пятнышко маны в виде капли.

Этот тайный магический механизм чем-то напоминал тот, что находился у меня в замке. Только отверстия для амулета-ключа я не нашел. Видимо, здесь действовал другой принцип. Вероятнее всего, что-то вроде магнитного ключа, как в моем мире.

Я снова аккуратно дотронулся до пятна-капли, и вот тут-то неожиданно золотой паразит снова дал о себе знать. Он тоже ощутил потоки маны. Эта ненасытная тварь выпустила несколько щупалец в направлении бурой энергосистемы и начала активно высасывать ману из механизма. Я было попытался отдернуть руку, но куда там...

Зараза! Как приклеенная!

В тот момент, когда почти вся мана, заполнявшая каменные узоры была поглощена, я услышал короткий, но громкий звук, который был похож на стальной щелчок замка. Затем по скале прошла волна дрожи, сопровождаемая необычным шумом, который под водой напоминал гудение.

Я бросил взгляд вниз, к основанию скалы и несмело улыбнулся. Там сейчас медленно открывался тяжелый каменный люк. Вода вокруг него начала вихриться, создавая небольшое течение, которое потянуло меня к этому проходу. Но благодаря золотым щупальцам я остался на месте.

Неужели получилось? Проход в сокровищницу находится под водой? Странно...

Моя радость была недолгой. Когда люк почти полностью исчез в чреве скалы из черного проема вынырнуло нечто огромное и темное. На мгновение мое сердце замерло, когда я

увидел под собой существо, размером и видом напоминающее аллигатора, но покрытое чешуей, которая поглощала свет, делая тварь почти невидимой в темных глубинах.

Темно-лиловая энергия струилась по энергоструктуре монстра, источником которой был крупный круд. Выходит, маги выловили и притащили сюда тeneвую тварь, чтобы она встречала тех, кто попытается открыть сокровищницу без специального ключа.

Монстр наворачивал круги у самого дна, словно оценивая сложившуюся ситуацию, а я в это время безуспешно пытался оторвать руку от скалы — паразит явно собирался выпить всю бурую ману до капли.

Легкие начало поддавливать. Но еще терпимо. Благо, я не на глубине. Несколько гребков — и уже на поверхности. Главное — не дергаться и сохранять спокойствие.

В следующее мгновение все изменилось. Тeneвая тварь меня увидела и рванула вперед. Ее огромные глаза горели холодным лиловым светом, а мощные челюсти слегка приоткрылись, обнажая пасть полную острых изогнутых зубов.

Твою же мать! Я изо всех сил дернул руку, пытаясь отодрать ее от скалы. Но ничего не получилось. Золотые щупальца еще сильнее присосались к бурой энергоструктуре. По поверхности скалы даже пошли трещины.

Тeneвая тварь двигалась с невероятной скоростью. Ее пасть раскрылась еще шире, готовясь перекусить мое тело напополам. В этот критический момент, как ни странно, я не чувствовал страха. Я был зол. И не просто зол — я был в ярости.

Так глупо погибнуть из-за того, что какой-то непокорный энергоорганизм, захвативший мою энергоструктуру, не позволяет владеть мне своим собственным телом. Гнев взял верх над разумом, и я, рыча и теряя воздух, решительно потянулся к своему источнику.

Паразит отреагировал мгновенно. Он, как и раньше, попытался поучить меня волной боли, но я уже закусил удила. Терпя невыносимую боль, я продолжал тянуться к ядру. На короткое мгновение паразит под моим напором ослабил хватку, и я смог оторвать от стены руку.

Вот она долгожданная свобода! Я, оттолкнувшись руками и ногами от каменной стены, рванул вверх. Но, увы, было поздно.

Тварь была в нескольких метрах от меня. Она легко сменила траекторию, и по ее длинному телу прошла волна, делая ее еще быстрее и стремительней.

Я тем временем всплывал слишком медленно. Сосредоточившись и не обращая внимание на противодействие паразита, я с огромным трудом зачерпнул из своего источника небольшой сгусток золотой маны.

И в следующее мгновение произошло кое-что неожиданное...

Я машинально выбросил вперед правую руку, и передо мной сформировалось небольшое сияющее золотом магическое плетение.

Щит Хаоса! Подказала мне память мальчишки-лисолюда название простенького заклинания из школы Хаоса!

Плетение из символов трансформировалось в широкое овальное нечто, от которого исходило пульсирующее энергией золотистое сияние, создававшее передо мной непроницаемый барьер.

Именно в этот барьер на полной скорости влетел гигантский чешуйчатый аллигатор. Щит выдержал удар, но тут же мгновенно рассеялся.

Чудовище ударом отбросило назад. Оно явно потеряло ориентацию. Лиловые глаза твари на мгновение погасли, а мощное тело замерло брюхом вверх. Но ненадолго. Тварь пришла в себя довольно быстро. Она завертелась, пытаясь снова сфокусировать внимание на своей добыче.

Я же, воспользовавшись моментом, уже был практически в метре от поверхности. Монстр резким волнообразным толчком длинного хвоста ринулся за мной.

Но тут в воду с громким плеском, прямо над тварью, словно торпеда вошла мускулистая фигура. Сигурд, вооруженный длинным кинжалом, который мерцал под водой, словно был сделан из лилового льда, вцепился в спину монстра, обхватив его левой рукой и ногами.

Движения моего телохранителя были точны и быстры. Лиловый клинок, который он держал в правой руке, методично раз за разом погружался в тело монстра. Оружие страйкеров, пропуская сквозь себя лиловую ману, наносило ужасный урон, кромсая чешую и плоть. Темная кровь мгновенно окрасила воду вокруг сражающихся в насыщенный черный цвет.

Теневая тварь бешено вертелась, пытаясь сбросить с себя неожиданно появившегося врага, но куда там. Против аванта у нее не было шансов.

Сигурд снова и снова наносил удары, каждый раз выбирая самые уязвимые места. Наконец огромное тело твари замерло и медленно начало опускаться на дно озера, оставляя после себя лишь мутный след в воде. За всем этим действием я наблюдал краем глаза, всплывая вверх.

Когда моя голова показалась на поверхности, я с наслаждением вдохнул. Через некоторое время, когда я уже был на мелководье, недалеко от меня появилась голова Сигурда. Мы с ним молча переглянулись, и я кивнул ему в благодарность за помощь. Мой телохранитель улыбнулся и показал в левой руке крупный лиловый круд.

* * *

— Может, не надо рисковать? — обеспокоенно спросила Вайра.

В отличие от нас с Сигурдом, фейри здорово испугалась произошедшего. Она стояла сейчас на скальном уступе и с высоты тревожно всматривалась в поверхность озера в надежде заметить еще одного монстра.

— Уверен, та тварь была там одна, — ответил ей Сигурд. — Столько крови и до сих пор ни одного движения в воде.

Мы с Сигурдом сидели на камнях, подставив спины солнцу. Только что я озвучил идею нырнуть еще раз и попытаться исследовать логово теневой твари. Мой телохранитель был со мной полностью согласен. А вот Вайра пыталась меня отговорить.

— Может, все-таки поищем механизм? — сделала еще одну попытку она.

— Механизм я уже нашел, — снова повторил я. — Без специального артефакта его нельзя открыть. Но есть шанс, что через логово твари мы сможем добраться до того места за водопадом. Этот монстр хоть и живет в воде, но иногда, судя по наличию у него лап, он должен выбираться на сушу. А это значит, что где-то там есть пещера. Кроме того, маги должны были как-то его кормить. Вряд ли для этого они каждый раз активировали ловушку. И Сигурд прав — там больше нет хищников. Иначе они бы уже пировали на дне. Кстати, надо

будет сказать Лео и остальным, чтобы достали тушу. И поменьше болтали об этом.

Я кивнул на озеро и спросил у Сигурда:

— Готов?

Тот молча ответил мне кивком, и мы дружно поднялись.

В этот раз я взял с собой трофейный кинжал одного из Багряных страйкеров, и мы с Сигурдом снова нырнули в озеро.

К краю отверстия, из которого появилась теневая тварь, мы подплыли страхуя друг друга. Переглянувшись, мы обменялись жестами и я, согласно нашей договоренности, поплыл первым.

Это была тянущаяся вверх прямая нора, выдолбленная в толще скалы. Боюсь даже представить, сколько усилий было потрачено артефакторами для создания такой ловушки. А может, когда-то в древние времена здесь было что-то другое?

Как-то это странно... Вложить столько труда, чтобы подселить сюда теневого крокодила. Хотя, если до него здесь держали кого-то более опасного, тогда может быть игра и стоила свеч.

Нора была короткой, и уже через примерно минуту мы вынырнули в небольшой пещере. А вот и логово твари.

Здесь не было темно. Слабый свет сюда проникал откуда-то сверху.

Когда мы выбрались на берег, в нос тут же ударили отвратительные запахи разложения. Всюду, куда ни брось взгляд, валялись кости, а также фрагменты гниющей плоти. Большинство костяков явно когда-то принадлежали людям. Маги подкармливали своего стража человечиной. Причем они его явно баловали. Хотя если вспомнить о том, что происходило в последние месяцы в цитадели, трупов там было достаточно...

По моим прикидкам пещера находилась левее от водопада. И глубже. Уверен, Вайра почувствовала другую пустоту.

Отверстие, через которое маги кормили своего питомца, находилось в нескольких метрах от земли. Добраться до него для нас Сигурдом не составило большого труда, как и выломать стальную решетку, перекрывающую проход. Уже через несколько минут мы стояли в довольно широком коридоре-тоннеле, на стенах которого висели кольца для факелов.

Перейдя на истинное зрение, я просканировал стены и

ничего не обнаружил.

— Похоже, это единственное направление, — тихо произнес я, указывая вглубь тоннеля.

— Согласен, — ответил Сигурд, и мы двинулись вперед.

Шли мы недолго. Тоннель вывел нас к широкой каменной двери, за которой слышался приглушенный звук падающей воды. Справа от двери на уровне моей груди обнаружился рычаг из теневой стали. И больше ничего. Никаких магических механизмов или энергоструктур мое сканирование не показало. Только обычный рычаг.

Мы переглянулись с Сигурдом. Затем, кивнув друг другу, приготовились к бою.

Я опустил рычаг. Внутри стены послышались механические звуки, и каменная дверь медленно поползла вправо. И всё? Хотя, с другой стороны, логично. Зачем расходовать драгоценную энергию, если ты уже находишься внутри? Тут на каждый рычаг маны не напасешься. А вот запечатать вход — это уже другое дело.

Продолжая внимательно сканировать стены, пол и потолок, я осторожно переступил порог. И сделав несколько шагов вперед, остановился, а затем обвел довольным взглядом все пространство перед собой. Мы оказались в большой продолговатой пещере, которая была вся заставлена сундуками разных размеров, ящиками, бочками, а также стеллажами с артефактами, посудой и оружием.

Я обернулся. Сигурд, который прекрасно видел в темноте, стоял сейчас с приоткрытым ртом и ошарашенно таращился на все эти горы добра.

Почувствовав мой взгляд, он повернул голову и мы одновременно почти одинаково улыбнулись.

Глава 9

— Что-то еще, ваше сиятельство? — спросил Гуннар, когда я отложил столовые приборы.

Сегодня вечером, после дневных заплывов в озере я ужинал в одиночестве.

— Приготовь мне травяной отвар, — произнес я, вставая из-за обеденного стола и переходя к рабочему.

Там у меня лежала небольшая тонкая книжица, на первой странице которой на вестонском было написано: «Архивный журнал». Этот журнал я нашел в сокровищнице на одном из стеллажей. А когда понял, что держу в руках, то мысленно поблагодарил неизвестного хранителя, который оставил мне такой подарок.

Должен заметить, что, судя по идеальному порядку как в сокровищнице, так и в записях архивного журнала, человек, который отвечал за то место, явно был перфекционистом. К примеру, каждый предмет в пещере, будь то ящик, ларец или отдельный артефакт, имел свою бирку с порядковым номером и коротким лаконичным описанием. Подробная опись всего содержимого всех ёмкостей и предметов находилась в конце журнала. И было записано мелким, но аккуратным почерком.

Благодаря истинному зрению, я быстро определил, что все бирки, а также обложка журнала, как и сами его листы, были сделаны из кожи темных тварей, а записи велись бурыми магическими чернилами очень высокого качества. Чему я был только рад. Ведь выбираться из сокровищницы нам пришлось тем же путем, которым мы в нее забрались — через логово темного аллигатора. Увы, но основной вход в пещеру мы так и не смогли открыть, вероятно, магический механизм, «благодаря» моему золотому паразиту, был заблокирован.

Когда мы выбрались из воды и оделись, я дал приказ Лео и страйкерам организовать подъем со дна озера туши аллигатора. Но только без лишнего шума. Надо было видеть их ошарашенные лица, когда мы рассказали о теневой твари, обитавшей в безобидном на первый взгляд озере.

В том, что туша монстра будет «разобрана» по всем правилам, я не сомневался. Страйкеры в этом деле настоящие профессионалы. Первое, чему учат боевых магов в гильдиях, помимо владения своим даром, так это правильной разделке

теневого тварей, а также хранению важных и ценных органов. Ганс Крауз как-то на одном из привалов рассказывал, что Георг фон Линц, который побывал в Тени несколько раз, особенно хорош в этом деле.

Когда Гуннар принес мне травяной отвар и вышел из шатра, я принялся за работу. Следующие несколько часов я внимательно изучал содержимое журнала и пришел к выводу, что обнаружил не просто сокровищницу, а тщательно собранную и законсервированную лабораторию.

Причем, судя по записям, в пещере хранилось оборудование как алхимиков, так и артефакторов. Все инструменты, разные приспособления и лабораторная посуда были сделаны из теневых материалов.

Помимо уже готового магического оружия, тканей, эликсиров, амулетов и прочего там хранились и сами материалы: металлы, травы, жидкости, дерево и камни, шкуры и кости монстров. А также внушительная коллекция их органов, хранившихся как в сухом состоянии, так и в емкостях, залитых специальной жидкостью.

В свете происходящего со мной отдельно обрадовали внушительные запасы крудов, в основном бурых, алых, янтарных и изумрудных. Лиловые тоже были, но не много. В журнале имелась запись о том, что много крудов этого цвета было выдано некоему «Магистру Р». Там стояла дата, которая совпадала с датой, когда маги покинули цитадель через потайной тоннель.

Кстати, теперь понятно, почему они так мало унесли ценностей из подвала крепости. Им пришлось тащить много всего из основной сокровищницы. Например, к моему глубокому разочарованию маги унесли с собой всю свою библиотеку. Незвестный хранитель мелким почерком коротко сообщал, что там были трактаты по теневой и истинной магии, а также много книг с рецептами и чертежами.

Жаль... Хотя это абсолютно логично. Библиотека намного ценнее какого-то золота.

Кстати, золото и серебро там тоже было. Как в слитках, так и монетами. Кроме того, несколько небольших ларцов как с обработанными, так и «дикими» драгоценными камнями.

После изучения довольно длинной описи содержимого сокровищницы я перешел к изучению самого журнала. А

именно той его части, где шла речь о поставках, именах и ценах.

Довольно быстро я выяснил одну очень любопытную деталь. Оказалось, что процентов тридцать собранных здесь крудов, материалов и ингредиентов была доставлена сюда из Теневого перевала. А именно — из моей марки. Кстати, те же листы, из которых был собран сам журнал, оказались сделаны не из кожи, как я сперва подумал, а из водорослей, которые трансформировались после приливов и отливов. Так вот эти самые водоросли тоже доставлялись из теперь уже моих земель. В пещере имелось два ящика готовой продукции. Боюсь даже представить стоимость этой магической «бумаги».

После того как она прошла испытание водой, я проверил ее на хрупкость, а также на огнестойкость и остался доволен ее прочностью. И это без нанесенных на лист бурых чернил, которые увеличивали уровень прочности в несколько раз.

Судя по датам, маги довольно долгое время сотрудничали с тремя поставщиками из Теневого перевала. Вернее сказать — контрабандистами. Правда, все закончилось с приходом в эти края Серого жнеца, который подмял добычу всех ресурсов под себя.

В любом случае, я очень хорошо запомнил все имена тех контрабандистов. Что-то мне подсказывало, что кто-то из них все еще жив и продолжает заниматься своим опасным бизнесом.

От изучения журнала меня отвлекла льюнари. Она пришла, чтобы продолжить наши ночные медитативные практики.

— Вайра сказала мне, что у тебя получилось создать плетение? — спросила она, глядя на меня с надеждой в глазах.

— О да! — улыбнулся я и со вздохом добавил: — Осталось понять, как это произошло...

— А какое плетение ты создал?

— Простенький щит, — ответил я и хмыкнул: — Но его хватило на то, чтобы остановить ту тварь.

— И ты больше не можешь его повторить? — спросила она слегка разочарованно.

Я отрицательно покачал головой и произнес:

— Несколько раз пытался, но ничего не вышло. Паразит блокирует все мои попытки взаимодействия с источником. Именно поэтому сегодня мы займемся этим вопросом...

— Живее, ленивые ублюдки! — орал рыжеволосый десятник, подгоняя своих бойцов. — Ничего!.. Скоро растрясете свой жирок на марше!

Ему тут же вторило несколько горластых сержантов с других концов нашего лагеря, который был сейчас похож на потревоженный муравейник. Ровные ряды бодро марширующих пехотинцев тянулись от цитадели до шато Гардьен.

Три дня назад наконец-то прибыли гонцы от барона де Бакри с вестью о том, что южные кланы горцев согласны выступить против аталийцев, а это примерно четыре тысячи пеших бойцов. И мы выдвигались на соединение с ними.

В цитадели я оставлял небольшой гарнизон, а также Ганса Крауза с его командой. Ему была поставлена задача извлечь из сокровищницы сапфировой гильдии все ее содержимое и под охраной отряда мертонцев переправить это добро в Гондerville. Барон Илар Рис выделил для этого важного предприятия самых проверенных своих бойцов.

Кое-что из сокровищницы мы взяли с собой. К примеру, приличное количество разного вида эликсиров, много крудов, а также много золотых и серебряных монет, чтобы расплачиваться с местными жителями за продовольствие.

Операцию по извлечению всего этого добра успешно провел все тот же Ганс Крауз, замаскировав добытое в телегах среди бочек с питьевой водой из источника, что питал озеро. Остальное он должен был вывезти, когда наша армия покинет эти места.

Выслушав гонцов барона де Бакри, я собрал всех своих командиров, в том числе маркиза де Гонди с его сопровождающими, и толкнул пафосную речь о том, что мы должны помочь вестонским легионам, попавшим в ловушку. И что именно поэтому я принял решение выдвинуться против Золотого льва.

Новость была встречена радостными криками всех моих командиров и собравшихся на этот импровизированный военный совет вестонских дворян. При этом представители обоих герцогов, судя по многозначительным взглядам, которые они на меня бросали, приписывали «победу» надо мной именно себе. Убеждать их в обратном я не собирался. Пусть думают,

что это именно они смогли своими доводами убедить меня принять правильное решение.

Там же я объявил, что буду рад присутствию маркиза де Гонди и других высокопоставленных дворян на военных советах, но предупредил, что им будет отведена роль наблюдателей. Другими словами, я давал понять, что смотреть и слушать можно, но трогать руками нельзя. И снова каждый из посланцев герцогов, насколько можно было судить по их довольным физиономиям, расценил мои слова, как часть наших с ними договоренностей.

Кстати, маркиз де Гонди, как граф де Лоррен и обещал, вел себя прилично. Однако я видел, что отпрыску герцога де Гонди очень не нравится происходящее. Не привык он быть на вторых ролях. Ничего, у него еще появится возможность проявить себя.

Я наблюдал за бодро марширующими пехотинцами, сидя верхом на Шторме в окружении моих соратников. В этот раз я был облачен в обычную броню, так как паразит мог в любой момент повредить мой магический доспех.

Но в моем сердце теплилась надежда, что это ненадолго. За последние дни мы с Селиной здорово продвинулись в наших исследованиях и, кажется, кое-что нащупали.

Во-первых, мы определили, что есть короткий отрезок времени, когда я могу использовать ману из других крудов без риска агрессии со стороны паразита. Обычно это был момент, когда он был сыт и занят трансформацией полученной энергии. Он практически не реагировал на мои манипуляции маной из крудов. Правда, длилось это недолго.

Во-вторых, у меня получилось повторить плетение Щита хаоса, используя при этом лиловую ману. Попутно я выяснил, что он получился слабее, чем тот, что я создал, используя золотую энергию.

И наконец, в-третьих, мы с льюнари выяснили, почему паразит мне позволил зачерпнуть силу из источника. В момент, когда моей жизни грозила смертельная опасность, у меня получилось машинально продавить волю засевшего в моей энергосистеме паразита. Другими словами, я взломал его «программу».

Несколько раз я попробовал сделать это снова, но каждый раз мои эксперименты заканчивались тем, что меня окатывала волна нестерпимой боли. Именно тогда Селина и предложила

мне не пытаться бороться с ним, а найти способ подружиться.

Я пока не совсем понимал, каким образом можно подружиться с этой непонятной то ли тварью, то ли сущностью, но решил все-таки последовать совету льюнари.

— Ваше сиятельство, — возле меня остановился всадник из отряда Андре де Шатильона и, взмахнув в сторону цитадели, сообщил: — Все готово.

Я молча кивнул и двинулся в сторону ворот крепости. За мной следом скакали несколько десятков моих бойцов.

Уже на подъезде к воротам, я заметил, что там происходит столпотворение. До меня донеслись грозные воинственные выкрики, лязг оружия и ржание лошадей.

Выезд из ворот был заблокирован легионерами Самюэля Кронера, которые, сомкнув щиты, выставили перед собой свои копья и алебарды. Внутри крепости напротив них строился отряд из бойцов маркиза де Онжеса, который в эту минуту горланил громче всех, грозя капитану Кронеру и его воинам всеми возможными карами.

Чуть поодаль за этим конфликтом с огромным интересом наблюдал маркиз де Гонди и все его сопровождающие. В происходящее они не вмешивались. Попыток качать права и грозить капитану Кронеру они не делали. Но и прийти маркизу де Онжесу на помощь не спешили.

А все потому, что сегодня утром практически перед выездом графы де Брольи и де Лоррен получили от меня послания с предупреждением о том, что на выходе из крепости может возникнуть «небольшая заминка», за которую я у них заранее прошу прощения. Я предлагал им спокойно подождать, пока «неожиданная проблема» не будет решена.

Я бы мог и не предупреждать их, но маркиз де Онжес со своим изрядно поредевшим после моих действий отрядом и своими повозками намеревался двигаться вместе с маркизом де Гонди.

Тем временем маркиз де Онжес переключился на легионеров пятого легиона и их капитанов, которые тоже построились поодаль и даже не думали поддерживать своего бывшего командира.

Маркиз, видя, что бывшие подчиненные на него не реагируют, выпучил от бешенства глаза и покраснел, как вареный краб. Он громогласно грозил «предавшим» его

легионерам пытками, казнями и конфискацией их имущества.

Именно в этот момент наша кавалькада подъехала к строю легионеров капитана Кронера, которые слитным движением раздвинули щиты, пропуская нас вперед.

Наше появление не осталось незамеченным. Маркиз де Онжес, дернув поводья своего коня, поскакал в мою сторону. Если бы он мог убивать взглядом, то я бы уже давно рухнул на землю замертво.

— Мессир! — прорычал он, брызжа слюной. — Как это понимать? Почему меня и моих людей не выпускают из крепости?!

Конь под ним раздраженно перебирал копытами и громко дышал.

— Капитан Кронер выполняет мой приказ, — достаточно громко, но совершенно спокойно ответил я.

— По какому праву?! — взвыл он. — Что все это значит?!

Я, не поворачивая головы, слегка отвел в сторону руку, в которую Лео тут же вложил свиток. Развернув его, я произнес в наступившем вокруг молчании:

— Согласно приказу Его величества, две когорты пятого легиона перешли под мое командование, — громко объявил я. — Старшими офицерами этих когорт я был проинформирован о том, что вот уже семь месяцев ни офицеры, ни простые легионеры не получали положенного их контрактами жалования. Кроме того, согласно контрактам, подписанным Его величеством, если вестонский легионер погибает и до его смерти ему не выплачивались деньги, эта сумма будет передана его семье или его законным представителям. За передачу этих денег отвечает непосредственный командир погибшего легионера.

Не давая маркизу возразить, я громко зачитал имена старших офицеров, сообщивших мне о случившемся. Абсолютно «случайно» вышло так, что все названные мной офицеры, включая одного из капитанов второй когорты, оказались дворянами. То, что они из бедных родов, и, по сути, легион являлся их единственной семьей и домом, никак не отменяло благородства их крови.

— Что вы хотите этим сказать! — воскликнул маркиз де Онжес, тяжело дыша.

— Я хочу сказать, что за казну пятого легиона отвечает его

командир, то есть, вы, мессир. И что вы обязаны выплачивать жалование своим легионерам вовремя. Полагаю, сейчас подходящее время выполнить свой долг перед Его величеством и легионерами пятого легиона.

— Но казна легиона пуста! — возмущенно воскликнул маркиз де Онжес. — На какие деньги, по-вашему, наши интенданты покупали продовольствие у местных? А из столицы нам никто ничего не присылал!

Я раскрыл ладонь, и в нее лег еще один свиток. Я поднял его над головой и громко произнес:

— Здесь записаны свидетельские показания старших офицеров о том, что происходило все эти месяцы в цитадели. Вы, мессир, утверждаете, что казна легиона пуста, но несколько дворян из нижеподписавшихся уверены в обратном. Именно поэтому я предлагаю вам добровольно предоставить повозки и фургоны для осмотра.

Все легионеры дружно зашумели. А названные мной офицеры гордо выступили вперед.

Лицо маркиза де Онжеса как-то резко побелело. Я даже подумал сперва, что его сейчас хватит удар, но спустя мгновение он снова покраснел. Его тонкие губы презрительно скривились. Глаза налились кровью.

— Что?! — зарычал он, глядя мне в глаза. — Обыскивать меня? Меня?! Наследника древнейшего рода?! Да как ты посмел даже подумать об этом? Что ты о себе возомнил, бастард? Ты всего лишь какой-то выскочка! Сын изменника!

После его слов повисла гробовая тишина. В отличие от многих здесь присутствующих, маркиз де Онжес, просидевший почти весь год в Бергонии, был оторван от столичной светской жизни. Уверен, он уже знал, что я — одаренный, но его вера в свою родословную, связи и вес его отца, герцога де Онжеса, одного из маршалов Вестонии при дворе, была непоколебимой.

— Маркиз, — произнес я скучающим тоном. — Вы не только вор и негодяй, умудрившийся угробить доверенный вам легион, вы еще и беспросветный тупица. Но, как бы мне сейчас ни хотелось собственноручно пустить вам кровь, я прекрасно понимаю, что для меня, как боевого мага в ранге аванта, нет чести в том, чтобы прикончить противника в разы слабее себя. Поэтому я доверю эту миссию другому человеку.

Я стянул со своей руки кожаную перчатку и передал ее

выехавшему из нашего строя Андре де Шатильону. Тот аккуратно принял ее, а потом бросил на землю перед маркизом.

— Мессир, — произнес я, — вместо меня по моей просьбе вас поучит манерам виконт де Шатильон.

Глава 10

Луи де Онжес надменно посмотрел на Андре де Шатильона, и кривая улыбка тронула его губы.

— Значит, ты теперь заодно с этим выскочкой? — безразлично бросил он, кивая в мою сторону.

Андре с непроницаемым лицом молча отцепил плащ и снял шляпу, передав их одному из своих бойцов. Затем обнажил свой клинок и отбросил в сторону ножны. Взмахнув несколько раз мечом, разминая кисть, он холодно посмотрел на маркиза, который пока не спешил доставать свое оружие.

— Знаешь, Андре, — прищурился Луи де Онжес. — А ведь я нисколько не удивлен. Вы ведь друг друга стоите. Такой же выскочка, которого, благодаря лишь милости высших, вытащили из грязи.

Со словарным запасом у маркиза совсем туго. Слово «выскочка» повторил уже несколько раз.

Тем временем маркиз продолжал говорить, но при этом свой клинок он не обнажал, прекрасно понимая, кто его противник. Правда, он и сам, в отличие от своего мягкотелого старшего братца, хорошо знал, с какой стороны держаться за меч. Андре де Шатильон ранее отзывался о нем, как об опасном противнике.

— И это твоя благодарность? — усмехнулся Луи де Онжес. — Ты забыл, кому обязан своим возвышением? Кто представил тебя его высочеству принцу Генриху, который был так милостив к тебе? А ведь я предупреждал отца! Я ему говорил, что нельзя доверять таким, как ты! Но он был глух к моим предостережениям. Он относился к тебе, как к собственному сыну.

Я лишь хмыкнул. Андре не смотрел на меня, но я прекрасно знал, о чем он сейчас думал. Ведь все то время, что он находился при мне, я целенаправленно и скрупулезно выпиливал из его мозга всё то, что за последние годы впихнули в него герцог де Онжес и остальные.

А отшлифовкой уже занималась льюнари, даря Андре правильные сны. Причем, в отличие от Онжесов и принца Генриха, мы с ней обходились без подлых манипуляций и зомбирования. Просто открывали ему глаза. Заставляли взглянуть на происходящее с ним под другим углом.

И это начало приносить плоды. Андре начал меняться. Из психологически раздавленного под весом чувства вины неудачника, желавшего искупить свой «грех» перед своими благодетелями героической гибелью на поле брани, он начал превращаться в уравновешенного и знающего цену своей жизни, а также собственной свободы человека.

Довольно быстро Андре осознал, что семейка Онжесов все это время использовала его, как боевого пса, натравливая на своих противников, не забывая при этом бросать своей зверушке кости с хозяйского стола. Даже, якобы, безвозмездно передав его принцу, Онжесы погребли на этом руки.

Всё закончилось с моим появлением в столице. Матерый пес не смог справиться с какой-то мелкой дворнягой. Хозяева даже милостиво дали тому шанс исправиться, но ничего не получилось. А дальше высокие «покровители» поступили так, как всегда в таких случаях поступали — верного пса, не оправдавшего доверие, за ненадобностью выбросили на помойку. Да еще и обвинили во всех грехах.

Луи де Онжес прямо сейчас пытался, как когда-то, применить к некогда верному псу стандартные приемы. Воззвать к его чувству вины. Напомнить о благодетелях. Именно поэтому он и не обнажил до сих пор свой меч. Он думал, что сможет таким образом перетянуть виконта на свою сторону. Вот только Луи не знал, что Андре сам попросил меня об одолжении передать ему перчатку, если дело дойдет до дуэли.

— Луи, — спокойным голосом произнес виконт де Шатильон, легко помахивая из стороны в сторону своим мечом. — Ты совершенно не изменился. Ты все тот же вороватый болтун и трусливый мерзавец, вечно прячущийся за спиной своего отца. Только раньше ты всего лишь без спросу таскал золотые монеты из сокровищницы герцога, да сваливал свою вину на других. Теперь же ты ворует у своих боевых товарищей и моришь их голодом.

После слов виконта до этого молчавшие legionеры и всадники из его отряда в знак согласия громко загудели. Отовсюду слышались гневные выкрики в сторону маркиза, лицо которого снова побелело, а потом начало наливаться краской.

Такого оскорбления Луи де Онжес снести не мог. Он, рыча

проклятия, обнажил свой клинок и с пеной у рта ринулся в сторону ожидавшего его виконта де Шатильона.

Схватка началась. Со стороны это выглядело, как танец двух давних соперников, чьи движения были словно заученными. Вероятно, эти двое не один раз выходили друг против друга на тренировочных поединках.

Правда, в этот раз все уже было иначе. Удары Луи были мощными и резкими. Но несмотря на ярость и ненависть в его глазах, маркиз рассудка не терял. Чувствовался богатый опыт поединков. Тем более, что он прекрасно знал, на что способен его соперник.

Правда, здесь его ждал сюрприз. Дело в том, что, благодаря нашим с ним тренировкам, манера фехтования виконта де Шатильона заметно изменилась. Под влиянием наших поединков и моих советов, стиль Андре трансформировался в нечто более смертоносное. Он оказался отличным учеником, который жадно и с восхищением впитывал новые знания. Руку даю на отсечение, Мамору Ямада он бы понравился.

На атаки маркиза виконт де Шатильон отвечал уверенно и размеренно. Его парирования были легкими, а контратаки точными. Словно он читал намерения Луи на один ход вперед.

Легионеры и дворяне, собравшиеся вокруг, затаив дыхание следили за поединком. То тут, то там раздавались подбадривающие выкрики. Люди маркиза поддерживали своего господина, а легионеры и всадники — виконта.

Луи де Онжес начал уставать. Его дыхание становилось все более тяжелым, а движения менее координированными. Андре де Шатильон, напротив, только взвинтил темп, нанося удар за ударом, вынуждая Луи отступать, тесня его и заставляя делать ошибки.

В один из таких моментов Луи, дыша словно загнанная лошадь и отчаянно пытаясь нанести решающий удар, сделал необдуманный выпад. Андре с легкостью парировал его клинок и, контратаковав, сбил своего противника с ног. Меч маркиза де Онжеса заскользил по земле.

Над площадкой повисло молчание.

На лице лежавшего на земле Луи застыла маска ужаса и неверия в происходящее. Андре навис над ним. Кончик его меча упирался в горло маркиза.

— Ну?! — прохрипел Луи. Пена на его губах засохла,

превратившись в сухую пленку. — Чего ждешь? Прикончи меня!

— О нет, Луи, — голос Андре звучал спокойно, но в застывшей тишине каждое слово долетало до ушей собравшихся. — Такой чести ты недостоин. Ты понесешь ответственность, как вор, предавший своих боевых товарищей. И если даже Его величество помилует тебя, клеймо позора навсегда ляжет на тебя и твой род.

Широко раскрытые глаза Луи горели ненавистью. А еще я заметил в его взгляде облегчение. Он понял, что его не собираются сейчас убивать. Это зря он расслабился...

Виконт де Шатильон повернул голову в мою сторону. Наши взгляды встретились. Он выполнил свое обещание и не убил маркиза. Хотя я видел, как тяжело ему это далось. Я благодарно кивнул и громко произнес:

— Мессир, я удовлетворен! Благодарю вас.

А потом я посмотрел в сторону сгрудившихся рядом со своими повозками людей маркиза де Онжеса.

— Именем короля приказываю вам предъявить содержимое всех повозок к осмотру! Каждый, кто окажет сопротивление, будет убит на месте!

Из-за спин легионеров начали выходить мертонцы с готовыми к стрельбе луками. Маркиз было дернулся что-то сказать своим людям, но Андре де Шатильон снова приставил к его горлу кончик клинка. Луи тут же замер.

Поведение людей маркиза де Онжеса ярко иллюстрировало местную поговорку, которая гласила: «Хочешь узнать о господине, посмотри на его слуг». Те после моих слов покорно расступились и позволили моим людям приступить к осмотру повозок и фургонов.

Уже через несколько минут под удивленными взглядами дворян и простых воинов в центре площадки, где состоялась дуэль, начала расти внушительная горка из сундуков и коробок. Крышка одного из сундуков случайно открылась, явив публике свое содержимое. А именно — серебряные монеты, которыми сундук был заполнен почти доверху.

Над площадкой разнесся дружный вздох, и, пока все это действо не превратилось в бесконтрольный балаган, я снова взял в свои руки инициативу.

— А вот и якобы потраченная казна легиона! — воскликнул громко я, уже стоя рядом с горой добра, сгруженного с повозок

маркиза.

Хм... А неплохо Луи де Онжес поживился в подвалах крепости.

— Маркиз, и вам еще хватило наглости утверждать, что это его величество виноват в том, что его legionеры оказались без жалования семь месяцев? Вы еще больший негодяй, чем я о вас думал. Ну ничего, уверен, наш мудрый король, пусть боги продлят годы его славного царствования, во всем разберется. Верно, господа?

Я обвел взглядом свиту маркиза де Гонди. Дворяне тут же с готовностью закивали, как и сам наследник повелителя Юга, при этом бросая брезгливые взгляды на Луи де Онжеса, лежавшего на земле, лицо которого сейчас было цвета мела. Как бы его действительно не хватил удар.

— Капитаны пятого легиона! — перекрикивая поднявшийся шум, позвал я командиров двух когорт, которые перешли под мое командование. — Объявите своим людям, что казна вашего легиона теперь у меня. На первой же длительной стоянке все они получают причитающееся им жалование. Кроме того, составьте подробные списки погибших. Даю слово, что их семьи получают все до последнего обола. С этого дня я лично буду следить, чтобы legionеры его величества ни в чем не имели нужды. Виновников произошедшего я приказываю взять под арест. Впоследствии они будут отправлены в столицу, где их судьбу будет решать наш мудрый король.

Так как я говорил громко, простые legionеры слышали каждое слово. После того как я замолчал, над крепостью взметнулся радостный многоголосый победный рев.

* * *

Встреча со старейшинами южных кланов горцев произошла спустя полторы недели нашего похода. Первый же передовой отряд нашего войска, оказавшийся на земле южных оборотней, принес мне весть о том, что местные просят встречи со мной. Причем записка, которую они мне привезли, была от барона де Бакри.

И вот уже под вечер я сидел на полу, застеленном толстыми шкурами, в большом походном шатре, попивая травяной отвар хозяев, которые полукругом расселись напротив. Рядом со

мною по правую руку расположился барон де Бакри.

Южан было четверо. Все коренастые, крепкие. Глаза звериные, смотрят внимательно, но без злобы, скорее, с интересом. Лишь один из них — самый большой и самый молодой — разглядывал меня с вызовом. В его взгляде читалось недоумение.

Жан-Клод де Бакри перед встречей предупреждал меня об этом здоровяке. Это был старший вождь, который командовал всем собранным войском южан. И он не верил в то, что обо мне рассказывал им Жан-Клод. Старейшинам нужно было подтверждение моей силы. Они, похоже, ждали демонстрации способностей ауринга.

В воздухе чувствовалось напряжение. В том числе — и энергетическое. И несмотря на то, что золотой паразит был сыт, я понимал, что в любой момент он может пробудиться, и долгожданные переговоры будут провалены.

Именно поэтому мои карманы, на всякий случай, были забиты крупными бурыми крудами. Кроме того, на моей шее висел амулет с большим лиловым кристаллом, а на запястьях — браслеты с крудами того же вида, но размерами поменьше. Я, как и все присутствующие, был без доспеха, показывая тем самым свое доверие хозяевам.

После того как мы обменялись приветственными фразами, подтверждая свои мирные намерения, самый старый оборотень с черными, побитыми сединой длинными волосами хриплым голосом произнес:

— Наш родич с севера, — он кивнул на барона де Бакри, — сказал мне, что ты ведешь свое войско против аталийцев и предлагаешь нам присоединиться к тебе. Это так?

В речи старого вервольфа чувствовалась некая жесткость и отрывистость. Словно он уже давно не разговаривал на человеческом языке и ему сейчас приходилось снова напрягать свое горло, привыкая к нашей речи.

— Верно, — кивнул я.

— Объясни, зачем нам это? — задал он резонный вопрос. — Ради чего мы должны отправлять на гибель своих сыновей и дочерей? Мы когда-то жили в мире с людьми долин. Они не трогали нас, мы — их. Сейчас у них война. Победят аталийцы, они займут место проигравших. И мы продолжим жить как прежде. Зачем нам вмешиваться в их войны?

— Как раньше больше не будет, — покачал головой я. — Мир изменился.

— Что это значит? — нахмурился другой старейшина.

— Это значит, что война, которую устроили люди долин, очень скоро затронет всех нас. Думаете, я сам хочу участвовать в чужой войне? Если бы не угроза со стороны аталийской армии, я бы сейчас двигался в направлении своих владений.

— Да, мы слышали, что Теневой перевал теперь твой, — кивнул первый старейшина. — Ты так уверен, что аталийцы придут к тебе?

— Абсолютно, — кивнул я.

— Но почему?

— Потому, что король Аталии — слабак, и уже давно находится под колпаком у Багранных фанатиков, а они не успокоятся, пока не отомстят мне за гибель своих людей и потерю земель.

При упоминании Багранных рыцарей старейшины помрачнели.

— Мы понимаем твои мотивы, — кивнул старейшина. — И скорее всего на твоём месте поступили бы также. Но ты пока не убедил нас в том, зачем нам участвовать в этой войне.

— Затем, что для вас лучше сражаться в этой войне вместе со мной, чем без меня, — пожал плечами я, и старые оборотни напряглись. — Отсидеться в горах больше не получится.

Молодой вервольф, пока слушал наш разговор, не переставая сверлил меня напряжённым взглядом. Последняя моя фраза ему явно не понравилась.

— Ты сейчас назвал нас трусами? — глухо прорычал он.

Я, повернув в его сторону голову, ровным голосом ответил:

— Я сказал то, что сказал. Для тех, кто меня плохо расслышал, могу повторить ещё раз.

Вервольф, мгновенно трансформировав свои руки в звериные лапы, резким рывком перепрыгнул центр шатра и замер в шаге от меня, нависая всей своей массой.

— И этот жалкий человечешка называет себя аурингом? — насмешливо произнес он.

Отведя от меня взгляд полный превосходства, вервольф обратился к барону де Бакри, который по моей просьбе, которую я озвучил ещё перед встречей, сидел сейчас каменной статуей, но явно сдерживаясь с огромным трудом:

— Ты говорил, что этот человек поделился с тобой силой. Откуда она у такого слабака?

Вервольф, энергоструктура которого сейчас была похожа на пробудившийся вулкан, стоял очень близко. А зря... Наши ауры сейчас соприкасались.

Почувяв «живую» ману, паразит оживился и заворочался. Моя аура тут же вспыхнула золотым сиянием, которое рассеяло полутьму шатра. Барон де Бакри, расширив глаза, таращился сейчас на меня, как, собственно, и все присутствующие.

— В сторону, — сквозь зубы бросил я барону, который тут же откатился подальше от золотистой дымки, окутавшей мое тело.

А вот вервольфу не повезло. Сразу несколько золотых щупалец присосались к его ауре и начали стремительно опустошать его источник. Здоровяк осел на колени и, кажется, не мог пошевелить даже пальцем. Из его глотки вырывался хрип. А я тем временем начал как ни в чем не бывало говорить, смотря прямо в расширившиеся от ужаса глаза оборотня:

— Дело в том, что ауринг способен не только делиться своей собственной силой, но и забирать чужую.

Руки вервольфа довольно быстро трансформировались в человеческие, а его источник, до этого бурливший словно котелок, заполненный огненной лавой, стремительно пустел. Паразит был явно в восторге. Глаза оборотня закатились, и он начал оседать. Только золотые щупальца не давали ему полностью упасть.

Старейшины пытались все это время держать лицо, но было видно, что они на грани.

— Думаю, он уже понял свою ошибку, — напряженно прохрипел главный старейшина, кивая на обмякшего гиганта.

— Вы уверены? — спросил я.

— Да, — кивнул он и попросил: — Прошу, отпусти его...

— Как скажете, — спокойно ответил я, но внутри был напряжен, словно струна.

Зачерпнув приличный сгусток бурой энергии, я направил ее в свой источник, чем заставил паразита вздрогнуть и замешкаться. Именно в этот момент его щупальца ослабили хватку, переключившись на бурую ману прямо в ядре, а я в свою очередь оттолкнул тело оборотня, которое показалось мне очень легким. Я сперва даже испугался, но сканирование

показало, что тот жив, просто энергетически истощен.

Сработало... Хотелось облегченно выдохнуть, но пришлось демонстрировать невозмутимость. Наши опыты с льюнари не прошли даром. Я начинал понимать, как взаимодействовать с паразитом.

Старейшины тоже видели, что их сородич дышит. Но, как ни странно, агрессивных действий они не предпринимали. Они ждали продолжения. В шатре повисло молчание, которое я нарушил:

— Вы спрашивали, что значат мои слова о том, что мир изменился? Несколько недель назад я убил одну из младших хримтурсов. Уверен, вы знаете, о ком идет речь?

По ошарашенным лицам стариков я понял, что они знают. Те начали переглядываться.

— Кроме того, — продолжил я, — мне стало известно, что она не одна. Несколько тварей сейчас находятся в Нортланде. Думаю, вам не надо объяснять, что появление младших демонов в нашем мире неспроста.

— Они здесь, чтобы приготовить приход своего повелителя, — старейшина хрипло озвучил то, что я пытался до них донести.

— Если позволите, я хочу вам кое-что показать.

Старик ответил утвердительным кивком.

— Сигурд! — громко позвал я, и в шатер тут же протиснулась голова моего телохранителя.

— Покажи.

Тот вошел внутрь, неся в руке небольшой ларец. Поставив его перед старейшинами, он приоткрыл крышку и те увидели крупный кристалл угольно-черного цвета.

Видимо, почуяв магию смерти, все трое старейшин отпрянули и обеспокоенно посмотрели на меня.

— Это я нашел у Багрных. Такие же есть и у Ледяных. Я пока не совсем понимаю, зачем жрецам эти круды, но я точно знаю, что они каким-то образом создают их, убивая истинных и первородных. То есть — нас с вами. Надеюсь, теперь мои доводы вас убедили?

По шокированным и растерянными после увиденного лицам старейшин я понял, что наша армия сегодня станет больше.

Глава 11

Эрувиль. Новая столица. Дворец герцогини дю Белле.

Герцогиня дю Белле сегодня вся буквально светилась. Причин тому было несколько. В первую очередь — прием, который она организовала, поспешили посетить все, кого она пригласила. Даже те, кто ранее по тому или иному поводу всегда находил отговорки, чтобы избежать посещения ее дома, либо просто игнорировал ее приглашения. Ведь тень из-за предательства Фердинанда де Грамона легла не только на него самого, но также и на всю его семью, включая брата и сестру. Да, они с Генрихом вовремя заняли правильную сторону, но репутация рода была подмочена.

С представителями Грамонов после той истории полностью прекратили свое общение многие высокие дома. Что очень печалило герцогиню.

Но постепенно ситуация начала меняться. И все из-за ранее никому неизвестного и неинтересного бастарда Фердинанда, которого Генрих вышвырнул из столицы.

Ее племянник умудрился не только выжить, но еще и в короткие сроки успел достичь невероятных результатов. Скажи герцогине кто-то еще год назад, что незаконнорожденный сын Фердинанда станет маркграфом, а также боевым магом, причем одним из сильнейших на материке, она бы подумала, что над ней пытаются зло подшутить.

Но это еще не все... Жанна дю Белле предполагала, что ее любимый племянник на этих достижениях не остановится, но даже представить себе не могла, как далеко он сможет зайти.

Новости, приходившие в Эрувиль из Бергонии, были одна противоречивее другой.

Сперва столица радостно гудела о наступлении легионов герцога де Клермона. На балах и приемах у высшей знати восторженно восхваляли военный гений маршала Вестонии и лучшего друга его величества. В кулуарах дворцов, в том числе и королевского, велись переговоры между представителями партий принцев, разрывались прежние и заключались новые союзы, но уже с учетом новой силы, которой, несомненно, являлся дом Клермонов.

Поговаривали, что даже герцоги де Гонди и де Бофремон,

боясь этого усиления, вынуждены были заключить временный союз и собрали большую армию, дабы вся слава победы над аталийцами не досталась маршалу де Клермону.

Из-за небывалого ажиотажа, вызванного победоносным шествием вестонских легионов по Бергонии, ошеломляющая весть о разгроме оных была воспринята обществом как ложная. Первое время многие не могли в это поверить. Ведь в магистрате Эрувиля уже велись обсуждения о том, как город будет встречать храбрых героев. Даже был составлен бюджет будущих церемоний и празднеств.

Но новость подтвердилась... Армия де Клермона разбита, и ее остатки оказались в окружении где-то на юге или востоке Бергонии. Куда теперь спешно направлялась армия, собранная герцогами, во главе которой стоял принц Филипп.

В полководческий гений старшего сына короля никто не верил. Все свои надежды люди возлагали на двоих герцогов. По столице начали расползаться мрачные слухи о том, что Золотой лев силен как никогда, и что даже если армия герцогов одержит верх, для Вестонии, в любом случае, ничем хорошим это не обернется. В те дни многие в открытую говорили о будущем вторжении. Если не с юга, то с севера точно.

Герцогиня дю Белле не единожды слышала, как бывшие сторонники принца Луи вполне серьезно обсуждали между собой возможность очередной смены цветов с «красного» на давно забытый «зеленый».

В Эрувиле установилось мрачное затишье... Но ровно до того момента, как в городе появился гонец от герцога де Бофремона, который принес весть о победе вестонского пешего войска над аталийской рыцарской конницей.

Если чернь, напуганная будущим вторжением, восприняла новость, как долгожданный знак богов, то дворяне отнеслись к ней довольно скептически.

Большинство из них пришло к выводу, что герцог де Бофремон таким образом пытается поддержать боевой дух в столице, дабы предотвратить массовые беспорядки и бегство аристократов. Ведь как еще можно расценить такого рода донесения? Где это видано, чтобы пехота одержала верх над дворянской конницей? Да еще и под предводительством какого-то неопытного виконта де Леваля.

С того момента как в столицу прибыл гонец от герцога, не

прошло и нескольких дней, как по городу со скоростью степного пожара разлетелся слух о том, что к той победе виконт де Леваль, как полководец, не имеет никакого отношения.

На самом деле, тем пешим войском командовал молодой маркграф де Валье. Стоит ли говорить, что после этого слуха дворец герцогини дю Белле в одночасье стал чуть ли не самым популярным в городе. Сама Жанна была слегка шокирована тем, что ее племянник, отправившийся в поход с несколькими десятками воинов, каким-то совершенно чудесным образом умудрился собрать войско.

Герцогиня дю Белле, понимая, что популярность ее дома с новой вестью из Бергонии в любой момент может сползти вниз, не жалела средств и времени на организацию практически ежедневных приемов в своем дворце.

Но ее опасения и предположения оказались напрасны. С каждым новым известием с полей сражений, которые выигрывал Макс, престиж ее дома только рос. Особенно после того, как буквально на днях было объявлено о смерти от меча маркграфа де Валье магистра ордена Багряного щита Альберто ди Ланци, прозванного за свою жестокость Серым жнецом, а также о взятии войском Макса цитадели сапфировой гильдии магов и освобождении пятого легиона.

Все эти вести были подтверждены и другими дворянами, которые получали сообщения почтовыми птицами из своих собственных источников.

Так что герцогине дю Белле было отчего светиться. Совершенно неожиданно ее и без того популярный и любимый простыми вестонцами племянник обзавелся собственной армией. А с такой силой теперь нужно было считаться всем. Даже королю, власть которого из-за болезни и без того пошатнулась.

— Мадам! — герцогиню отвлек от приятных мыслей дребезжащий старческий голос. — Вы великолепны! Время над вами не властно!

Жанна обернулась и, ослепительно улыбаясь, слегка склонила голову.

«А вот ты, старый сморчок, уже в полушаге от бездны», — злорадно подумала она, глядя прямо в выцветшие от старости глаза графа де Ронди.

Дом де Ронди, древний и некогда могущественный, сейчас переживал не самые лучшие времена, но несмотря на это, только сегодня их патриарх граф де Ронди согласился принять приглашение герцогини. А ведь еще совсем недавно все ее попытки снова сблизиться с этим родом разбивались о холодное, отчужденное безразличие и пренебрежение. Все знали, что граф де Ронди — человек чести. Жанна очень хорошо понимала, чего стоило этому старому сморчку перебороть свою гордыню и прийти в ее дом. Да еще и привезти с собой своих детей и внуков.

Острый и оценивающий взгляд герцогини скользнул по лицам де Ронди и остановился на миловидном личике черноволосой виконтессы. Младшей внучке старого графа.

Та замерла в глубоком реверансе, застенчиво улыбаясь и кротко опустив глаза.

Жанна слегка прищурилась и внутренне усмехнулась.

«Ну-ну, деточка... Теперь тебе и твоим родичам придется очень сильно постараться. Ха! Еще недавно твой дед знать нас не желал, а теперь пытается пристроить тебя за бастарда!»

Вслух же герцогиня произнесла:

— Благодарю вас, дорогой граф! Мне приятна похвала от такого галантного кавалера. Особенно в свете того, что о вас мне когда-то рассказывала моя покойная матушка.

Герцогиня веселым взглядом обвела близких графа де Ронди и, театрально понизив голос, произнесла:

— А вы знали, дорогие мои, что ваш уважаемый дедушка в молодости разбил не одно девичье сердце? Особенно когда был послом при дворе прежнего астландского короля. В те времена ходили слухи, что тогда еще молодой граф де Ронди стал объектом внимания самой королевы Софии, матери прежнего короля Астландии.

Близкие старого графа учтиво заулыбались, а его внуки здорово оживились. Видимо, они впервые услышали о подвигах своего деда.

— Ну что вы, ваша светлость, — всплеснул руками граф. — Совсем засмущали старика.

Пока герцогиня отвечала на посыпавшийся на нее град вопросов от его внуков о героическом прошлом их деда, сам граф задумчиво посмотрел в сторону.

Жанна дю Белле краем глаза проследила за его взглядом и

хмыкнула про себя. Старый ловелас. Одной ногой уже в могиле, а всё туда же.

Дело в том, что объектом внимания графа де Ронди стала белокурая девушка с бирюзовыми глазами в элегантном платье цветов маркграфа де Валье. Ее тонкую длинную шею украшало великолепное изумрудное кольцо, а в ушах блестели изящные серьги.

Герцогиня невольно тоже залюбовалась прямой осанкой и грацией этой девушки. И про себя грустно вздохнула... А ведь у племянника действительно отличный вкус. Девчонка, которую ей и Валери стоило труда уговорить прийти на этот прием, произвела своим появлением настоящий фурор.

Даже жаль... Если бы не ее происхождение, они с Максом могли бы стать прекрасной парой. Но, увы, у девчонки кроме красоты и прекрасного образования за душой не было ни обола. А племяннику нужен союз с сильным и богатым родом.

Тем временем родственники графа оставили их с герцогиней наедине, и Жанна негромко произнесла:

— Вижу, вам понравилась та девушка?

Граф вздрогнул и быстро заморгал. Было видно, что он слегка смущен.

— Настоящий бриллиант, — восхищенно произнес он. — Кто она? Из какого она рода?

— Вы не поверите, дорогой граф, — покачала головой герцогиня. — Эта девушка не благородных кровей. Ее родители — из купеческого сословия. Она является дальней родственницей моему племяннику, а также Паскалю Леграну.

— Это тот, который из Золотой сотни? — заинтересованно спросил старик.

— Верно, — кивнула герцогиня. — Только не стоит обольщаться. Пусть они и родственники, но к его богатствам она не имеет никакого отношения. Девушку приютил в своем замке ее кузен, мой племянник маркграф де Валье. Он же и является ее опекуном.

— Понимаю, — задумчиво проговорил граф. — И вы правы, ваша светлость. Трудно поверить, что это прелестное дитя не благородных кровей. Она явно знает, как себя вести в высшем обществе.

— О! — произнесла герцогиня. — Верена — очень способная девушка. Она образована и умна. Такая, как она, станет

прекрасной женой какому-нибудь барону. Мой племянник — обеспеченный человек и даст за нее хорошее приданое.

Сейчас герцогиня импровизировала. Ни о чем таком они с Максом никогда не говорили. Жанна действовала сейчас на свой страх и риск. Идея найти знатного супруга Верене пришла ей в голову, когда Валери снова поделилась с ней своими мыслями о тайном увлечении девчонки. Похоже, Верена была по уши влюблена в Макса. Хотя и старалась держать свои чувства при себе. В будущем это могло стать проблемой и помешать планам герцогини. Пусть племянник ни разу не заикался о женитьбе, но на то и существуют старшие женщины рода, чтобы решать такие важные вопросы.

— Вы сказали — Верена? — на мгновение оживился старый граф, но тут же взял себя в руки.

— Да, так ее зовут, — кивнула герцогиня, при этом не придав особого значения странному поведению графа. — Верена Маршан.

— Что ж, ваша светлость, — произнес старик, выныривая из своих мыслей. — Благодарю вас за любопытный рассказ.

И, усмехнувшись, добавил:

— А еще благодарю вас за то, что напомнили о моей молодости в присутствии внуков. Теперь они мне дома прохода не дадут. Хотя бы так обратят на старика внимание. Хе-хе...

Они вежливо раскланялись и разошлись. Герцогиня двинулась к выходу. Лакей сообщил, что прибыл ее брат с семьей, который напросился на этот прием и которому она не смогла отказать.

Ну, а старый граф де Ронди, медленно ковыляя, направился к одному из кресел, что стояло в дальнем углу. Там на некоторое время он задремал.

Видя, что старый граф мирно посапывает, слегка приобняв свою трость, все оставили его в покое. Именно поэтому никто не заметил, как спустя примерно три часа он поднялся и вышел из зала следом за белокурой девушкой, что выскользнула подышать свежим воздухом в саду герцогини.

Эрувиль. Новая столица. Дворец герцогини дю Белле.

Генрих де Грамон сидел сейчас в одиночестве в садовой беседке и хмуро разглядывал окна дворца своей родной сестры,

в которых мелькали фигурки танцующих людей. Периодически он прикладывался к бокалу с бренди и тяжело вздыхал.

Где-то там внутри танцевали и его дети, которые вместе со своей матерью еще две недели назад устроили настоящий штурм, вынуждая его обратиться к Жанне, чтобы та пригласила их всех на один из своих приемов, которые, благодаря этому ублюдку Ренару, стали самыми популярными в столице.

Сестра неожиданно легко согласилась и выслала ему официальные приглашения и короткое письмо, в котором сообщила, что делает это ради будущего его детей.

Генрих подозревал, что стал жертвой сговора Жанны и его жены, но безропотно сделал все, чтобы его семья вышла в свет. Впервые за долгое время после того позора, что они все пережили.

Пусть в столице уже давно не были слышны песенки об «Анри-креветке», Генрих все еще опасался появляться на балах и приемах. Он был готов сегодня ловить на себе насмешливые взгляды, но, к его удивлению и к великой радости его семьи, люди были сейчас увлечены новостями о войне в Бергонии.

Он и сам каждый день ждал вестей с войны, ведь благодаря милости, оказанной ему герцогом де Бофремоном, оба его сына сейчас находились в свите его высочества принца Филиппа.

Скольких трудов и, главное, денег стоила Генриху эта самая «милость» герцога вспоминать не хотелось. Если бы не помощь Паскаля Леграна, ничего бы не вышло. Казалось, что кошелек купца не имеет дна.

Генриху очень повезло приобрести такого союзника, как Легран. Пусть они были из разных миров, но их связывала ненависть к этому ублюдку Ренару, который оказался очень непростым противником.

Даже находясь на войне, он каким-то образом умудрялся противостоять им обоим. Все шпионы, которых они пытались внедрить в Лисью нору, спустя некоторое время исчезали. Дружинников и лакеев Макса подкупить тоже не получалось.

Попытка устроить ночное нападение «грабителей» тоже провалилась. Выжившие наемники, которым удалось сбежать, испуганно заикаясь, рассказывали какие-то небылицы о злых духах, что охраняют замок.

Примерно то же самое повторилось в торговом квартале, где Макс выкупил много ветхих зданий и устроил там грандиозную

стройку. Внедрить шпионов туда тоже не удалось. Управляющий Макса каким-то образом умудрялся вычислять чужих лазутчиков и их просто увольняли без объяснений.

Нападения и поджоги тоже не сработали. Люди, подрядившиеся на это дело, ошарашенно говорили, что просто не смогли высечь ни одной искры. Будто то место было заговоренным.

Но кое-что им все-таки удалось сделать. Через своих прикормленных людей Паскаль Легран подал несколько жалоб в магистрат, в которых уважаемые жалобщики сообщали о множественных нарушениях норм и стандартов при строительстве в торговом квартале и требовали разобраться с этими правонарушениями.

Чиновники из магистрата, получившие взятки, пообещали принять меры и направить проверяющую комиссию в квартал.

Кроме того, Паскалю удалось сорвать поставки строительных материалов и настроить поставщиков против Макса. Правда, управляющий этого ублюдка оказался очень изворотливым малым. И нашел новых поставщиков.

На днях Генрих встречался с судьей, который пообещал ему внимательно рассмотреть иск графа о незаконном присвоении замка «Лисья нора» Максимилианом Ренаром. Стряпчий, нанятый Леграном, посоветовал не упоминать в иске о том, что этот шевалье Ренар и маркграф де Валье — одно и тоже лицо.

Несмотря на то, что уже было сделано немало, все попытки навредить бастарду казались мелкими комариными укусами. Особенно на фоне того, что сейчас происходило в Бергонии.

Ведь новости оттуда были одна другой хуже. Ублюдку его непутевого братца каким-то образом удалось собрать под своим знаменем целую армию.

Генрих ежедневно молился всем богам, чтобы те отвернулись от Ренара и чтобы тот нашел свою смерть на поле боя. Страшно представить, что произойдет, если тот вернется в столицу, да еще и притащит за собой свое войско. Впервые за все время Генрих осознал, что он бессилен против этого монстра.

Неожиданно невеселые размышления графа де Грамона были прерваны появлением белокурой девушки, которая остановилась возле фонтана в десяти шагах от беседки, где сидел Генрих.

Девушка огляделась, но не заметила затаившегося в темноте графа.

Генрих узнал ее. Это кухня Макса, о которой Паскаль Легран никогда не слышал и подтверждение о существовании которой они ждали со дня на день. Подтвердится ли это родство или нет — граф был полностью уверен, что эта девчонка делит постель с бастардом.

Поняв, что она сейчас одна, девушка приглушенно выдохнула и закрыла лицо ладонями. Генрих заметил, как начали вздрагивать ее маленькие плечи. Он нахмурился. Кажется, подстилка Ренара плачет.

Спустя несколько минут возле фонтана появилось новое действующее лицо и граф, криво усмехнувшись, покачал головой. Медленно приблизившегося к девушке мужчину Генрих сразу узнал. Это граф де Ронди. И откуда силы берутся? И самое главное — молоденькую ему подавай.

В следующее мгновение произошло то, чего граф де Грамон никак не ожидал. Слова старого графа де Ронди заставили Генриха вздрогнуть и стереть с лица ухмылку.

— Ваше высочество, вас кто-то обидел? — произнес старик на астландском, глубоко поклонившись девушке, которая вздрогнула и, приглушенно пискнув, отскочила в сторону от неожиданности.

— Ох, простите глупого старика, ваше высочество, — поспешил извиниться граф де Ронди. — Я напугал вас.

— К-к-кто вы? — спросила на астландском девушка. — С кем имею честь?

Челюсть Генриха поползла вниз. Он слышал, что девчонка образована, но не подозревал, что настолько. Ее астландский был безупречен. Но главное не это... Почему она сразу же не опровергла слова графа и не поправила его?! Неужели...

— Ох, — граф де Ронди снова всплеснул руками и поклонился: — Простите мне мои манеры, ваше высочество. Я граф де Ронди. К вашим услугам...

Словно прочитав мысли Генриха, девушка поспешила ответить графу поклоном на поклон:

— Ваше сиятельство, вам не за что просить прощения. Кроме того, вы обознались... Я не принцесса, чтобы так ко мне обращаться. Я всего лишь дочь бедного купца. Верена Маршан. К вашим услугам...

Девушка тяжело дышала, и ее голос заметно дрожал.

— Ваше высочество, вам нечего бояться, — покачал головой старик. — Мы здесь одни, и я не желаю вам зла. И я скорблю вместе с вами о смерти вашей семьи... Но в то же самое время я искренне рад. Ведь вы живы!

— Ваше сиятельство, я... — обескураженно произнесла девушка.

— Вы правильно делаете, что скрываете свое имя, — продолжил старик. — При дворе нашего короля много ваших врагов. Выход в свет был очень опрометчивым шагом...

— Но как вы меня узнали? — тихо прошептала девушка, а по спине Генриха от ее слов пробежали мурашки. Он даже перестал дышать, чтобы ничего не пропустить.

— О, дитя! — грустно произнес граф де Ронди. — Вы же как две капли воды похожи на свою бабушку, королеву Софию. Я помню, как ваш отец назвал вас в ее честь. София-Верена, верно? Когда я вас увидел сегодня, то сперва подумал, что умер и снова встретился с ней только в иной жизни...

— Я видела ее портреты в молодости, — кивнула девушка.

— Именно в этом сходстве и кроется опасность для вас, ваше высочество, — тихо произнес граф. — В Эрувиле много еще таких стариков, как я, которые помнят, как выглядела первая красавица Астландии. Как вы оказались в доме маркграфа де Валье? Он удерживает вас силой? Он знает, кто вы?

— Напротив, он спас меня, — порывисто произнесла девушка. — Да, он знает и поклялся защищать меня. Я ему верю.

— Что же, если верить всему, что говорят об этом маркграфе, он, похоже, единственный в этой стране, кто способен сделать это... — задумчиво произнес граф де Ронди.

Затем он огляделся и добавил, выставя локоть:

— Нам пора возвращаться, иначе наше отсутствие заметят... Идемте...

Девушка поспешно кивнула и положила свою руку на подставленный локоть графа. Они еще о чем-то негромко переговаривались на ходу, но Генрих ничего не смог разобрать.

Сказать по правде, он услышал достаточно. Его рот растянулся в довольной улыбке. Генрих метнул полный благодарности взгляд на звездное небо. Похоже, боги наконец

услышали его мольбы. Теперь он знал, что будет делать дальше. Он уже представлял себе, как исказит гримаса гнева лицо герцога де Бофремона, когда он узнает, что прямо у него под носом живет дочь его врага. И что ненавистный бастард, скрывающий астландскую принцессу, поклялся защищать ее.

Граф залпом выпил остатки бренди и, потирая руки, направился в сторону дворца. Надо срочно выпить. Ведь сегодня он нашел способ, как уничтожить монстра. Всего-то нужно натравить на него другое чудовище, еще более страшное и сильное...

Глава 12

Результат наших переговоров со старейшинами южных кланов горцев превзошел все мои ожидания. В течение следующей недели, по мере того как наше войско продвигалось вперед, в него постепенно вливались небольшие отряды горцев. Таким образом, когда мы встали лагерем перед последним переходом, наша армия в общей сложности насчитывала чуть больше девяти тысяч бойцов.

Наблюдая за тем, как к нам присоединяются грозные воины гор, на доспехах или щитах которых уже красовались небольшие рыжие росчерки, маркиз де Гонди, а также его сопровождающие все чаще бросали на меня странные взгляды.

Представитель герцога де Бофремона, граф де Брольи первым решил прощупать почву. На марше, выбрав удобный момент, когда рядом со мной никого из дворян не было, он подъехал на своей лошади и продолжил движение рядом со мной.

— Мессир, эти отметины, — негромко начал он, кивая на одного из легионеров, на плече которого виднелся рыжий росчерк. — Вы ведь понимаете, что это очень опасные игры?

— Опасные? — приподнял бровь я. — Позвольте полюбопытствовать — для кого?

— Прежде всего для этих людей, — ответил он. — А также их семей и их кланов. Думаете, его светлость герцог де Бофремон будет мириться с присутствием еще одной политической силы в этих землях?

— Разве эта земля не принадлежит этим людям? — обвел я взглядом мерно марширующих вокруг нас воинов.

— Эти земли принадлежат бергонским дворянам, — ответил он.

— Да? — удивился я. — И где же они? Почему я не вижу их знамен?

— Вы прекрасно знаете, что многие из них пали в битвах с аталийскими легионами.

А остальные сбежали в Вестонию или соседние герцогства и отсиживаются там, ожидая, чем все закончится, чтобы потом появиться и предъявить свои права на землю. Только вслух я этого не сказал, потому что меня все равно никто не поймет. Местные аристо живут по своим законам. К слову, я теперь

тоже один из них.

— Кстати, хорошо, что вы вспомнили об аталийских легионах, — сказал я. — Вам не кажется, что, пока они не побеждены, как-то преждевременно говорить о политических силах в этих землях?

— Вы сомневаетесь в полководческом гении его светлости герцога де Бофремона? — попытался подловить меня граф де Брольи.

— Разве походом руководит его светлость? — ответил я ему вопросом на вопрос. — Мне ведь ясно дали понять, что главный военачальник — его высочество принц Филипп. Хм... При встрече я обязательно уточню у его светлости этот момент.

— Несомненно, его высочество является нашим лидером, — начал вилять граф. — Но он всегда прислушивается к словам своего дяди, который имеет богатый опыт в сражениях.

— Этот факт не может не радовать, — кивнул я, улыбаясь. — Не терпится удостовериться в талантах его светлости воочию.

— Вот увидите, враг будет разбит, — воодушевился граф. — Впрочем, доля правды в ваших словах есть. Враг силен, и нас ждет тяжелое противостояние.

Он продолжал сыпать пафосными лозунгами, при этом прославляя то герцога де Бофремона, то его племянника, а я перестал его слушать, потому что за последние дни изрядно устал от этого человека.

В назойливости он мог посоперничать с навозной мухой. Граф не переставал напоминать о нашем уговоре. Особенно был настойчив каждый раз после наших военных советов, где присутствовал маркиз де Гонди.

Пару раз я ловил себя на мысли, что готов отдать приказ Аэлире, чтобы та по-тихому его удавила, но я прекрасно понимал, что во мне в такие моменты просыпается частичка лисолюда. Тот финт с лисьим хвостом не был забыт. Приходилось в присутствии графа контролировать себя.

Впрочем, в одном он был прав. Эти игры с рыжими отметками начали перерастать во что-то более серьезное, причем происходило это без моего участия, поскольку я всячески игнорировал происходящее, стараясь не давать повода людям. Все сводилось к тому, что меня вынуждали вмешаться в этот процесс, возглавив его.

Все последние дни дворяне, приехавшие с маркизом де Гонди и впечатленные разборками с маркизом де Онжесом, которого вместе с его ближайшими соратниками я приказал посадить в тюремные камеры, что находились под цитаделью, пытались свести со мной знакомство.

Я же в свою очередь делал вид, что охотно иду на контакт. Несколько раз даже приглашал маркиза де Гонди и остальных на обеды или ужины в своем шатре. При этом внимательно слушал их разговоры, чтобы быть в курсе, чем живет окружение герцогов.

Главное, что я понял, Бергония уже поделена между сторонниками Бофремона и Гонди. Причем об этом говорилось вполне открыто. К слову, тот же Гондerville и его окрестности, согласно этим планам, оказывался в сфере влияния партии герцога де Бофремона, равно как и захваченная мной цитадель.

Я слушал этих людей, говоривших о победе над Золотым львом и разделе чужой страны, как о чем-то уже состоявшемся, и тихо недоумевал. Вся эта золотая молодежь была оторвана от реальности. Они щеголяли в парадных доспехах на дорогих скакунах, похоже, даже не подозревая о том, что их ждет впереди. Если армия, которую собрали герцоги, состоит из таких же деятелей, тогда Золотой лев сожрет их с потрохами и не подавится.

Но в свите маркиза де Гонди были люди и постарше. Явно имеющие опыт сражений. С большинством из них у меня сложились довольно доброжелательные отношения...

Мои размышления и болтовню графа де Брoльи прервало появление одного из разведчиков. Он подскакал ко мне и сообщил, что передовым отрядом обнаружено подходящее место для лагеря.

Что ж, вот и последняя точка, где наше войско передохнёт после перехода. А дальше нас ждут легионы Золотого льва...

Нортланд. Ледяной Храм. Алхимическая лаборатория.

В центре одной из комнат алхимической лаборатории Ледяного храма на специальном приспособлении, прикрепленном к потолку, висело обнаженное тело человека в довольно странном положении. Туловище находилось под небольшим углом, руки и ноги были разведены в стороны, а голова задрана

вверх.

Лицо, как и все тело человека, было обезображено мелкими порезами, которые при детальном рассмотрении складывались в какие-то неизвестные письмена и из которых сочилась густая дурно пахнущая черная жижa. Нос, а также губы и уши были отсечены, а глазницы зияли черными дырами. Но, как ни странно, этот несчастный был все еще жив, хотя и без сознания.

Вот уже неделю, проделывая на нем всякие алхимические опыты, человеку не давал умереть его мучитель. Тот как раз сейчас стоял в двух шагах от своего «испытываемого» и что-то внимательно разглядывал на его впалой груди.

Это был высокий мужчина лет тридцати с широкими плечами, безупречной осанкой и угловатым бледным лицом, которое, казалось, было высечено из мрамора.

Его темные длинные волосы сейчас были свернуты в пучок на затылке и заколоты двумя спицами, явно выкованными из теневой стали. В его глубоко посаженных двухцветных глазах, напоминавших два лилово-синих лазурита, читался неподдельный интерес. Брови, густые и выразительные, придавали его взгляду особенную пронзительность.

— В энергоструктуре истинного под номером триста шестьдесят два наблюдается небольшое смещение, — негромко продиктовал он и замолчал, продолжив созерцание только ему видимых процессов в организме испытываемого.

Его слова тут же начал записывать писарь из младших послушников Ледяного храма, стоявший чуть поодаль. Было видно, как слегка подрагивает перо в его пальцах, тщательно выводящих каждую букву. Несмотря на холод в лаборатории, на лбу у послушника выступили капельки пота. Закусив нижнюю губу, он старался не пропустить ни одного слова своего господина. Ибо тот был скор на расправу.

— Прочитай то, что уже написано, — после недолгого молчания приказал темноволосый мужчина.

Послушник проворно перебрал листы, исписанные аккуратным мелким почерком, и, отыскав нужный лист, тут же начал читать:

— Трансформация магического источника подопытного под номером триста шестьдесят...

Неожиданно его чтение было прервано громким ударом, а затем возгласом со стороны входной двери.

— Кейван! Ты здесь?!

Послушник вздрогнул и слегка вжал голову в плечи. Писарю вдруг очень захотелось прямо сейчас оказаться как можно дальше от алхимической лаборатории и от обладательницы этого звонкого голоса.

Черноволосый мужчина лишь слегка поморщился и разочарованно вздохнул. Не глядя на писаря, он коротко бросил ему:

— Вон...

Послушник, тщательно скрывая радость и облегчение, стараясь не обращать на себя внимание влетевшей в лабораторию светловолосой женщины, боком по стеночке, словно мелкий речной краб, попятился к выходу. Та, прищурившись, проводила побледневшего писаря заинтересованным взглядом, каким обычно смотрят волки на мирно пасущихся на лугу овец.

Наконец женщина, магический доспех которой был весь в грязи, а в мокрых волосах виднелись еще не растаявшие льдинки, развернулась и произнесла:

— Так и знала, что найду тебя здесь.

Темноволосый даже ухом не повел.

Уперев кулаки в бока и сверкнув двухцветными глазами, женщина брезгливо оглядела висящее тело.

— Тебе еще не надоело возиться с этими крысами?

— Зачем ты меня искала, Айсель? — спросил он, даже не взглянув в ее сторону.

— И вот так ты встречаешь свою сестру? — оскалилась она. — Которая, между прочим, последние полгода только и делала, что вылавливала истинных по дальним селениям.

Кейван обернулся. В его глазах загорелся огонек предвкушения. Так смотрит хищник, почуявший кровь.

— Для меня есть что-то интересное?

— Несколько первородных, — кивнула Айсель. — Как ты и просил... Сейчас прикажу, чтобы тащили их к тебе... Но сперва ответь на один вопрос. Ты тоже перестал ее ощущать?

— Да, — кивнул он, мгновенно поняв, о ком идет речь.

— Значит, мне не показалось... — задумчиво произнесла она и тут же громче добавила: — Тебя это не беспокоит?

Кейван пожал плечами и хмыкнул:

— А я должен закатить истерику? Тем более, что она так

делает не первый раз. Или ты уже забыла?

— Да, но так надолго она еще не обрывала нашу связь...

— Значит, она охотится и экономит силы, — снова пожал плечами Кейван и нахмурился. — Только не говори, что вернулась из-за этого?

— Не только, — покачала головой она. — Скоро сюда прибудет войско Острозубого. Надо организовать ему достойную встречу. Кроме того, мне надоело болтаться среди гор и выслеживать этих крыс. Я хочу отдохнуть и развлечься. Кстати, тот смертный, что шмыгнул в дверь... Он тебе нужен?

Айсель кроважально оскалилась, и ее еще миг назад человеческий рот трансформировался в звериную пасть, полную треугольных острых зубов, с которых по тонким губам потекла слюна.

— Можешь забрать его себе, — отмахнулся он, отвернувшись. — Все равно хотел от него избавиться. Он слишком громко дрожит и постоянно потеет. Это отвлекает.

Айсель хотела было покинуть лабораторию, но остановилась и произнесла:

— И все-таки, что будем делать, если Фрия не объявится?

— Немного подождем, — раздраженно буркнул Кейван. — Вот увидишь, она скоро даст о себе знать. Впрочем, как и всегда это делала.

— А если нет? — настойчиво спросила Айсель.

— Тогда тебе придется отправиться на юг, — произнес он. — Ты ведь этого хотела?

После его слов оскал Айсель стал еще шире, и она, развернувшись, двинулась на выход.

Бергония. Расположение аталийской армии. Шатер маршала Рикардо ди Лоренцо.

— Мессир, я хочу знать, как такое могло произойти?

Это первые слова, которые произнес герцог Фернандо ди Спинола, как только переступил порог походного шатра маршала Аталии.

Герцог, несмотря на свои преклонные годы, был еще в прекрасной форме. Под весом несомненно дорогого доспеха не сгибался и хорошо знал, с какой стороны держаться за меч.

Самый влиятельный вельможа северной Аталии прибыл в

расположение аталийской армии во главе пятитысячного войска, собранного из его вассалов и наемников из свободных княжеств.

Рикардо прекрасно понимал, зачем герцогу понадобилось трясти своей мощной и на старости лет снова взяться за меч. Его единственный сын и наследник мертв. Герцог жаждал мести.

Маршал со скорбным лицом принял убитого горем отца, но внутренне довольно потирал ладони. Этот упрямый идиот Уго ди Спинола очень удачно и главное — вовремя сложил свою буйную голову. Теперь осталось правильно распорядиться неожиданно приплывшим в его руки ресурсом. Уже только за то, что старый герцог притащил с собой длинный обоз с припасами, Лоренцо был готов его расцеловать.

— Я сам теряюсь в догадках, мессир, — пожал плечами маршал. — До меня дошли крайне противоречивые сведения. Будто бы три тысячи наших всадников, которыми командовал наш доблестный маркиз ди Спинола, были разбиты тремя тысячами вестонских пехотинцев.

— Я уже слышал об этом! — повысив голос, нахмурился герцог ди Спинола. — Это наглая ложь и грязные выдумки вестонских менестрелей. Такого просто не может быть! Где это видано, чтобы пешие побеждали рыцарей?

Маршал, не меняя обеспокоенного выражения лица, внутренне потешался над этим напыщенным болваном, сын которого был его точной копией.

«Еще как может... Твой идиот сынок умудрился проиграть битву бывшим крестьянам и висельникам».

Но вслух он с готовностью произнес:

— Полностью с вами согласен, мессир! Это просто слухи, не более. Да еще и совершенно неправдоподобные. Иначе, кому взбредет в голову верить в то, что три тысячи всадников могли проиграть битву наемным лучникам, а также двум когортам легионеров, одна из которых, кстати, была набрана из всякого отребья, приговоренного к смерти и каторге? Пф-ф... Это вымысел чистейшей воды. Наверняка войско вашего сына угодило в какую-то хитрую ловушку. Мои разведчики говорят, что за вестонцев воюют горцы. Вот в то, что это они помогли устроить подлую западню, я охотно поверю.

После слов маршала в глазах герцога ди Спинолы загорелся

огонек. Видимо, только что Рикардо озвучил вполне внятное объяснение гибели маркиза ди Спинолы и его трехтысячного отряда. Наверняка «слухи», распускаемые недоброжелателями герцога, выставляли его сына не в самом лучшем свете. Ведь это же настоящий позор — бесславно погибнуть от рук каких-то простолюдинов, да еще и бывших каторжников.

— Мессир, — проговорил старый герцог. — Мое сердце жаждет мести! Я должен покарать убийц моего сына и восстановить честь моего рода! Поэтому я готов двинуть мое войско навстречу этому сброду.

Маршал изобразил глубокую задумчивость, а сам мысленно потирал ладони.

— Хм... — после недолгого молчания, наконец, проговорил он. — Я сам отец и прекрасно понимаю ваши чувства, мессир. Поэтому готов пойти вам навстречу.

Лицо герцога ди Спинолы просияло.

— И даже усилию ваше войско одним легионом, — продолжил маршал. — Кроме того, вы — не единственный, кто изъявил желание наказать этих негодяев. Его высочество принц Адриан, которому ваш сын был лучшим другом, принял решение отомстить вестонцам и грязным горцам. Правда, сперва вам придется добить остатки войска маршала де Клермона. Но с ними вы непременно легко справитесь.

Герцог ди Спинола, расправив плечи и горделиво приподняв подбородок, коротко произнес:

— Мессир, я не забуду об этой услуге.

Они обменялись короткими поклонами, и герцог покинул шатер маршала.

— Ну, что скажешь? — хохотнул герцог и сел за стол.

Из тени в углу шатра показалась фигура Тони Наппо, его преданного слуги и секретаря.

— Ваша светлость, не перестаю восхищаться вашими талантами. Благодаря этим перестановкам, вы сможете выставить больше легионеров против армии герцогов де Гонди и де Бофремона.

— Да, — кивнул Золотой лев и мечтательно посмотрел в потолок. — И когда я их разобью, между мной и тронем Вестонии больше никого не окажется. Вряд ли Карл сможет собрать еще одно войско. Наверняка к моему приходу он уже отправится в Бездну...

Глава 13

Наша армия встала лагерем в большой излучине довольно крупной реки Мируар. Здесь нам пришлось пробыть десять дней из-за проливных дождей, которые начались на вторые сутки после нашего прибытия.

Многочисленные ручьи, которыми изобиловала эта местность, и без того делали ее болотистой, а после того, как с неба непрерывным потоком полилась вода, наше продвижение так и вовсе оказалось невозможным. Пришлось ждать, пока закончится дождь, прекратившийся только через пять дней, а потом еще столько же, пока вышедшая из берегов река снова не успокоится.

Именно на десятый день в лагерь прибыли разведчики из местных, отправившиеся вперед, чтобы проверить, в каком состоянии был имперский тракт после дождей.

Дорогу они разведали, признав ее состояние удовлетворительным, а также привели с собой троих изрядно потрепанных всадников, предводителя которых я сразу же узнал.

— Лорд Грэй, — кивнул я, тяжело спрыгнувшему со своей лошади и приблизившемуся ко мне всаднику.

Один из сильнейших страйкеров короля Вестонии был очень бледен. Под его покрасневшими глазами отчетливо виднелись темные круги. Тяжелые веки едва удерживались открытыми. Мелкие морщинки, особенно вокруг глаз и на лбу, казались более глубокими. Обветренные и потрескавшиеся губы страйкера были натянуты в нитку. Всегда ухоженная борода торчала сейчас клоками.

Лорд Грей, пока приближался ко мне, поморщился и потер руками лицо, видимо, пытаясь прогнать усталость. Судя по его состоянию и загнанному состоянию его лошадей, скакали они практически не отдыхая.

— Мессир, — кивнул он мне в ответ и указал в сторону своих спутников, одного из которых, находившегося в бессознательном состоянии, снимали с лошади мои люди:

— Мой оруженосец тяжело ранен. Я буду вам очень признателен, если окажете ему помощь. У вас ведь есть целители?

Бойцы, тащившие раненого, после моего кивка на короткое

мгновение остановились возле нас. Быстро осмотрев в истинном зрении повреждения на теле страйкера, я под удивленным взглядом лорда Грея достал из кармашка на поясе пузырек с алым эликсиром, из тех, что прошли трансформацию, и влил немного в приоткрытый рот раненого.

— Несите его в походный госпиталь, — быстро приказал я, наблюдая, как алый эликсир активно разливается по энергосистеме бойца и принимается за работу. — И передайте там, что я сейчас лично займусь им.

Взглянув на лорда Грея, который все это время со смятением в глазах молча наблюдал за моими действиями, я произнес на языке туманных островов:

— Вашему человеку повезло. Еще двое суток — и было бы поздно.

Брови лорда Грея взметнулись вверх, но он, видимо, предпочел не комментировать мои внезапно открывшиеся навыки.

Второй страйкер из группы лорда Грея тоже стоял рядом. Его облегченный вздох заставил меня обратить на него внимание. Он поднял бледное лицо к серому небу и прикрыл глаза, в уголках которых показались слезы радости, а на сухих потрескавшихся губах появилась улыбка.

Я только сейчас понял, что это женщина. Высокая, широкоплечая, с острыми чертами лица и короткостриженными рыжими волосами. Видимо, одна из тех страйкеров, что прибыла на службу к лорду Грею с Туманных островов. И она и тот второй были медиусами.

— Отдохните пока. Вас накормят, предоставят горячую воду и сухую одежду. О ваших лошадях и вещах позаботятся.

Сказав это, я раскланялся с поблагодарившими меня магами и, развернувшись, двинулся в сторону госпиталя.

После сканирования я заметил, что как у самого лорда Грея, так и у его бойцов осталось по два-три полупустых лиловых круда. По сути, той энергии хватило бы поставить магический щит, да на пару атак. Любопытно, что с ними произошло. И где, собственно, остальные?

* * *

Спустя несколько часов мы с лордом Греем сидели у меня в

шатре и пили бренди. Еще по нашему северному вояжу я помнил, что это его любимый напиток.

Сделав маленький глоток из бокала с темно-янтарной жидкостью, страйкер закрыл от удовольствия глаза и вытянул ноги поближе к походной печке, сделанной эрувильскими мастерами по моим чертежам.

— О, боги! — проговорил он, с наслаждением устраиваясь в мягком кресле. — Как же мне этого не хватало... Вот за что я вас уважаю, мессир, помимо прочего, так это за то, что вы даже воюете с комфортом.

— Одно другому не мешает, — пожал плечами я.

Наши кресла разделял небольшой столик, на котором стояла бутылка с заветным напитком и закусками.

Пока я занимался его бойцом, лорд Грей и Сесилия Блэк — так звали ту женщину — поели и, не помывшись, отключились на несколько часов. Обычному человеку наверняка понадобилось бы намного больше времени на сон, но эти двое были страйкерами. После отдыха они выглядели заметно посвежевшими.

Кстати, эта Сесилия являлась дальней кузиной второму магу, которого, как и обещал, я подлечил. Правда, насколько я успел заметить, судя по горячим поцелуям, которыми Сесилия осыпала лицо пришедшего в себя страйкера, этих двоих связывало больше, чем дальнейе родство.

Уже привычно используя отвлекающий трюк с бурными крудами, я смог спокойно усыпить бдительность паразита и оперировать алой маной из кристалла. Раны бойца, хоть и были глубокими, но, благодаря моему вмешательству и крепкому организму боевого мага, начали затягиваться.

Лорд Грей хмыкнул и, сокрушенно покачав головой, добавил:

— Буду откровенен — я до сих пор нахожусь под впечатлением. Вы прибыли в Брезмон с небольшим отрядом наемников, а теперь возглавляете целое войско. Выходит, что за эти месяцы вы сделали больше, чем вся королевская армия за последние почти два года.

— Но так и не достиг своей цели, — ответил я. — Вместо того, чтобы выполнять прямой приказ его величества и наводить порядок в моих владениях, я вынужден делать чужую работу.

Лорд Грей удивленно посмотрел на меня и, поняв, что я не шучу, снова покачал головой.

Я понимал, что он пытается подобрать подходящие слова прежде, чем перейти к сути. Поэтому я решил помочь ему:

— Вы останетесь с нами? — задал я вопрос.

На лицо страйкера тут же наползла тень.

— Нет, — решительно ответил он. — Я должен добраться до столицы и рассказать обо всем, что произошло, королю. И предупредить о грозящей его величеству опасности.

— Большинство из прибывших с маркизом де Гонди дворян не верят в то, что его величество доживет до конца этого месяца, — сказал я, внимательно наблюдая за реакцией лорда Грея. — Другими словами, скорее всего, вы прибудете в столицу к его похоронам.

Внешне страйкер был спокоен, но я видел, как он зачерпнул из своих крудов большой сгусток маны. Похоже, этот человек, несмотря на сложные взаимоотношения с королем, действительно был предан Карлу Третьему.

Пока лорд Грей не наделал глупостей, я взял со столика бутылку. Долил бренди сперва ему, а потом себе и, улыбнувшись, произнес:

— Болваны... Нашего короля не просто так прозвали Победителем! Уверен, он еще удивит всех этих идиотов... За здоровье его величества — до дна!

Я встал и в несколько глотков осушил свой бокал. Лорд Грей, ошеломленно глядя на меня, тут же последовал моему примеру.

Когда мы снова сели, я спросил:

— О чем вы хотели предупредить его величество?

— В это будет сложно поверить, — помрачнел лорд Грей. — Скажу даже больше, есть риск того, что король тоже назовет меня лжецом.

— Что же, я, слава богам, не король, — пожал плечами я. — Поэтому слушаю вас очень внимательно.

Лорд Грей пристально на меня посмотрел, а потом, видимо, решив что-то для себя, начал говорить. На то, чтобы пересказать все, что произошло с войском маршала де Клермона, у него ушло около часа.

Практически обо всем, кроме каких-то деталей я уже знал. И, конечно, кроме подробностей последней битвы аталийского

войска под предводительством принца Адриана и герцога ди Спинолы с остатками легионов маршала де Клермона.

Правда, битвой произошедшее сложно было назвать. Это было избиением. Ослабленные голодом и болезнями вестонцы ничего не смогли противопоставить аталийцам. После первой же атаки рыцарской конницы вестонцы дрогнули и побежали. Они пытались сдаваться в плен, но их никто не жалел. Похоже, принц Адриан приказал пленных не брать.

Как ни странно, маршал де Клермон был все еще жив. Хотя со слов лорда Грея он уже не приходил в сознание и напоминал своим видом живой труп.

Каково же было мое удивление, когда я узнал, что в теле герцога теплилась жизнь только благодаря моим модифицированным эликсирам, полторы дюжины бутылочек которого я преподнес в подарок графу де Левалю, который в свою очередь упрямо поил ими своего друга и сюзерена, не давая тому умереть.

Под конец лорд Грей рассказал, как получил от графа де Леваля письменный приказ — вернуться в столицу и доставить королю подробный отчет о случившемся, который маршал подписал в один из тех моментов, когда еще «выныривал» из небытия.

Страйкер поведал, что он смог прорваться только благодаря самоотверженным действиям своих оруженосцев и соратников. Правда, все они, кроме двоих, пали, выигрывая время своему командиру.

Не трудно было догадаться, кто именно проредил ряды свиты лорда Грея. Это сделал сборный отряд рыцарей сразу трех орденов.

Когда лорд Грей закончил, он посмотрел на меня. В его взгляде я видел вызов. Он был готов к тому, что я подвергну сомнению его слова.

— Что же, — потер подбородок я. — В принципе, кроме последней битвы с войском аталийского принца, об остальном рассказанном вами мне уже известно.

Лорд Грей недоуменно посмотрел на меня.

— Но как?

— Все просто, — сказал я, вставая с кресла и направляясь к своему письменному столу. — Вы — не единственные, кого пытались устранить Ледяные. Правда, у них ничего из этого не

вышло.

Сказав это, я изобразил хитрую усмешку и подмигнул лорду Грею.

Подойдя к столу, я открыл небольшой ларец и достал из него два пухлых свитка. Вернувшись, я плюхнулся в кресло и протянул оба свитка лорду Грею, который настороженно следил за моими действиями.

— Что это? — спросил он у меня нахмурившись, разглядывая тяжеленькие свитки в своих руках.

— Тот, что поменьше, это подтверждение всех ваших сведений, — спокойно сказал я, разливая по бокалам бренди. — Там подробно задокументирован допрос двоих Ледяных, которые умудрились выжить после атаки на меня. Документ подписан мной и моим оруженосцем, который является дворянином и боевым магом.

Только без упоминания о хримтурсах и ауринге. Но об этом я вслух не сказал.

— Где они? — тут же оживился лорд Грей, в его глазах я впервые увидел надежду.

— Мертвы, — коротко ответил я.

Лорд Грей снова нахмурился, но потом понимающе кивнул. Спустя мгновение он перевел взгляд на второй, более крупный свиток. Не дожидаясь его вопроса, я произнес:

— А это — подробное описание того, что произошло с нами с того момента, как мы пересекли границу с Бергонией. Как вы уже заметили, свитки не запечатаны. Вы можете ознакомиться с их содержанием.

— Но почему вы мне доверяете?

— Во-первых, потому что вы преданы его величеству, как и я. Что, кстати, на сегодняшний день не очень популярно. А во-вторых, там нет ничего секретного. Ну и в-третьих, я хотел бы, чтобы лично вы доставили эти документы его величеству. На всякий случай, у меня есть еще экземпляры, которые я вручу его величеству позднее.

— То есть, до этого вы ничего королю не отправляли? И в столице об измене Каменных рыцарей ничего не знают?

— Думаю, уже знают, но без подробностей, — ответил я. — Дело в том, что сразу после допросов я объявил об их результатах на одном из наших военных советов, на которых присутствовала представительница Янтарной гильдии. Уверен,

она сразу же отправила сообщение одной из своих почтовых птиц.

— Но зачем вы так поступили? — удивился лорд Грей.

— Если вы беспокоитесь о том, что Янтарные предупредят магистра Каменных, то не стоит. Так вышло, что ранее мне стало известно о недавней ссоре между великим магистром Гильбером де Амбрелем, главой Янтарной гильдии магов, с Фредерико де Моати, великим магистром рыцарского ордена Серой скалы. Эти двое не поделили между собой земли и теперь готовы вцепиться друг другу в горло. Думаю, король уже знает о предательстве.

О том, что глава ордена Каменных не знал о плане Фрии, я говорить не стал. Душевлов мне поведал, что Фредерико де Моати предан королю, поэтому Фрия решила найти ему замену.

Но то, что магистр Каменных на стороне короля, для меня не имело никакого значения. Он — мой враг, как и враг всем тем, кто сейчас на моей стороне.

— Ну, а если вас беспокоит то, что я решил не делать из предательства Каменных тайны... — я пожал плечами. — Что же, у меня другое мнение на этот счет. В то время как зажавшиеся религиозные фанатики сжигают на площадях невинных людей и плетут заговоры против нашего короля, их потенциальные жертвы, простые люди с оружием в руках под знаменами его величества сражаются на поле брани.

Я в упор посмотрел на лорда Грея.

— Люди должны знать истинное обличие этих святош. Кроме того, им не следовало переходить мне дорогу. Я уничтожу каждого, кто попытается навредить мне или моим людям.

Последнюю фразу я произнес спокойным тоном, но, судя по напряженному взгляду лорда Грея, он прекрасно меня понял.

— Ах да...

Я легонько хлопнул себя по лбу кончиками пальцев правой руки и, поднявшись, снова направился к столу. Там, из другого ларца я достал шесть лиловых крудов среднего размера и, вернувшись к лорду Грею, вручил ему их.

— Мессир, это же целое состояние! — воскликнул он, отводя мою руку в сторону. Но я видел, как загорелись надеждой его глаза.

Еще бы! Теперь он точно доберется до столицы.

— Я настаиваю, друг мой, — чуть мягче произнес я. — Это не для вас, а для нашего общего дела. Вы и ваши люди должны как можно скорее добраться до Эрувиля и предупредить короля. Поэтому, кроме этих кристаллов, я выделю каждому из вас по два лучших моих скакуна. А также достаточно провизии в дорогу. Еще я видел, что вашим доспехам досталось. Загляните потом в один из моих фургонов. После сражений с фанатиками у нас накопилась неплохая коллекция. Берите все, что вам понадобится в пути.

В прямом взгляде королевского страйкера я увидел благодарность. Сегодня он впервые по-новому смотрел на меня. Взяв кристаллы и спрятав их за пазуху, он протянул мне руку, и мы обменялись крепким рукопожатием.

— Благодарю вас, друг мой, — произнес он, особенно выделив слово «друг». — Вы — человек чести. Его величество обязательно узнает обо всем!

Я благодарно склонил голову и предложил снова присесть.

— А теперь, — обратился я к нему. — Прежде чем вы покинете нас, я бы хотел, чтобы вы мне подробно рассказали об армии принца Адриана.

Следующий час лорд Грей подробно рассказывал о том, с чем нам уже скоро придется столкнуться. В первую очередь он обрадовал меня тем, что против нас выступит весь цвет дворянства северной Аталии. А это — три тысячи всадников.

Когда перед битвой лорд Грей и граф де Леваль увидели знамена принца Адриана, герцога ди Спинолы, а также знамена почти всех его вассалов, сперва недоумевали, зачем против них послали такую огромную армию. Но после того, как лорд Грей, расспросив наших бойцов, узнал о разгроме сына герцога ди Спинолы, все встало на свои места. Они здесь, чтобы отомстить за смерть маркиза ди Спинолы и других дворян из его свиты.

Помимо трех тысяч всадников, к армии аталийцев примкнули пять сотен арбалетчиков и полторы тысячи копейщиков из свободных княжеств. Добавить к этому еще один легион аталийцев — и получалось, что по численности наши армии практически равны.

Когда лорд Грей удалился, я еще долго стоял над картой, размышляя над тем, как нам поступить. Постепенно разрозненные мысли соединялись в подобие черного плана, и

когда в моей голове общая картинка, наконец, сложилась, я позвал Гуннара.

Как только его светловолосая шевелюра показалась в проеме, я произнес:

— Найди Лео и сообщи ему, чтобы срочно собирал всех на совет.

— Я так понимаю, все они разделят с вами ужин? — понятливо произнес он.

— И завтрак, скорее всего, тоже, — подтвердил я его предположения. — Этой ночью у нас будет много работы...

Глава 14

Несмотря на то что я предлагал позаботиться о раненом, уезжать без своего бойца лорд Грей наотрез отказался, поэтому им пришлось остаться в лагере еще на некоторое время.

Пусть он мне об этом и не говорил, но я прекрасно понимал причину его упорства в этом вопросе. За эти дни лорд Грей уже успел осмотреться и оценить боеспособность нашего войска. И, судя по его скептическим взглядам на наши приготовления, он не верил в нашу победу над аталийским войском, которое двигалось в эту сторону и со дня на день должно было выйти на наши позиции.

Все-таки здесь верили в силу кавалерии, которой у нас практически не было. Не считая, конечно, трех сотен всадников виконта де Шатильона, включая дворян из свиты маркиза де Гонди.

Убеждать лорда Грея я не собирался. Время нас рассудит. Прежде всего для меня был важен боевой дух нашего войска. А он, к удивлению лорда Грея, был на высоте.

Бойцы, согласно разработанному нами плану, готовились к столкновению с вражеской конницей с особым воодушевлением, тем более что, в отличие от прошлого раза, времени на подготовку у нас было значительно больше.

Воодушевление же объяснялось тем, что легионеры капитана Кронера и «Отчаянные» Гастона Лафора уже успели похвастаться богатыми трофеями, которыми им удалось разжиться после сражения с войском маркиза ди Спинолы, причем понеся при этом минимальные потери.

В том, что нам и в этот раз тоже удастся победить тяжелую рыцарскую конницу, никто из них не сомневался. Вайра, постоянно державшая нос по ветру, докладывала мне, что все солдаты верят в то, что я снова что-то придумаю.

В общем, после всех этих рассказов в нашем войске царило деловое оживление, ведь если с сынка герцога и его сопровождающих смогли поиметь столько богатой добычи, то что уж говорить о его папаше, который притащил с собой всех своих вассалов, и это не считая аталийского принца и его свиты.

Почти все поддержали мои предложения на военном совете, кроме, разве что, маркиза де Гонди и его спутников. Впервые за

всё время я разрешил им высказать свои соображения.

Как и ожидалось, все дворяне почти в один голос начали утверждать, что мое пешее войско обречено и что три сотни всадников нас не спасут. Мне и моим командирам, которые в тот момент понимающе переглядывались между собой и обменивались многозначительными ухмылками, рекомендовали сняться с места и как можно скорее двинуться вперед на соединение с войском герцогов де Гонди и де Бофремона.

На вопрос Гастона Лафора, каким образом тогда нашему войску разминуться с армией принца Адриана, один из прихлебателей маркиза де Гонди предложил пожертвовать несколькими когортами горцев, которые, вступив в бой с неприятелем, исполнили бы роль заслона, давая время уйти основному войску.

Судя по тому, как дружно закивало большинство присутствующих дворян из свиты маркиза, включая и его самого, все они одобряли озвученное предложение.

После моего разрешающего кивка капитан Кронер спокойно и не повышая голоса рассказал все, что он думает об этой идиотской идее и подробно расписал, чем для нашего войска закончилась бы эта авантюра. На молодого дворянина, высказавшего идею бегства под прикрытием горцев, было жалко смотреть. Хотя, нет, вру. Абсолютно не жалко. Таких как он надо держать подальше от командования.

В итоге, после согласования всех деталей плана началась подготовка. Перед нашими позициями рылись глубокие канавы, которые после соединения с ручьями заполнялись водой, там же вкапывались в землю острозаточенные колья и сбивались деревянные щиты для прикрытия стрелков.

Капитан Кронер сетовал, что с нами нет мэтра Шамо и его отряда баллистариев, но я предпочел оставить нашу артиллерию на стенах шато Гардьен. Там от них будет больше пользы.

Там же осталось три сотни мертонцев и когорты копейщиков, сформированная из бойцов северных кланов горцев, большая часть которых участвовала в том памятном ритуале.

Цитадель на время превратилась в нашу перевалочную базу, где сейчас работало около двух сотен местных трудяг,

восстанавливая ворота и стены, подвергшиеся разрушению во время нашего штурма.

В общем, работа в нашем лагере кипела и за ней мрачно наблюдал лорд Грей, ожидая улучшений состояния его бойца.

За последние двое суток, благодаря моему лечению, а также крепкому организму страйкера, его здоровье существенно улучшалось. Все-таки регенерация боевых магов значительно отличается от той, что есть у обычных людей, хотя и уступает регенерации тех же вервольфов.

Уже на вторые сутки мой временный пациент, хоть и неуверенно, но встал на ноги и тут же изъявил желание продолжить путь. Но увидев наши с лордом Греем лица, мгновенно сник.

Когда мы вышли из шатра, лорд Грей сквозь зубы зло выругался и бросил короткий взгляд на Сесилию Блэк, которая после моего разрешения нырнула в шатер к своему кузену.

Расшифровать мимолётный взгляд лорда Грея для меня не составило труда. Он терял время, и это его бесило, но оставить этих двоих здесь тоже не мог. Он и так уже потерял всех своих страйкеров. Кроме того, добраться до столицы втроем у них было больше шансов.

Наблюдая за сильнейшим страйкером Карла Третьего, я задумался. И мысли мои были вот о чем... Сейчас лорд Грей и так уже многим мне обязан. Даже назвал меня другом. И пусть это всего лишь слова, но неприятия к себе с его стороны я не чувствовал. Скорее, наоборот.

Что же касается меня... Иметь в союзниках обязанного мне аванта такой силы и с такими связями, как у него, дорогого стоит. Поэтому у меня возникла мысль расположить его к себе еще сильнее...

— Мессир, можете не беспокоиться о своем бойце, — успокаивающе произнес я, тем временем взвешивая все за и против моей идеи. — Ему больше ничего не угрожает. Он стремительно идет на поправку.

— Благодарю вас, мессир, — поклонился он мне. — Я в долгу перед вами.

— Ну что вы, — улыбнулся я. — Как я уже говорил — мы делаем одно дело. Кроме того, какие долги могут быть между друзьями?

Лорд Грей снова склонил голову, а потом с надеждой в

голосе спросил:

— Как вы думаете, когда Грегори сможет снова продолжить путь?

— Обещаю, что через неделю я полностью поставлю его на ноги.

На самом деле с такой регенерацией страйкеру хватило бы и двух-трех дней, но об этом я промолчал.

Услышав мой ответ, лорд Грей негромко втянул воздух через нос, видимо, изо всех сил стараясь не показывать разочарования.

— А раньше никак? — спросил он. — Может быть, у вас есть какие-то более концентрированные зелья? Подобные тем, что вы дали графу де Левалю?

— Я сейчас ими лечу вашего бойца, — пожал плечами я. — Кроме того, я намерен дать вам с собой несколько дюжин пузырьков с этим эликсиром для короля. Судя по симптомам, которые вы мне описали, ранение маршала де Клермона очень напоминает мне рану его величества. Раз уж герцог протянул на этом зелье так долго без поддержки целителей...

— Да-да! — оживился лорд Грей, и его глаза загорелись. — Это прекрасная идея! — И тут же горячо добавил: — Жаль, что вы сейчас находитесь здесь, а не рядом с королем. Я наблюдал за вами... Эти хваленые королевские целители вам даже в подметки не годятся! Я помню, в каком состоянии был Грегори, когда мы к вам приехали... Прошло всего двое суток, а он уже встал на ноги!

На некоторое время он замолчал, пристально глядя мне в глаза, а потом продолжил, положив руку на мое плечо:

— Максимилиан, вы ведь понимаете, что сейчас нет ничего важнее жизни короля? Даже эта битва, которая вас ждет, менее важна, чем его жизнь. Если его величество умрет, в вашей победе не будет смысла. Хотя, положив руку на сердце, мне мало верится в то, что вы сможете победить войско принца Адриана.

— Эдуард, — оглядевшись, тихо произнес я и сокрушенно покачал головой. — Я видел рану его величества. Думаете, будь у меня хотя бы мизерный шанс, я бы не помог ему? Это магия смерти, которую притащили к нам Ледяные. Против нее я бессилен.

Высказывание лорда Грея о предстоящей битве и наших шансах в ней победить я решил проигнорировать.

Он после моих слов был мрачнее тучи. Я же тем временем посмотрел на шатер, где лежал страйкер, и задумчиво произнес:

— А вот сделать так, чтобы ваш человек смог отправиться в путь уже завтра я бы мог попытаться. Правда, вам придется вести его на повозке, но даю вам гарантию, он не умрет по дороге.

Лорд Грей мгновенно встрепенулся, заглатывая мою наживку.

— Как? — в его голосе слышалось удивление. — Но вы же говорили...

— Да, — мягко перебивая его, сказал я. — Говорил, и от своих слов не отказываюсь... Но речь шла о стандартном лечении. Я же сейчас имею в виду кое-что другое.

Лорд Грей весь подобрался. Непонимание, надежду, удивление — вот, что я увидел сейчас в его глазах.

— О чем вы сейчас говорите?

Я мысленно усмехнулся. О своих новых навыках, конечно... Дело в том, что за время наших с льюнари медитативных сеансов мой арсенал магических плетений пополнился еще одним заклинанием. Однако к магии хаоса оно не имело отношения.

После анализа воспоминаний мальчишки-лисолюда я уже знал, что кроме хаоситов в магической школе, в которой он учился, преподавали мастера и других магических направлений. Например, маги жизни.

И пусть пацан был хаоситом, но в рамках их модели магического образования, теорию по другим направлениям он должен был тоже знать. Правда, мой двойник, как и все подростки в его возрасте, считал, что зубрежка бесполезных для него законов магии жизни или магии земли абсолютно бессмысленное занятие. Поэтому теорию он учил спустя рукава и экзамен по этому предмету сдал только со второго раза, да и то лишь потому, что преподаватель сжалился над ним.

Так или иначе, но кое-какие знания по магии жизни из его памяти мы с льюнари смогли выудить. Плетение Малого лечения было более сложным, чем Щит хаоса, но благодаря художественному дару, доставшемуся мне от Макса, я без труда смог его воспроизвести.

Как и ожидалось, плетение заполнялось только магией

жизни, и, к моему облегчению, энергия из алых крудов для этого дела прекрасно подошла.

Далее мы приступили к испытаниям. Первой моей пациенткой стала пегая кобыла, поранившая заднюю ногу. Лорин обычно сам справлялся с такими травмами, но в этот раз без лишних слов любезно предоставил мне испытующую.

Эксперимент, к нашей общей радости, прошел удачно. Плетение без проблем встроилось в энергосистему лошади и активировало процессы исцеления. Действие заклинания чем-то напоминало мне некую автономную программу, которая функционировала до определённого момента, пока мана, влитая в плетение, полностью не растворялась в энергосистеме пациента.

Конечно, мои обычные манипуляции с маной были намного эффективнее, но все потому, что я был видящим. Зато заклинание Малого лечения могло действовать самостоятельно от десяти часов до двух суток. Все зависело от количества маны. Что же касается зелий, то их эффективность, даже прошедших модификацию, по сравнению с заклинанием была значительно ниже.

В итоге, после той лошади у меня было еще несколько десятков четвероногих пациентов, пока я не перешел на людей, чем здорово разгрузил работу нашего полевого госпиталя. Правда, для всех, кроме посвященных, это было лечение эликсирами.

— Следуйте за мной, — произнес я и вошел в шатер, где сейчас Грегори и Сесилия о чем-то тихо разговаривали.

— Мадам, не могли бы вы ненадолго оставить нас, — обратился я к Сесилии. — Я должен провести еще один осмотр моего пациента.

Та напряженно посмотрела сперва на кузена, потом на лорда Грея и после утвердительного кивка командира вышла из шатра.

Я тем временем подошел к кровати страйкера и попросил его лечь на спину. Тот повиновался. Затем я под внимательным взглядом лорда Грея положил на лоб страйкера свою ладонь и повелительно произнес:

— Спи...

Грегори тут же мгновенно отключился. Обычно на магах такого ранга мои навыки характерника срабатывали через раз,

но в данном конкретном случае страйкер был ослаблен ранением, поэтому более уязвим моим наговорам.

— Вы — истинный, — скорее утвердительно, чем вопросительно произнес лорд Грей.

По его взгляду было видно, что и он уже давно понял, что я не из теневых магов.

Я лишь молча пожал плечами.

— Итак, что вы хотели мне продемонстрировать? — в голосе страйкера чувствовалось напряжение.

— Вот это, — произнес я и достал из кармана алый круд среднего размера.

В следующее мгновение над грудью мирно сопящего Грегори появилось темно-алое плетение, которое спустя миг растворилось в его теле. Круд в моей руке тоже превратился в бесполезную мелкую пыль.

Закрыв глаза и положив ладонь на грудь страйкера, я некоторое время наблюдал за его энергосистемой. Со стороны я был похож на обычного целителя, который пытается прочувствовать потоки маны. Светить навыводящего я не собирался.

Краем глаза я следил за бурлящей от перевозбуждения энергосистемой лорда Грея.

Наконец открыв глаза, я потер ладони и произнес:

— Через час он очнется, и вы сможете смело отправляться в путь. Везите его на повозке. Действие заклинания продлится около двух суток. Затем, думаю, он уже сможет пересест в седло. На третьи сутки можете дать ему зелье. Но не думаю, что оно ему уже понадобится.

Сказав это, я обернулся. Лорд Грей, до этого ошарашенно следивший за происходящим, под моим взглядом внезапно вздрогнул и охрипшим голосом произнес:

— Техника Абсолюта...

То, что произошло дальше, стало для меня полной неожиданностью. Сильнейший страйкер короля Вестонии и один из могущественнейших боевых магов Мэйнленда сложил руки по швам и глубоко, почти в пояс поклонился мне:

— Благодарю вас, мастер. Для меня было честью впервые наблюдать древнее магическое искусство, считавшееся утраченным.

— Полагаю, вам не надо объяснять, что все увиденное

сегодня вами должно остаться в тайне? — спросил я ровным голосом, хотя на самом деле был взволнован поведением страйкера.

— Так и будет, — твердо произнес лорд Грей и снова поклонился. — Даю вам в этом свое слово.

* * *

— Они здесь, — дрожащим от возбуждения голосом произнес Лео.

Мой оруженосец нашел меня у реки. Я сидел на большом булыжнике, обросшем мхом и, отрешившись от шума лагеря, созерцал открывшийся мне пейзаж.

На противоположном берегу реки начинался густой лес, тянувшийся до самых гор, верхушки которых были покрыты снегом.

Бергония напоминала мне одну небольшую горную страну из моего родного мира, куда мы с Таис ездили праздновать новый год. Красивые маленькие городки, чистенькие и ухоженные дома, вкусная уличная еда, снег и лыжи, посиделки с вином возле жаркого камина — в такие моменты я был по-настоящему счастлив. Жаль, что они длились недолго. Прямо как сейчас...

Со дня отъезда лорда Грея и его оруженосцев прошло три дня. Произошедшее в шатре мы с ним не обсуждали. Сборы у них заняли несколько часов, в течение которых мы успели перебраться лишь несколькими фразами, касающимися их путешествия. Но мне запомнился взгляд лорда Грея, когда мы прощались. Я тогда отчетливо понял, что не зря приоткрыл ему свою тайну. На одного могущественного союзника у меня стало больше.

А его очередной молчаливый и глубокий поклон мне застал врасплох как его оруженосцев, так и дворян, прибывших проститься с ним. После его отъезда аристо из окружения маркиза де Гонди еще долго поглядывали на меня с недоумением...

Я молча поднялся с булыжника и, бросив тоскливый взгляд в сторону далеких гор, двинулся в направлении наших защитных сооружений.

Там уже собрались все мои командиры, которые живо

обсуждали появившееся на противоположной стороне широкого поля войско принца Адриана.

От обилия разноцветных нарядов, знамен и перьев рябило в глазах. Даже здесь ощущалась легкая дрожь земли от ударов тысяч копыт. В отличие от маркиза ди Спинолы, его отец в атаку лететь сломя голову не спешил. Всадники явно ждали, когда на место прибудет вся пехота.

— Смотрите! — крикнул кто-то самый глазастый.

От общей массы войска отделилась группа из двух всадников и неспешно поскакала в нашу сторону. Судя по доспехам — это были простые воины.

— У них белый флаг! — крикнул тот же голос.

Взгляды всех командиров скрестились на мне.

— Узнайте, что им надо, — сказал я, и спустя минуту в сторону неприятеля поскакали двое бойцов из отряда виконта де Шатильона. Над их головами тоже развивался белый флаг.

Разговор между ними получился коротким, и спустя несколько минут один из наших всадников сообщил, что принц Адриан и герцог ди Спинола через час приглашают нас на переговоры.

— Раз приглашают, значит, поедem, — произнес я и двинулся в сторону своего шатра. Надо было подготовиться к встрече.

Глава 15

От обилия разноцветных знамен, под которыми прибыла делегация аталийцев, пестрило в глазах. Многие гербы на них, как, например, черный грифон на красном фоне, принадлежащий герцогу ди Спиноле, мне уже были знакомы еще по прежней битве с аталийской рыцарской конницей.

Все трофейные штандарты, доспехи, а также личные вещи павших в том сражении дворян, по крайней мере, те, что удалось найти на поле боя и в брошенном обозе, сейчас тщательно очищенные от грязи и аккуратно упакованные хранились в цитадели.

Наблюдая за хмурыми физиономиями аталийских вельмож, явно прибывших в Бергонию, чтобы отомстить за смерти своих отпрысков, я мысленно подсчитывал примерную сумму, которую мне бы удалось стясти с них в качестве выкупа за все ценные предметы с геральдическими символами их высших домов. Только вот вряд ли они будут со мной сейчас об этом говорить. Эти ребята настроены вернуть все свое силой, а не позорно выкупать за золото.

Когда внушительная делегация аталийцев оказалась в центре будущего поля боя, я уже смог более подробней разглядеть их знамена. На их фоне особенно выделялось алое полотнище с вышитыми на нем тремя золотыми лилиями, над которыми красовалась корона наследника аталийского престола. Личное знамя принца Адриана.

Маркиз де Гонди, а также все его сопровождающие, согласно нашим договоренностям с представителями герцогов, тоже отправились со мной на переговоры, так что наша делегация по количеству разноцветных стягов не уступала аталийцам.

Было забавно наблюдать за возней графов де Брольи и де Лоррена, пытавшихся выпятить знамена своих хозяев. Причем единственный знаменосец со стягом принца Филиппа почему-то постоянно оказывался на заднем фоне.

Весь этот спектакль ярко иллюстрировал, каким будет правление старшего сына Карла Третьего, если он все-таки станет королем. Правда, вместе с тем у него, в отличие от его братьев, было больше шансов усидеть на троне и при этом прожить до старости. Слабая и безвольная марионетка в качестве короля устраивала и его дядюшку герцога де

Бофремона и его будущего тестя герцога де Гонди.

Мы с нашими знаменами в стороне тоже не остались. Перед нашей делегацией по моему приказу скакали сразу три знаменосца со стягами короля Вестонии и его легионов.

О, надо было видеть кислые рожи представителей герцогов де Гонди и де Бофремона. Вся их возня, по сути, оказалась бесполезной — теперь, если мы разобьем войско аталийцев, победа будет одержана под знаменем короля.

Периодически я ловил на себе взгляды графов: откровенно злой Этьена де Брольи и очень мрачный Армана де Лоррена. Я же в свою очередь делал вид, что ничего не происходит, потому как все наши договоренности я выполнил. И если у них есть какие-то претензии, пусть их выскажут мне лично.

Хех... Хотелось бы мне посмотреть на то, как тот же граф де Брольи будет требовать у меня выпустить знаменосца герцога де Бофремона перед знаменосцем Карла Третьего. Увы, но как бы мне ни был неприятен де Брольи, полным идиотом он не был.

Однако без конфликта все же не обойдется. Дело в том, что рядом с Лео, который держал древко со стягом маркграфа де Валье, по моему приказу скакал Курт фон Харт, над головой которого развевалось светло-серое полотнище с изображенным на нем черным сердцем, окруженным пламенными клинками.

Информация о том, что знамена герцога де Бофремона и гильдии Дикие сердца были замечены в одном войске, очень скоро станет известна всем заинтересованным лицам.

Я любовался побледневшей рожей графа де Брольи, когда тот заметил знамя Диких, и частичка лисолюда во мне в тот момент щурилась от удовольствия.

Зная характер герцога де Бофремона — по головке графа вряд ли погладят, да и самому герцогу придется не один раз оправдываться за этот инцидент перед своими друзьями астландцами. Это вам маленькая ответка за лисий хвост. И это только начало. То ли еще будет, господа дворяне. Правда, не сейчас, а позднее...

Когда наши кавалькады встретились, первым, как инициатор переговоров, заговорил принц Адриан. Он мне чем-то напомнил принца Генриха. Такой же темноволосый красавчик с высокомерным насмешливым взглядом и крепким телосложением. Покоритель женских сердец.

Его покрытый золотыми резными узорами и отполированный до блеска доспех сиял в лучах утреннего солнца. Здоровенный белый мистрал под ним нетерпеливо бил мощным копытом в землю.

— Маркиз! — широко улыбаясь, воскликнул принц, обращаясь к де Гонди. — Очень рад вас видеть! Как здоровье вашего батюшки? И как там поживает маркиза де Гонди? Новость о том, что она выходит замуж, разбила мне сердце!

— Приветствую вас, ваше высочество, — на щеках маркиза де Гонди появился легкий румянец. — Рад нашей встрече.

Он буквально светился от удовольствия. Его явно распирала гордость от того, что принц, проигнорировав меня как военачальника, сразу же обратился к нему. Дворяне из свиты маркиза бросали в мою сторону насмешливые и презрительные взгляды. Весь их вид как будто говорил мне, мол, смотри, деревенщина, с кем ты все это время находился рядом.

Я же наблюдал за этим спектаклем с вялым интересом. Станные люди. Уже через каких-то несколько минут наши армии сойдутся на поле боя, и этот мило улыбающийся принц с его людьми сделают все, чтобы всадить всем нам в брюхо свои клинки.

Тем временем маркиз де Гонди и принц Адриан, улыбаясь, вспоминали какой-то веселый случай на одном балу, где они оба присутствовали. В общем, эти двое были давно знакомы и виделись не единожды.

Переглянувшись со своими людьми, я криво усмехнулся. Пора вмешаться. Иначе они таким темпом перейдут на обсуждение своих совместных детских забав.

Я перевел взгляд с принца на крепкого седого старика, на кирасе которого был изображен черный грифон на красном фоне. Этот, в отличие от принца Адриана, очень внимательно разглядывал именно нас, а не свиту маркиза де Гонди. Боевые маги, охранявшие наследника престола Астландии, тоже не сводили с нас напряженных взглядов.

Я насчитал пятерку медиусов. Авантов среди них не было.

Меня на переговоры сопровождали только страйкеры. Да и я сам сейчас был облачен в мой змеиный доспех. Золотой паразит был сейчас сыт, поэтому я не боялся, что он может испортить мои доспехи.

— Полагаю, это герб дома ди Спинола? — громко обратился

я к старику, кивая на его кирасу.

Если бы сейчас здесь присутствовал Бертран, он бы наверняка схватился за сердце. Только что я нарушил с десяток норм этикета, попутно оскорбив наследника престола другого государства, перебив и проигнорировав его. Да еще и в его присутствии обратившись к человеку из его свиты. Хотя на самом деле, по сути, я сделал ровно то, что только что проделал сам принц Адриан.

Старик тем временем еще больше нахмурился и, не обращая внимания на изумленно замолчавших принца и маркиза, которые после моих слов оказались как бы в стороне, ответил скрипучим голосом:

— А вы, по-видимому, тот самый новый маркграф де Валье? Бастард графа де Грамона? Предводитель висельников и горных дикарей? Подло убивший моего сына и наследника!

— Да, ваш сын погиб, — спокойно произнес я. — Но о какой подлости идет речь? Преимущество было на его стороне, и то, что он не сумел или не пожелал им воспользоваться, это уже не какая-то выдуманная вами моя подлость, но глупость и невежество вашего сына, как военачальника. Легче всего прикрыть свою тупость и недалекость, необоснованно обвинив кого-то в подлом поступке. Вам следовало больше уделять времени образованию своего отпрыска и трижды подумать, прежде чем доверять ему руководство таким количеством людей. Ведь из-за его бездарного командования погиб не только он сам, но и почти все его войско.

О, да! Красные от ярости рожи аталийцев, их горящие ненавистью глаза, гневные выкрики — это именно то, чего я и добивался.

Ведь нас недооценивают. Нас считают сбродом, который не способен выдержать атаку тяжелой кавалерии. Нам пришлось мстить. А это значит, что они обязательно захотят завершить эту битву с разгромным счетом.

Они будут горячиться и спешить. Вследствие чего, скорее всего, будут допускать ошибки. В общем, принц своей выходкой, сам того не подозревая, только помог мне. А герцог ди Спинола лишь подбросил в этот костер дровишек.

Теперь в высшем обществе во время обсуждения произошедшего никто не обвинит меня в грубости или в недостойном дворянина поведении. Они сами напросились,

задав тон нашим переговорам. Да, для местных мало победить, надо это сделать как можно более благородней.

Кроме того, герцог только что лично подтвердил, что им было известно, кто командует нашим войском и проигнорировавший меня принц Адриан повел себя недостойно. И плевать, что он сын короля. Королей в этом мире после исчезновения древней империи часто называют первыми среди равных.

Пусть Макс и бастард, но де Грамоны — тоже очень древний род. Ну а нынешний мой титул так и вовсе практически ставит меня на одну ступень с герцогом.

— Переговоры завершены, — спокойно произнес я, игнорируя гневные выкрики аталийцев и ошарашенные взгляды вестонских вельмож.

Уже разворачивая Шторма, я громко добавил, обращаясь к своим людям:

— С каждым днем я все больше и больше разочаровываюсь в представителях королевского дома Аталии и людях, которые их окружают. По крайней мере, теперь я понимаю, почему ими командуют всякие фанатики.

Когда мы возвращались, сбоку, верхом на своем вороном пристроился Курт фон Харт. Широко улыбаясь, он произнес:

— Ваше сиятельство, если вы всегда так ведете переговоры, то мне бы хотелось почаще на них присутствовать. Великолепное зрелище! Не удивлюсь, если уже завтра таскающиеся за нами по пятам менестрели сочинят еще одну веселую балладу на эту тему.

— Нам лишь осталось дожить до завтра, чтобы услышать ее, — хмыкнул я.

Курта мои слова не смутили, как, собственно, и сопровождавших меня страйкеров, которые сейчас вполголоса с улыбками между собой обсуждали произошедшее.

Я бросил короткий взгляд назад. В небольшом отдалении за нами ехали маркиз де Гонди и его свита. Прежнего воодушевления на их лицах более не наблюдалось. Похоже, они уже поняли, что шутки кончились. Скоро начнется то, ради чего они сюда прибыли и на что меня так активно подбивали.

Когда мы вернулись в расположение нашего войска, простые бойцы тут же взяли в оборот знаменосцев, и уже через час все войско знало подробности переговоров. Я то и дело ловил на

себе веселые взгляды как моих командиров, так и простых легионеров.

Я тем временем весь последний час задумчиво смотрел на аталийское войско, которое, к моему удивлению, выглядело довольно спокойным. Не знаю, кто именно там у руля, принц или герцог, но он или они смогли меня впечатлить.

Я уж было подумал, что после моей провокации на нас тотчас хлынет трехтысячная конная лава, горя нестерпимым желанием покарать наглого бастарда и его войско висельников. Но нет, вместо безрассудной атаки, к которой у нас уже все было готово, в аталийском войске происходили четкие перестроения.

Наконец, когда они были закончены, предводитель вражеского войска снова удивил меня. Конница осталась на месте и вперед выдвинулись ровные ряды пехотинцев, поделенные на шесть баталий. Судя по вооружению и железной дисциплине, мы имеем дело с одним из легионов Золотого льва, о котором упомянул лорд Грей.

Прошагав таким образом около сотни метров, аталийские легионеры остановились, а затем послышались протяжные звуки свистков. Ряды зашевелились и вперед начали выходить бойцы с большими ростовыми щитами, вооруженные арбалетами.

А вот и знаменитые ривлийцы. Судя по добротной экипировке, услуги этих ребят стоят немало.

Мне тут рассказали о них немного. Есть одно княжество на востоке материка, окруженное горными цепями и густыми лесами, называется оно — Ривлия. Гордое и независимое. Славится своими воинами, а также ремеслами.

Как это всегда бывает, чья-то самостоятельность и независимость обязательно встает кому-то поперек горла. В общем, княжество Ривлия за многие столетия отразило немало атак и смогло сохранить свою независимость.

Более того, за время постоянных войн в Ривлии сформировалось несколько сильных гильдий наемников, которые впоследствии начали участвовать в конфликтах по всему Мэйнленду. Другими словами, сперва они сами защищали свою независимость, а позднее уже нанимались к тем, против кого когда-то воевали, помогая им отбратить независимость, но уже у соседей.

Что ж, давайте посмотрим, на что вы способны. Я кивнул — и стоявший рядом со мной боец трижды дунул в боевой рог. Сразу же после этого слышались отрывистые команды десятников лучников.

Началась дуэль мертонцев и ривлийцев.

Первый залп — и в нашу сторону полетела волна арбалетных болтов. На фоне голубого неба они казались мне черными точками. Наши бойцы уже спрятались за широкими щитами, ожидая первых ударов.

Я видел напряженные лица наших воинов. Вон черноволосый кряжистый бородач прикрыл глаза и зашептал молитву или наговор. В шаге от него худой русоволосый парень поцеловал висящий на его шее оберег.

А вот мертонцы никуда не прятались. Потому что их прикрывала сидевшая за груженой камнями телегой Вайра. Когда первая волна темных болтов уже практически рухнула на стройные ряды наших лучников, эфирэль создала несколько практически незаметных смерчей, которые без труда поглотили снаряды ривлийцев. В итоге, со стороны все выглядело, как недолет.

Я усмехнулся. Один ноль в нашу пользу.

Наш ответ неприятелю не заставил себя ждать. Сразу несколько почти слитных залпов накрыли позиции озадаченных ривлийцев и аталийцев. С противоположной стороны поля слышались крики боли и проклятия.

Ривлийцы было попытались сделать еще один залп, стоя на колене и прячась за своими щитами. Но их снаряды постигла та же участь, что и предыдущие.

А вот мертонцы тем временем по команде своих командиров методично выпускали стрелу за стрелой.

Со стороны неприятеля слышались крики, и под градом наших стрел арбалетки поспешно отступили за спины легионеров. Те же, в свою очередь видя, что от собственных стрелков толку никакого, после почти слитного хора свистков, прикрываясь ростовыми щитами, двинулись в нашу сторону, при этом постепенно ускоряясь.

Вайра было начала создавать на их пути небольшие смерчи, но я тихо настойчиво произнес, зная, что она меня обязательно услышит:

— Хватит... Экономь силы... Вступишь в бой по моей

команде.

Несмотря на то, что мои фейри стали намного сильнее за последнее время, все эти мощные заклинания вытягивали прорву энергии из их источников. Так что я старался привлекать их в крайнем случае.

Кроме того, я хотел, чтобы их существование оставалось для всех тайной как можно дольше. А если и светить их магию, то только под прикрытием. Например, как сейчас, либо так, как мы сделали во время штурмов лагеря Серого жнеца или шато Гардьен.

Если Селина и Вайра относились к этому спокойно, то Игния, которая считала, что я практически не использую ее в своих планах, периодически показывала свой характер. Приходилось постоянно ее контролировать, но здесь уже ничего не поделаешь. Игния — фэйрэт, потомок могущественных огненных духов. Вспыльчивость и нетерпение — это ее нормальное состояние. Ничего, сегодня у нее будет шанс проявить себя.

Тем временем аталийские легионеры добрались до первых рядов наших укреплений. Канавы и рвы, заполненные грязной водой, стали для них сюрпризом. То тут, то там кто-то из легионеров падал или спотыкался, при этом создавая бреши в строю, куда тут же, словно дикие осы, летели стрелы гленнов.

Но легионеры, подгоняемые своими командирами, продолжали движение, и вот, наконец, до стройных рядов из заостренных кольев и наших порядков добралась первая шеренга с ростовыми щитами и длинными копьями. Дальнейшее продвижение застопорилось.

Столкновение было жестоким и беспощадным. Гулкие удары, лязг железа, крики раненых, частые щелчки арбалетов и луков, ругань командиров — все смешалось в один оглушающий смертельный вой.

Спустя некоторое время я уже понимал, что несмотря на беспощадный натиск неприятеля, дальше, чем они сейчас находились, им не продвинуться. На поле боя возникло некое равновесие. В такой ситуации любой неосторожный или непродуманный приказ командира может все испортить.

Я взглянул в ту сторону, где сейчас развивались на ветру стяги принца Адриана и герцога ди Спинолы. Все три тысячи тяжелых всадников ждали своего часа.

— Ну и почему вы медлите? — одними губами произнес я.
— Решайтесь, ваше высочество. Вы же видите, что ваша пехота не справляется.

Мои слова будто были услышаны. С противоположной стороны поля донесся протяжный вой боевого рога. За ним еще один и еще... Эту команду тут же начали дублировать своими свистками аталийские офицеры, и их легионеры начали организованно отступать.

Гулкий, с легкой хрипотцой рев рога повторился, и я увидел, как многотысячная конная лава неприятеля струнулась с места...

Глава 16

Бергония. Берег реки Мируар. Позиции войска герцога ди Спинолы.

— Тому, кто притащит мне голову бастарда, даю мешок золота!
— с горящим взором громко объявил принц Адриан за несколько мгновений до того, как конная лава аталийских тяжелых рыцарей сдвинулась с места.

Его слова тут же разлетелись по рядам всадников, и над войском взметнулся могучий радостный рев трех тысяч глоток.

Герцог ди Спинола лишь недовольно поморщился — принц и здесь умудрился ему напакостить. Теперь многие в первую очередь будут думать, как бы добраться до этого наглого бастарда графа де Грамона, чтобы получить обещанную награду.

Мешок золота, даже если он будет небольшим, это достойный риска приз, который способен существенно поправить материальное благосостояние не только бедного рыцаря, но и графа. И всем, похоже, плевать, что этот бастард — страйкер.

А ведь он не простой страйкер... Он — авант. О ранге его врага герцогу Фернандо ди Спинола поведал старший жрец ордена Багряного щита брат Энрико. Это произошло за час до того, как большой отряд Красных плащей, а также Каменных рыцарей покинул армию Золотого льва. Они отправлялись обратно в Аталию. Чтобы, как герцог ди Спинола позднее понял, зализывать раны.

Оказалось, что этот, по сути, еще мальчишка довольно серьезно проредил ряды хваленного ордена, и брат Энрико, получив приказ из Алого храма, уводил с собой около четырех когорт, чтобы совсем не оставить Багряных без армии.

Перед отъездом жрец, не вдаваясь в подробности, туманно намекнул герцогу о том, что этот новый маркграф де Валье вовсе не тот, за кого себя выдает. Что он чуть ли не демон в человеческом обличье.

Спрашивать у жреца, почему тогда он и его братья, вместо того чтобы уничтожить демона, наоборот, бегут поджав хвосты, герцог благоразумно не стал.

Не хватало еще занять могущественного врага в лице

ордена, который контролирует всю страну. Правда, неожиданно для самого себя, всегда в тайне недолюбливавший Багряных ди Спинола обрадовался поражениям этих фанатиков. Он, как опытный придворный, прекрасно понимал, что ослабление ордена позволит поднять голову другим политическим силам Аталии.

Например, прямо сейчас набирала силу партия герцога Рикардо ди Лоренцо, прозванного Золотым львом. И пусть у рода ди Спинола всегда были трения с родом ди Лоренцо, в данный момент можно было с уверенностью утверждать, что их дома в будущем могут стать союзниками. В этом ведь и есть вся соль политики — разрывать старые, отжившие союзы и заключать новые.

Осталось только отомстить за смерть сына и заняться подбором наследника из многочисленного выводка племянников — его младшие сестры, в отличие от герцогини ди Спинола, оказались довольно плодовиты.

Помимо того, что враг оказался не таким, каким себе его представлял герцог ди Спинола, исполнение плана мести здорово усложнялось присутствием в его войске принца Адриана.

Как уже понял герцог, Золотой лев просто избавился от старшего отпрыска Альфонсо V, который, видимо, за последнее время уже успел измотать тому все нервы. Так сказать, переложил проблему с больной головы на здоровую.

Принц Адриан, постоянно прикрываясь изрядно преувеличенной дружбой с его покойным Уго, без зазрения совести возложил снабжение и содержание своей немаленькой свиты на герцога. Так что Фернандо ди Спиноле, помимо собственной армии и легиона, теперь еще приходилось кормить двести бездельников прихлебателей принца, которые обходились герцогу в кругленькую сумму.

Что же касается его врага... На переговорах, которые инициировал сам герцог, Фернандо успел убедиться в правильности слов старшего жреца. Нет-нет, никакого демона в молодом маркграфе де Валье герцог не распознал. Но он увидел в нем опасного и хладнокровного убийцу. А еще — стратега. Ведь то, как он воспользовался ситуацией, о многом говорит. Благо ни герцог, ни граф ди Милато, командовавший легионом, не клюнули на его уловку.

Чего нельзя было сказать о принце, который кипел от ярости. Он призывал рыцарей ринуться в бой и растоптать сборище каторжников, а их ублюдка предводителя четвертовать и залить в его поганый рот раскаленную смолу.

Когда же первыми, вместо кавалерии, порядки неприятеля атаковали легионеры, принц уже в открытую называл герцога ди Спинолу и графа ди Милато трусами. И как ни печально было признавать, герцог стал замечать недоумение своими действиями даже в глазах его самых старых и преданных соратников. Все они были на стороне принца. Каждый из них прибыл сюда со своими вассалами, чтобы, как и ди Спинола, отомстить за своих отпрысков.

— Неужели мы позволим простолюдинам отобрать у нас нашу победу?! — громко кричал принц Андриан, проносясь на своем белом скакуне и в золотых доспехах вдоль строя всадников. Все прекрасно понимали, что он имел в виду легионеров Золотого льва. — Неужели славные и доблестные рыцари Аталии будут спокойно ждать, пока их славу заберут себе какие-то крестьяне?!

Этот клич принца стал последней каплей, переполнившей чашу терпения, и герцогу ничего не оставалось делать, как отдать приказ об атаке. Ни о каком постепенном выманивании вестонцев из-за их укреплений в чистое поле, как это заранее задумывалось, речи уже не шло.

Протяжно заревел боевой рог — и трехтысячная конная масса, следом за принцем сдвинувшись с места, постепенно начала набирать скорость.

Герцог, как главнокомандующий, в атаке не участвовал, равно как и граф ди Милато, в глаза которому Фернандо ди Спинола старался не смотреть. Он чувствовал некую вину перед командиром легиона за то, что должно было произойти дальше. Ведь всадники вряд ли разминутся с отступающими легионерами. Сегодня многие из них погибнут под копытами своих же соотечественников.

Опозорившихся ривлийцев, болты которых дважды даже не долетели до строя вестонцев, герцогу не было жаль. Фернандо еще предстояло пообщаться с их капитанами, которые выставили ему огромные счета за найм арбалетчиков, а по факту оказались абсолютно бесполезными.

С герцогом в качестве резерва оставалась сотня всадников и

двести пеших бойцов. Хотя все уже понимали, что разгром вестонцев близок, и резерв, по сути, не нужен.

Фернандо ди Спинола напряженно наблюдал за атакой их конницы. Лошади, мощные и грациозные, неслись вперед, неся на своих спинах лучших рыцарей северной Аталии.

Их доспехи сверкали на солнце, разноцветные знамена и плюмажи развевались на ветру, а земля дрожала так, словно началось землетрясение. Это захватывающее дух зрелище дарило невероятное ощущение превосходства, величия и силы.

В этот момент герцог чувствовал гордость за своих соотечественников. Казалось, что ни один противник не устоит перед такой мощью. Шум копыт и сотни победных кличей смешались в один тяжелый гул.

Прямо сейчас герцог, поддавшись эмоциям, был готов простить принца Адриана за все его выходки. Тот, словно наконечник золотого копья, стремительно летел вперед, ведя за собой стальную несокрушимую волну.

«Вперед!» — хотелось крикнуть Фернандо от переполнявших его чувств. Его руки дрожали от волнения, а сердце рвалось из груди. О, если бы не ноша предводителя, которая досталась ему, как бы он хотел быть сейчас в первых рядах! Нестись вперед с копьём наперевес. Увидеть животный ужас на лицах врагов. Ощутить удар острия копья, пробивающего чье-то тело. Вдохнуть запах крови поверженного противника.

Наконец, первые всадники достигли рядов отступающих легионеров, которые старались нырнуть в просветы между кавалеристскими баталиями.

Герцог мельком взглянул на потемневшее лицо графа ди Милато, наблюдавшего за тем, как гибнут его бойцы под копытами северных рыцарей. Благо, на проверку потерь было меньше, чем ожидал герцог ди Спинола.

Увы, но отступающие пехотинцы заметно снизили скорость несущейся конной лавы. Ситуацию ухудшили множественные канавы, заполненные грязной водой, которые, словно стаи кротов, вырыли вестонцы. Герцог, плотно сжав челюсти, наблюдал, как многие рыцари на всем скаку влетали в подлые ловушки, выпадая из седел и барахтаясь в черной жиже.

Эпичность момента мгновенно исчезла. Копыта, словно навозные жуки, воины, отчаянное ржание покалеченных лошадей, крики раненых и выдвигающиеся на

позиции лучники неприятеля — в голове герцога, словно по мановению волшебного пера, мгновенно сложилась картина того, что произойдет спустя несколько мгновений.

Однако то, что он увидел, превзошло все его ожидания. Он заметил, что лучники готовятся атаковать зажигательными стрелами. Сердце старого герцога замерло испуганным зайцем.

Широко раскрытыми глазами он наблюдал, как залп из почти двух тысяч мертонских стрел единой огненной волной обрушился на его рыцарей. Та черная жижа, которую он принял за грязь, оказалась земляным маслом, которое тут же вспыхнуло и начало, подобно исполинскому чудовищу, поглощать его воинов.

Досталось всем — и пехотинцам и всадникам. Огонь с огромной силой плотной стеной взметнулся над атакующими. Его гул, вперемешку с криками умирающих людей и животных, Фернандо будет помнить до самой смерти.

Спустя некоторое время огонь, довольно быстро потеряв силу, опал, и оцепеневший от ужаса герцог смог разглядеть сражающихся. Оказалось, что большая часть всадников все-таки успела добраться до вестонских позиций, и там сейчас кипел отчаянный бой. Правда, того сокрушающего все на своем пути удара конной лавы так и не случилось.

Неожиданно для себя Фернандо понял, что им противостоит хорошо обученная армия, а не сброд, о котором они так часто упоминали. Вестонцы были готовы к этому удару. Они выстроились плотно, выставив перед собой длинные копья, и конница столкнулась с неприступной стеной.

Герцог видел, как ряды его конницы начали распадаться, и как рыцари, осознавая невозможность пробить вестонскую оборону, начали отступать. Сердце герцога в очередной раз замерло в груди. Это не то, чего он ожидал от этой битвы.

Он заметил, как в строе вестонцев начали появляться бреши, из которых стремительными теньями выскакивали многочисленные группы очень быстрых воинов.

Когда ди Спинола услышал протяжный волчий вой, осознание пришло мгновенно. Оборотни... Десятки... Сотни... Они бросались на спины отступающих всадников и сбивали их на землю. К крикам боли, лязгу стали и лошадиному ржанию добавилось звериное рычание и многоголосое победное завывание.

Герцог потрянул головой, сбрасывая наваждение и оцепенение. Оглядел своих бойцов, оставшихся в резерве, и глухо выкрикнул:

— К бою!

Когда его всадники начали строиться в одну плотную баталию, а пешие воины, выставив перед собой стену из щитов и оцетинившись копьями, приготовились к своему последнему маршу, герцог ди Спинола услышал протяжный трубный звук боевого рога со стороны неприятеля. Ему спустя несколько мгновений ответил второй рог, только звук доносился откуда-то слева, со стороны небольшого леса.

Герцог повернул голову на новый звук и обомлел. Из деревьев начали выезжать всадники. Сотня... Две... Три... Один из стягов, развивавшихся над головами воинов, он узнал. Это было знамя виконта де Леваля. Такое же, только графское лежало сейчас с другими трофеями в одном из его фургонов в обозе, который находился в двух километрах отсюда. Там же сейчас ждали своего часа несколько пленных вестонских дворян, включая графа де Леваля, а также находившегося при смерти маршала де Клермона.

— К бою! — повторил срывающимся голосом свой приказ герцог ди Спинола, только теперь указывая на строившихся на опушке леса вестонских всадников.

Спустя несколько мгновений две конные массы разогнались и, выставив перед собой копья, с громкими криками столкнулись. Герцог ди Спинола, прикрываемый с двух сторон своими телохранителями, был в первой линии.

Прямо на него неся тяжело вооруженный рыцарь с неизвестным гербом на кирасе. Фернандо ди Спинола ощутил, как по его телу пробежала давно забытая волна предвкушения столкновения. Окружающий его мир исчез. Как и звуки. Герцог слышал только свое дыхание и стук своего сердца. Он полностью слился со своим скакуном. Они словно стали одним целым.

Мгновение... Герцог немного привстал в стремях и слегка наклонился вперед... За миг до удара Фернандо ди Спинола увидел, как неизвестный рыцарь в последний момент немного изменил положение своего щита и острие копья герцога скользнуло по стальной поверхности. Несмотря на то, что удар прошелся по касательной, вестонец качнулся, но остался в

седле.

Больше герцог ничего не увидел. Сильным ударом его вышибло из седла. Затем был чудовищный удар, видимо, о землю, после которого пришла всепоглощающая боль. Сознание покинуло герцога ди Спинолу.

Первое, что увидел Фернандо, когда открыл глаза — это чье-то смутно знакомое лицо. Разглядеть его мешали солнечные лучи, бившие прямо в глаза.

Герцог пошевелился и тут же ощутил тупую боль в груди и спине.

— Постарайтесь не двигаться, ваша светлость, — услышал он ровный голос, также показавшийся ему знакомым. К нему обращались на аталийском, но с вестонским акцентом. — У вас сломаны несколько ребер, а также правая нога и левая рука.

— Кто вы? — прохрипел герцог. — Где я?

— Я — Максимилиан де Валье, а это — мой военный лагерь. И вы, ваша светлость, с некоторых пор являетесь моим пленником.

— Его высочество? — спросил герцог, поморщившись от боли.

— О! — усмехнулся ненавистный бастард. — Принц Адриан цел и невредим. В отличие от вас и вашего войска, его высочество, можно сказать, отделался легким испугом. Он так торопился покарать меня за мою дерзость, что не заметил на своем пути канаву. В ней мы его и нашли... без сознания.

— Сколько моих воинов погибло? — глухо спросил герцог.

— Много, — ответил бастард. — Очень много.

Фернандо зло заскрипел зубами.

— Вы сами виноваты, — пожал плечами маркграф. — Ваш приказ убивать легионеров маршала де Клермона и графа де Леваля очень разозлил моих людей. Там погибло много их друзей и родичей.

— Это был ответ за гибель моего сына и его воинов, — сквозь зубы прошипел герцог.

— Война — одно из самых мерзких изобретений человека, — пожал плечами маркграф. — Что же касается вашего сына, он храбро сражался. Под ним пало несколько лошадей. Я приказал похоронить его и его соратников отдельно и со всеми почестями, которые положены дворянам.

Фернандо вздрогнул и пристально всмотрелся в лицо

маркграфа. Ему очень хотелось поверить в то, что он только что сказал.

— Кстати, надеюсь вы не обиделись на мои слова о вашем сыне на переговорах? — Маркграф хитро усмехнулся. — Вы должны понимать, что это была маленькая военная хитрость. Мне было важно вывести вас из себя. Правда, судя по атаке легионеров, вы не поддались на провокацию. Хе-хе... Вижу по вашим глазам, что я прав. Все испортил принц. Верно? Вам не повезло, что его высочество решил присоединиться к вашему войску. Он еще слишком молод и неопытен.

Герцог ди Спинола внимательно всматривался в улыбающееся лицо маркграфа. В иной ситуации, может быть, он даже посмеялся бы над его тонким юмором. Ведь сам маркграф намного младше принца Адриана. Только вот под хищным взглядом его внимательных и холодных глаз герцог чувствовал себя неудобно.

— Ладно, — вздохнул маркграф. — Довольно разговоров. Вам нужно отдохнуть.

Он попытался было уйти, но герцог остановил его.

— Мессир, — с надеждой в голосе произнес он, — где могила моего сына?

— Я потом вам все подробно объясню, ваша светлость, — ответил маркграф. — Кроме того, я готов вернуть вам все его личные вещи и доспехи, а также его знамя. За отдельный выкуп, естественно. То же касается знамен и личных вещей его соратников. Ох, и разорит же вас этот поход, ваша светлость. Чтобы покинуть меня, вам и вашим вассалам придется выплатить мне большой выкуп. Правда, все это произойдет только после подписания мирного договора между нашими королями.

— Понимаю, — произнес герцог, уже подсчитывая в уме свои убытки.

За деньгами придется обратиться в банк Багряных. Осталось только удостовериться, жив ли его герольд. Только ему под силу такая миссия.

— Мой герольд, — произнес герцог. — Барон ди Валио. Он жив?

— Не знаю, — пожал плечами маркграф. — Если вы намерены послать за деньгами вашего герольда, тогда должен заметить, что это плохая идея. По той простой причине, что

этот процесс затянется на годы, а я не намерен содержать весь ваш двор столько времени. Хе-хе... Вы меня разорите быстрее, чем я вас.

— Тогда как же вы намерены получить выкуп? — недоуменно спросил герцог.

— За деньгами отправитесь вы лично, — пожал плечами маркграф. — Только сперва поклянетесь мне вашей честью дворянина, что вернетесь с выкупом как можно скорее. А ваши люди тем временем побудут у меня в гостях.

Сказав это, марграф наклонился над герцогом и негромко, но настойчиво произнес:

— Довольно разговоров, ваша светлость, вы должны поспать...

Когда на лоб герцога легла теплая ладонь этого странного маркграфа, Фернандо ощутил сперва тепло, а потом резко померк свет...

Глава 17

— Как вы себя чувствуете, ваше высочество? — спросил я у принца Адриана, войдя в специально поставленный для него шатер, где он «гостевал» уже вторые сутки.

Ровно столько времени прошло со дня битвы на берегу реки Мируар или, как уже ее называли менестрели, кочевавшие следом за нашим войском, Битвы золотых мечей.

После сражения на поле боя было найдено более пяти сотен мечей с личными гербами аталийских дворян, которые были выгравированы по местной моде на украшенных золотом, серебром и драгоценными камнями рукоятях.

В тот день мы нанесли ужасающий урон аристократам севера Аталии. Герцогство Фернандо ди Спинолы еще не скоро восполнит эти потери...

Несколько сотен аталийских всадников после битвы успели сбежать. За ними в погоню отправились отряды вервольфов. Полагаю, надолго аталийцев не хватит.

Легионеры Золотого льва совместно с ривлийцами пытались отступить организованно, но наши люди, взбешенные вестью о расправе над выжившими легионерами маршала де Клермона, окружили их и перебили всех до последнего.

Ривлийским наемникам в этом сражении особенно не повезло. Сперва все залпы их арбалетчиков из-за действий Вайры прошли впустую. Затем их капитаны, думая, что спасают своих бойцов из-под копыт аталийской конницы, отвели их когорты на левый фланг, чем подставили всех под удар Игнии. И уже в конце тех, кто выжил, добили вестонцы и горцы.

Кстати, моя задумка с поджогом несуществующего земляного масла, якобы добытого магами из сапфировой гильдии на фронтире, сработала как надо. Масло, конечно, было, но не земляное, а обычное ламповое. И всего несколько небольших бочонков, которые я реквизирувал из запасов в цитадели.

Этого количества хватило, чтобы гленны, участвовавшие в моем спектакле, поздно вечером разлили содержимое бочонков в заранее подготовленные канавы. Причем все это они проделали неспеша и очень бережно. Ведь заранее был запущен слух, что эта жидкость очень опасная и легко воспламеняющаяся.

О том, что масло может быстро впитаться в землю, я не беспокоился. Игния легко могла вызвать стену огня и без всякого масла. Просто пришлось бы потом долго объяснять, откуда возникло это пламя.

В итоге, как только первые зажигательные стрелы гленнов упали в залитые маслом канавы, фэйрэт при поддержке воздушной магии эфирэль устроила настоящий огненный ад...

— Спустя двое суток, вы, наконец, соизволили показаться мне на глаза? — высокомерно бросил принц Адриан.

Без своего золотого доспеха, белого мистрала, оружия и драгоценностей, в одежде с чужого плеча, закутанный в шерстяной плащ наследник аталийского престола не казался уже таким блистательным и непобедимым.

Он полулежал на широкой кушетке, положив правую ногу, замотанную в белую плотную ткань на подушку, а его голова была перевязана бинтом. Ничего серьезного. При падении принц всего лишь подвернул ногу и ударился головой.

— Ваше высочество, — склонил голову я. — Мне пришлось все это время заниматься ранеными.

— Что с моими людьми? — спросил принц. — Ваш человек ничего не говорит мне.

— Гуннар всего лишь выполняет мой приказ, — ответил я. — Не судите его строго, ваше высочество. Ведь в остальном он хорошо справляется со своими обязанностями?

— Он отказывается давать мне вино! — тут же возмутился принц.

— Это тоже мой приказ, — терпеливо ответил я. — Вам сейчас нельзя пить вино. А что касается ваших людей... Большинство из них погибли. Те, кто выжил, находятся сейчас в нашем госпитале. Но их мало.

Принц пристально смотрел на меня.

— Этой победой вы навсегда опозорили себя, маркграф, — наконец, произнес он.

— Позвольте полюбопытствовать, в чем же мой позор? — удивился я.

— Вы сражались не как дворянин и рыцарь, а словно какой-то дикарь! — презрительно фыркнул принц. — Благородные люди так не воюют! Спрятались за кольями, окружив себя канавами и огненными ловушками...

— Другими словами, нам надо было позволить себя убить?

— спросил я. — Выйти в чистое поле и дожждаться, пока нас не растопчет ваша конница?

— Тогда бы вы погибли, как настоящий рыцарь! — ответил принц, похоже, совершенно не заметив сарказма в моем голосе. — Вы бы достойно встретили свою судьбу и смерть! Теперь же все высокие дома Мэйнленда узнают о вашем бесчестии.

Принц, заметив улыбку на моем лице, нахмурился.

— Почему вы улыбаетесь, мессир?

— А с чего вы взяли, что мне не плевать на то, что там обо мне узнают высокие дома Мэйнленда? — склонив голову набок, спросил я. — И, кстати, раз уж у нас такой откровенный разговор... Разве мы с вами не похожи в этом? Разве вам не плевать на то, что о вас думают или говорят?

— Мы с вами? — искренне возмущился принц. — Вы имеете наглость сравнивать себя с наследником престола? В иной ситуации только за мысль о чем-то подобном вас бы четвертовали!

— В иной ситуации — может быть, — пожал плечами я и сел в кресло напротив его кушетки. Положив ногу на ногу, я сомкнул руки в замок на колене. — Но в данный момент вы в моей власти, а не я в вашей.

— Вы готовы убить безоружного? — правая бровь Адриана изогнулась. На его аристократическом лице застыла маска презрения.

— Даже если я верну вам ваши доспехи и меч, а сам выйду против вас без оружия в одной рубашке, вы, ваше высочество, все равно умрете.

— Ах, да... — покачал головой он. — Вы же маг.

— И не вам, ваше высочество, говорить об убийствах безоружных, — проигнорировав его слова, произнёс я.

— Что вы хотите этим сказать?! — вскинулся принц, дернувшись словно от пощечины. — Вы обвиняете меня в бесчестии?

— Вас и вашего отца, — спокойно кивнул я. — Вы оба виновны в смерти сотен и тысяч детей и женщин, которых сожгли на кострах фанатики из Багряного ордена. Это произошло и происходит до сих пор при вашем попустительстве. А ведь вы даже пальцем не пошевелили, чтобы спасти этих несчастных.

— Ах, это вы сейчас об отребье из истинных... — брезгливо

скривился принц.

— Прежде всего они подданные вашего отца, а в будущем — и ваши, — оборвал я его. — Нет чести в том, чтобы истязать под пытками несчастное дитя, а потом сжечь его на потеху толпе. И после этого вы почему-то называете их рыцарями, а себя благочестивыми правителями?

Лицо принца покрылось алыми пятнами. В его глазах не было ничего, кроме ненависти.

— Вы тут упомянули о важности того, что обо мне будут думать высшие дома Мэйнленда... — тем временем невозмутимо и слегка скучающим тоном продолжал я. — А хотите узнать, что они думают о вас и вашем отце? Мне ведь довелось встречаться как с графами и герцогами, так и с принцами и королями. Так вот... Вас обоих все презирают. Вас уже давно считают марионетками, пляшущими под дудку жрецов из Алого храма.

На самом деле, о принце Адриане я услышал недавно, но не смог не воспользоваться удобным моментом.

Принц Адриан сжал кулаки с такой силой, что под его ногтями, впившимися в ладони, казалось, вот-вот покажется кровь. Желваки перекатывались на его скулах, а в глазах, кроме ненависти, появилась еще и тень обиды.

Сегодня у меня появился еще один враг. Возможно, будущий король целой страны, если не погибнет в очередной войне. А еще я здорово насолил Красным плащам. Принц вряд ли теперь забудет мои слова.

Судя по его физиономии, думаю, с ним впервые так откровенно кто-то разговаривал. Я даже удивлен его выдержке. А ведь таких бесед, как сегодня, у нас с ним будет еще много. За это время я не без помощи льюнари очень многое смогу вложить в его голову.

Мысленно я усмехнулся. Когда мне доложили, что к нам в плен попал принц, то я даже сперва не поверил такой удаче. С учетом такого козыря на руках, игра становится намного интересней.

Я видел, что принц готов разразиться гневной отповедью. Он даже было открыл рот, но так ничего и не успел сказать. На улице послышался шум и радостные крики сотен глоток. А спустя мгновение полог на входе в шатер отодвинулся, и в проеме показалась улыбающаяся физиономия Гуннара.

— Что там происходит? — спросил я.

— Вернулся отряд виконта де Шатильона, — ответил Гуннар. — Они привели с собой обоз аталийцев.

— Отлично, — произнес я.

Поднявшись с кресла, я обратился к тяжело дышащему от гнева и волнения принцу:

— Ваше высочество, благодарю вас за беседу. Увы, но я вынужден покинуть вас. Кстати, помнится мне докладывали, что вы жаловались на отсутствие подходящей вам одежды. Думаю, в обозе есть ваш гардероб. Надеюсь, ваши слуги не разбежались. Потому что Гуннар мне нужен самому.

Не дожидаясь ответа принца, я поклонился и вышел из шатра.

Оказавшись снаружи, я внимательно огляделся. Пятерка страйкеров во главе с Куртом фон Хартом на месте. Тут же находился и Сигурд, которого я на всякий случай тоже оставил охранять шатер принца.

Переглянувшись с ним, мы обменялись понимающими кивками. Затем я обратился к Курту, который после моего появления приблизился ко мне.

— Капитан, надеюсь вы понимаете всю важность вашей миссии?

— Конечно, ваше сиятельство, — с готовностью ответил он.

— Парни предупреждены.

— Кто-то еще делал попытки увидеться с пленником? — спросил я.

За последние двое суток маркиз де Гонди, как и дворяне из его свиты несколько раз пытались встретиться с принцем Адрианом, но каждый раз на их пути вставали мои страйкеры.

Граф де Брольи даже заявился ко мне и высказал свои претензии, мол, принц Адриан является пленником его высочества принца Филиппа и что такого важного пленника нужно немедленно отправить к герцогу де Бофремоню. Якобы его светлость наверняка уж точно знает, как правильно поступить в такой ситуации.

В ответ я сказал графу де Брольи, чтобы он не нес ерунды, потому как аталийский принц является моим личным пленником. А еще я ему посоветовал проявить себя получше в следующей битве. Иначе мне придется доложить герцогу де Бофремоню, что его представитель во время сражения горазд

только отсиживаться за спинами других, но потом, горлани громче всех, выкатывать претензии во время дележа трофеев.

В итоге, граф покинул меня красный как рак, вполголоса изрыгая проклятия на мою голову. На прямую конфронтацию со мной по известным причинам он не решился.

Еще один недоброжелатель. Пускай... Этот персонаж за последнее время утомил меня своей тупостью и высокомерием.

Тем более что я не сказал ни слова неправды. В отличие от маркиза де Гонди и его сопровождающих, которые в битве все-таки поучаствовали, граф де Брольи и его телохранители присоединились к ней только в самом конце. Да и то, взяв в плен какого-то раненного аталийского графа, довольно поспешно вернулись в лагерь.

Мне потом доложили, что граф де Брольи заставил наших лекарей лечить своего знатного пленника, чтобы тот дожил до момента выкупа.

Я же, удивив тем самым наших лекарей, не только не разозлился, но и дал добро на подобные вмешательства, но при этом приказал тщательно записывать сколько моих эликсиров и других медикаментов, а также рабочих часов персонала будет потрачено на этих пациентов.

Хе-хе... Граф де Брольи, а также другие хитрые дворяне, провернувшие подобный фокус, скоро очень сильно удивятся, когда я им выставлю счет за все медицинские услуги, которые, как они думали, получены бесплатно.

— Больше никто, — ответил Курт фон Харт.

Я лишь кивнул в ответ и двинулся на шум, доносившийся от входа в лагерь. Добраться быстро не удалось. Меня то и дело постоянно отвлекали. В цитадель готовился отправиться большой караван с трофеями, ранеными и пленниками. Так что вокруг этого события было много суеты. Ждали только появления обоза аталийцев.

На вереницу телег и повозок, загруженных трофейным барахлом, то и дело с улыбками поглядывали проходящие мимо бойцы. Ведь среди всех этих коробок и тюков где-то там лежит и их доля. Домой эти ребята вернутся обеспеченными людьми. Стоит ли говорить, что после каждого дележа добычи мой рейтинг в нашем войске рос словно на дрожжах.

Мне, кстати, тоже перепало немало. В основном доспехами и оружием. Вся главная добыча должна находиться в

аталийском обозе, который сейчас словно гигантская толстая гусеница нехотя втягивался на территорию нашего лагеря. По идее там должно быть много всего интересного.

Судя по большому количеству фургонов, повозок и телег обозники герцога ди Спинолы о разгроме армии своего господина узнали слишком поздно. Значит, Андре де Шатильону удалось перехватить их вовремя. Там не обошлось и без помощи вервольфов. В общем, у обозников неприятеля не было шансов.

При моем появлении все встречающие почтительно расступались. Первым, кого я увидел, когда добрался до входных ворот лагеря, был виконт де Леваль.

Судя по его радостному лицу, с его отцом графом де Левалем все в порядке.

А вон и он сам. Сидит в повозке. Похудевший и постаревший, но по острому упрямому взгляду видно, что генерал третьего легиона не сдался.

Рядом с бортом повозки появился Самюэль Кронер. Он явно очень рад видеть своего командира. Два старика, улыбаясь, обнялись. Граф по-дружески похлопал верного капитана по плечу. Видимо, благодарит за службу и за то, что смог присмотреть за его отпрыском.

Затем граф что-то сказал Кронеру, и тот, сразу же помрачнев, заглянул через борт в повозку. Уже догадываюсь, на что, или, вернее, на кого он смотрит...

Я видел, как Кронер что-то сказал графу, и они оба, подняв головы, начали оглядываться по сторонам.

Первым меня заметил капитан Кронер и сказал об этом графу де Левалю. Старик тут же дернулся и начал слезать с повозки, возле борта которой мы и встретились.

— Граф, я искренне рад вас видеть, — улыбаясь, произнес я.

— Благодарю вас, мессир, — склонил голову Гийом де Леваль. — Отдельно хочу поблагодарить вас за Пьера. Сын успел мне многое рассказать по пути.

Он оглядел суету вокруг обоза и сокрушенно покачал головой.

— М-да... — произнес он грустно. — У судьбы неведомые нам законы и замыслы... Помнится, я оставил вас с двумя когортами пехоты и отрядом мертонцев. Тогда мы наивно полагали, что война почти закончена и мы скоро вернемся

домой как победители... В конечном итоге, тот, кто не обязан был воевать, захватил весь север Бергонии, а те, кто на самом деле должны были это сделать, находятся сейчас без армии в трофейной повозке.

— Правь к госпиталю, — приказал я вознице, и повозка тронулась с места.

— Бесполезно, — покачав головой, произнес граф де Леваль, и на его глаза навернулись слезы. — Герцог в шаге от бездны... Ему уже нужен жрец Праотца, а не лекарь...

Заглядывать в повозку мне было без надобности, я и так уже ощущал дыхание магии смерти. И, может быть, я бы и согласился с графом, но произошло кое-что необычное. До этого сытый паразит, как только я приблизился к борту повозки, в которой лежал маршал де Клермон, вдруг встрепенулся и хотел было уже потянуться своими щупальцами вперед. Его напор был настолько уверенным и настойчивым, что я решил посмотреть, что будет дальше.

Ведь раньше его реакция на черные круды была прямо противоположной — он словно боялся магии смерти, заточенной в кристалле. Здесь же все было иначе. Я уже немного научился ощущать его, и в этот раз чувствовалось некое превосходство над тем, что засело в теле маршала.

Когда мы добрались до госпиталя и герцога де Клермона на самодельных носилках из двух копий и плотного плаща внесли в один из шатров, я приказал всем выйти.

Граф де Леваль было попытался остаться, но Пьер, поняв мой взгляд правильно, вывел отца наружу.

— Какая мерзость, — тихо сказала Вайра, появившаяся словно из ниоткуда.

Рядом с ней тут же возникли Игния и Селина, а спустя несколько мгновений в углу шатра послышался напряженный голос Лорина.

— Будь осторожен, ауринг...

М-да... Все намного хуже, чем рассказывал лорд Грей. Сложно было узнать в этом худом и изможденном старике блистательного маршала де Клермона. Тонкая с сероватым оттенком кожа, сквозь которую просвечивали черные сосуды и вены, обтягивала череп и кости так, что можно было изучать анатомию и без истинного зрения.

Я подошел ближе, намереваясь осмотреть этот еще живой

скелет, как вдруг его глаза открылись, и на меня в упор уставилась бездна. Глаза маршала были полностью угольно-черного цвета. Из его глотки послышались шипение и хрип. Он слабо зашевелился.

Все это время я наблюдал за ним в истинном зрении и, наконец, понял, что вижу. В теле маршала де Клермона притаился примерно такой же паразит, как и в моем. Только их суть, как и цвет, были разными. А еще я понял, что мой золотой паразит намного сильнее черного, который, практически исчерпав все ресурсы тела герцога, находился на последнем издыхании. По сути, это он не давал умереть своему носителю.

Другими словами, если я сейчас позволю золотым щупальцам уничтожить черного паразита, то я автоматически убью этим маршала. Хотя есть и другой выход. Более болезненный для меня. Но в любом случае, я должен попробовать. Этот опыт бесценен.

Я тяжело вздохнул и тихо произнес:

— Селина, готовься. Мне понадобится твоя помощь.

Вдох... Выдох... По телу тут же разлилось успокаивающее тепло. Это льюнари привычно включилась в процесс.

Сделав шаг вперед, я наконец, позволил золотым щупальцам добраться до энергосистемы маршала и в этот же миг резко зачерпнул приличный сгусток золотой энергии из своего источника. После двух суток в госпитале, где я вместе с врачами лечил раненых, плетение малого исцеления возникло практически мгновенно.

Удар сердца — и плетение наполнилось золотой маной. На жгучую боль, которой одарил меня мой паразит, возмущенный моей наглостью, я старался не реагировать.

Еще один удар сердца — и плетение погрузилось в тело маршала, переплетаясь с его энергосистемой. Я видел, что действие золотой магии было на порядок эффективнее, чем алой. Вся энергосистема герцога словно ожила от спячки. Заклинание запустило все восстановительные процессы в организме. Теперь, по крайней мере, был шанс, что мой пациент умрет не сразу, и мы еще сможем побороться за его жизнь.

Тем временем золотой паразит, запустив несколько десятков тонких щупалец в главные узлы энергосистемы, начал динамично высасывать из них черную ману, которая на поверку

оказалась не такой уж и черной. Сейчас она виделась мне, скорее, темно-серой. Жгучая боль исчезла, и я облегченно выдохнул.

Думаю, если бы у герцога был магический источник, справиться с черным паразитом было бы намного сложнее. Сейчас же процесс поглощения проходил ровно и без сюрпризов. Черный сперва вяло потрепыхался, но под жестким давлением Золотого затих, видимо, смирившись со своей судьбой быть сожранным.

Герцог тоже лишь тихо хрипел и периодически вздрагивал, но пошевелить конечностями не мог, золотые щупальца надежно блокировали все нервные узлы.

Теперь я понимал, почему так оживился мой паразит. Количество поглощаемой моим источником энергии даже из полудохлого черного паразита поражало.

Не прошло и несколько минут, как мой источник заполнился процентов на двадцать, чего уже давно не происходило. До того я выдавал этому проглоту лишь определенную норму, экономя драгоценные круды, дарившие мне лишь кратковременную передышку.

Наконец, чернота из энергосистемы герцога исчезла. Золотые щупальца перестали блокировать энергоузлы, и я впервые ощутил настоящую сытость паразита.

Скажу больше, я вдруг понял, что могу без последствий зачерпнуть немного золотой энергии из своего источника.

Не откладывая в долгий ящик, я тут же это и проделал. И — о чудо — вечно голодная тварь, оккупировавшая мою энергосистему, отнеслась к этому благосклонно и даже как-то лениво.

Извлеченную золотую энергию я аккуратно распределил по энергоузлам герцога, усилив тем самым действие заклинания и, тяжело выдохнув, сделал шаг назад.

Перейдя на обычное зрение, я устало взгляделся в лицо своего пациента. Визуально практически ничего не изменилось, и это неудивительно. Это тело столько времени пробыло во власти черной твари.

Но одно я знал точно — сегодня герцог не умрет.

Оглядев взволнованные лица первородных, я успокаивающе им кивнул. Спустя мгновение я услышал громкий выдох вынырнувшей из транса льюнари. Мы с ней переглянулись и

одновременно довольно улыбнулись.

Мы это сделали...

Глава 18

Вестония. Окрестности Эрувиля. Королевский охотничий домик Карла III.

Шагая по длинным коридорам королевского охотничьего домика, лорд Грей на ходу старался хоть как-то привести в порядок свою походную одежду. Хотя прекрасно понимал, что это абсолютно бесполезное занятие. Дорожная пыль, грязь и кровь, казалось, въелась в пропахшую дымом и конским потом ткань.

Сменить одежду перед аудиенцией у его величества ему не позволили. Еще на подъезде к столице лорда Грея и его людей встретил Марсель де Габен, Первая Тень Карла Третьего с десятком бойцов из королевской гвардии.

Главный телохранитель Карла в своей мрачной немногословной манере сообщил лорду Грею, что король хочет видеть его немедленно. Судя по тому, как гвардейцы ненавязчиво взяли их в «коробочку», отрицательного ответа Марсель не принял бы.

Лорд Грей много раз задавался вопросом: кто выйдет победителем, случись между ними поединок? В том, что Марсель де Габен является авантом, лорд Грей не сомневался, хотя тот никогда не демонстрировал, на что способен.

Главный телохранитель короля никогда не участвовал в турнирах и не обнажал свой меч без надобности. Тем не менее, при дворе никто даже не сомневался, что этот человек — один из самых опасных и сильнейших одаренных в стране. Поэтому, когда он и его Тени окружили их, лорд Грей вынужден был признать, что из этого противостояния ни ему, ни его людям не выйти победителями.

Коридоры замка лорду Грею были знакомы. Он часто здесь бывал, когда участвовал в королевских охотах. Сейчас, шагая без оружия и без доспеха, которые по просьбе Марселя он снял, а также без своих людей, в сопровождении дюжины боевых магов, он понимал: один неверно истолкованный шаг или движение — и на него набросятся без промедления. Он продержится против всех этих страйкеров недолго. Пока не закончится мана в крудах, что дал ему Ренар.

В иной ситуации такие жесткие требования телохранителей

короля его бы обязательно возмутили и оскорбили, но после всего, что он пережил и увидел за последние месяцы, лорд Грей даже был рад такой осторожности Марселя де Габена, который, похоже, ни на минуту не ослаблял бдительности.

Лорд Грей часто вспоминал последние разговоры с Максимилианом и теперь сам убедился, насколько этот не по годам умный парень был прав во всем.

Все эти предосторожности королевских телохранителей, все это напряжение говорило о том, что Карл Третий действительно очень плох.

По пути он пересекся со знакомыми дворянами, которые покидали Эрувиль со своими семьями. Они закрывали свои столичные особняки и возвращались в свои родовые владения, где рассчитывали переждать надвигающуюся бурю.

Никто уже не сомневался в скорой кончине короля. Об этом говорили открыто. Все ждали чем закончится будущее противостояние герцогов де Гонди и де Бофремона, а также принца Генриха, который, в отсутствие всех значимых политических фигур в столице, снова начал постепенно набирать силу и влияние.

А еще лорда Грея очень сильно удивила уверенность его знакомых дворян в том, что армия герцогов обязательно победит легионы Золотого льва. Слепцы! После двух проигранных аталийцам битв лорд Грей понимал, что совершенно не того опасаются вестонцы!

Миновав зал с богатейшей коллекцией оружия и доспехов, которую прежние короли Вестонии собирали несколько сотен лет и которую по сложившейся семейной традиции продолжил пополнять Карл Третий, лорд Грей, ведомый проворным лакеем, повернул к лестнице, избежавшей на второй этаж, где располагались личные покои короля.

Миновав несколько постов вооруженной до зубов охраны, их процессия, наконец, остановилась у широких обитых теневой сталью дверей. В этой части замка лорд Грей еще не был, но старался не вертеть головой, дабы не нервировать охрану.

Лакей ловко нырнул в приоткрытую дверь и, спустя несколько мгновений, уже вернулся в компании с другим слугой.

Тот, узнав лорда Грея, почтительно ему поклонился и негромко произнес:

— Его величество давно ожидает вас, мессир.

Лорд Грей, отстегнув плащ и сняв шляпу, передал их лакею. Затем, поморщившись, снова бегло оглядел свою грязную одежду и сапоги. Бросил короткий осуждающий взгляд на Марселя де Габена, заставившего его предстать перед королем в таком виде, покачал головой и шагнул в приоткрытую дверь.

Первое, что он ощутил, когда оказался в спальне его величества, это неприятную жару и духоту. Его спина и лоб тут же покрылись липким потом. Лорд Грей очень старался не думать о том, какие ароматы сейчас источает его собственное тело и одежда после бешеной скачки последних недель.

В личной спальне короля было темно и мрачно. Единственный свет, рассеивающий тьму в этом помещении, исходил от жарко пылающего камина.

Правда, для страйкера, тем более такого уровня как лорд Грей, тьма не была помехой. Его глаза, измененные магией, прекрасно видели в темноте.

Он сразу же разглядел на широком ложе полулежащую фигуру короля. У его изголовья на стуле сидел худой целитель с изможденным лицом и темными кругами под глазами. Похоже, болезнь вытягивает силы не только из Карла, но и из его целителей, вынужденных ежеминутно делиться со своим царственным пациентом драгоценной энергией.

На появление лорда Грея целитель никак не отреагировал. Он, похоже, даже не узнал его, хотя они были хорошо знакомы. Видимо, единственное, чего ему хотелось сейчас, это забыться в долгом беспробудном сне.

Лорд Грей, скользнув взглядом по королевскому ложу и целителю, повернул голову в сторону двух кресел у камина и сразу же обнаружил того, кого искал.

Кико сидел в одном из кресел, держа в руке серебряный кубок и смешно болтая коротенькими кривыми ножками. Он наблюдал за лордом Греем с широкой улыбкой на лице. Видимо, он догадался, кого искал взглядом страйкер.

— Приветствую вас, мессир! — произнес Кико.

Отсалютовав аванту бокалом, шут ловко спрыгнул с кресла на огромную мохнатую шкуру какой-то теневой твари, расстеленную на полу.

— Судя по вашему виду, путь из Бергонии выдался нелегким.

— Надеюсь, его величество простит мне мой внешний вид,
— лорд Грей поклонился в сторону королевского ложа, где среди одеял и подушек было сложно разглядеть лицо короля.
— Я спешил, как мог, чтобы доставить вам эти бумаги.

Сказав это, лорд Грей достал из своей сумки, которую телохранители после проверки ее содержимого, позволили оставить при себе, несколько свитков.

Кико мигом оживился. Он быстро поставил кубок на столик и поспешно выхватил свитки из рук страйкера. Лорд Грей позволил себе улыбнуться краешком губ. Ему была понятна суетливость шута.

Наверняка даже у самого последнего забулдыги из квартала нищих не возникало никаких сомнений в том, что после смерти короля первым, кого удавят, будет мерзкий горбун. Слишком многим влиятельным людям он успел отдавить мозоли. Хотя в отличие от многих, лорд Грей свои отношения с королевским шутом мог бы назвать, скорее, равными, чем напряженными. По крайней мере, ему так всегда казалось. Ведь никто не может с уверенностью утверждать что за мысли роятся в уродливой башке этого хитрого и изворотливого существа.

Кико приблизился к кровати короля и, развернув свиток с посланием маршала де Клермона, начал вполголоса зачитывать его Карлу. От внимания лорда Грея не укрылось, что шут прекрасно обходился без света, что лишний раз подтверждало его давнюю догадку о принадлежности Кико к одаренным.

После свитка маршала шут развернул послание маркграфа де Валье и тоже быстро его зачитал. Третий свиток с описанием произошедшего с войском маркграфа Кико читал медленнее.

Лорд Грей видел, что по мере того, как шут продолжал чтение, на его лице расцветала торжествующая улыбка. После того как он закончил читать, лорд Грей услышал слабый, но все еще уверенный голос короля.

— Ты снова оказался прав, хитрый мерзавец, — насмешливо прохрипел Карл. — Отправить туда Ренара было неплохой идеей.

— Всего лишь неплохой? — широко улыбаясь, произнес шут.
— Правильней будет сказать — гениальной!

— Ты осмеливаешься поправлять своего короля? — иронично спросил Карл. — Один щелчок пальцев — и твоя бестолковая голова слетит с плеч. Ты уже достал всех моих

телохранителей. Уверен, они с радостью выполнят мой приказ.

— Кто же тогда будет вас смешить и развлекать, ваше величество? — с притворной обидой в голосе спросил шут.

— Об этом не беспокойся, — хохотнул король. — В моем королевстве полно бесполезных болванов.

— О! В этом я с вами совершенно согласен, ваше величество! Хотите, я подготовлю вам список лучших кандидатов на мое место? Как вам, к примеру, Фредерик де Моати? Полагаю, великому магистру ордена Серой скалы мой колпак придется как раз в пору. Такого идиота, проморгавшего заговор собственных рыцарей прямо у него под носом, еще нужно искать.

— Хочешь сказать, что после аудиенции у мэтра Сарсона Фредерик сможет справляться с твоими обязанностями? — скептически спросил король.

Услышав имя королевского палача, лорд Грей невольно вздрогнул. Если бы и существовала какая-нибудь шкала или классификация самых ненавистных и презираемых людей при дворе Карла Третьего, мэтр Сарсон, королевский палач, наверняка бы занял в ней второе место после королевского шута.

Как и с шутот, у лорда Грея никогда не было конфликтов с мэтром Сарсоном, который, кстати, тоже являлся одаренным.

Королевского палача, на удивление, вообще нельзя было назвать конфликтным человеком. В этом, на первый взгляд, добром, кротком и даже привлекательном человеке, щедро раздававшем милостыню у храмов, невозможно было распознать того, кто еще вчера, например, колесовал или варил кого-то в котле живьем.

Последняя казнь, кстати, была придумана дедом Карла для фальшивомонетчиков. Лорд Грей лично наблюдал за одной такой. Его в тот день больше всего поразило не само действие и крики умирающих, а выражение лица мэтра Сарсона. Оно было деловитым, безэмоциональным и даже немного задумчивым. Словно у какого-нибудь резчика по дереву за работой над очередным узором.

И вот в руки к этому человеку попал великий магистр Каменных рыцарей...

Выходит, уловка Ренара с обнародованием результатов допроса покушавшихся на него Ледяных сработала.

Представительница Янтарной гильдии быстро послала весточку своему магистру, и тот мигом доложил о заговоре Каменных рыцарей королю.

— Эдуард, — услышав хриплый голос короля, лорд Грей вздрогнул и вынырнул из задумчивости. — Ну, что же вы там застыли, как истукан. Подойдите поближе, друг мой.

Лорд Грей сделал несколько шагов и опустился на одно колено перед ложем короля. Сейчас он мог уже лучше рассмотреть Карла. Ему стоило труда не показать своей обеспокоенности.

Ренар снова оказался прав — все те же симптомы, как и у маршала де Клермона. Правда, состояние короля намного лучше. Сказывается участие самых сильных целителей в королевстве. Но даже так король сильно похудел. Его черты лица заострились, а кожа начала приобретать серый оттенок. Судя по тому, что король принимает его в постели, ходить он уже не может.

— Ваше величество, — хмурясь, начал повторять извинения лорд Грей. — Простите мне мой внешний вид... Я только что...

— Не стоит, — вяло отмахнулся король. — Мне вас не за что прощать. Вы, как мой истинный и верный слуга, исполняли свой долг. Лучше расскажите мне обо всем, что произошло с моими легионами. Как так вышло, что победное шествие превратилось в позорный разгром?

Во взгляде короля лорд Грей заметил знакомое ему пламя ярости. Поэтому он начал свой рассказ, тщательно подбирая каждое слово.

Спустя некоторое время в том месте, где было упомянуто предательство графа де Англанда, король прервал рассказ лорда Грея и вопросительно посмотрел на Кико, сидевшего на полу у ложа.

— Графу де Англанду и еще нескольким дворянам несколько месяцев назад было подписано разрешение отправится к Золотому льву с выкупом за сыновей этих вельмож, попавших в плен к аталийцам во время прошлой военной кампании его высочества принца Генриха, — монотонным голосом отчитался шут.

— Кто подписал эти разрешения? — прищурился король. — Я или канцлер?

— Вы, ваше величество, — со вздохом произнес шут.

Лорд Грей понимал, что только что наблюдал за тем, как жизнь канцлера Вестонии висела на волоске.

— Что же, тем хуже для этого предателя, — обманчиво спокойно произнес король.

Лорду Грею не нужно было объяснять, что ждало семью, а также владения графа де Англанда. И ему нисколько не было жаль этого негодяя.

— Я вас внимательно слушаю, друг мой, — обратился король к лорду Грею, и тот продолжил свой рассказ.

В этот раз лорда Грея ни разу не перебили и дослушали до того момента, когда он и его люди покинули лагерь маркграфа де Валье.

Король некоторое время лежал молча, прикрыв глаза. Он явно пытался осмыслить услышанное.

— Что вы можете сказать о новом маркграфе де Валье? — наконец, спросил он, открыв глаза и в упор уставившись на лорда Грея.

— Я уверен, что он безусловно предан вашему величеству, — коротко и твердо произнес лорд Грей. — Именно благодаря ему я и мои люди так быстро смогли добраться до столицы.

— А что это у вас? — король опустил свой взгляд и кивнул на темно-рыжий росчерк на правом рукаве лорда Грея. — Это кровь? Вы ранены?

— Нет, ваше величество, — покачал головой страйкер. — Это всего лишь краска.

— Краска? — удивился шут, тоже внимательно разглядывавший отметину. — По пути в столицу вы успели что-то нарисовать или покрасить?

Король поднял руку и отвесил шуту подзатыльник. Удар был очень медленным и слабым, но Кико даже не подумал убраться голову. Напротив, он ею ловко встряхнул, чтобы бубенцы на его колпаке отзвенели погромче. Получилась очень убедительная звонкая затрещина.

Кико незаметно подмигнул лорду Грею, который распознал хитрость шута.

— Так для чего же вы испачкали в краске ваш рукав? — спросил король, при этом сжимая и разжимая пальцы правой руки.

Судя по тому, как он морщился, даже такое действие, как слабая затрещина, доставляло ему боль.

— Для того, чтобы беспрепятственно проехать по имперскому тракту, — ответил лорд Грей.

Король и шут удивленно переглянулись.

— Объяснитесь, мессир, — сказал Карл.

— Эта отметина стала символом маркграфа де Валье, — ответил лорд Грей. — Каждый воин в его войске имеет на своих доспехах и одежде эту отметину.

— И что же она символизирует?

— Как мне объяснили — это лисий хвост, — пожал плечами лорд Грей, с удивлением наблюдая, как мрачнеет взгляд короля.

— И кто же надоумил вас нанести этот символ? — прохрипел король. — Неужто сам маркграф де Валье?

— Нет, — покачал головой лорд Грей. — Как раз маркграфу все эти символы не по душе, поэтому он мне выдал подорожную грамоту со своей подписью. А что касается меток... Он мне даже как-то пожаловался на эти художества. Маркграф много раз приказывал своим людям стереть эти метки с доспехов, но это не принесло результатов. Все уверяют его, что это просто краска и ничего более. Однако, именно благодаря этим отметинам, местные жители встречали нас благосклонно, а некоторые отряды вервольфов, патрулировавшие имперский тракт, так и вовсе пропускали нас без промедления и без предъявления документов.

— Находка для лазутчиков, — усмехнулся шут.

— Полагаю, отчасти маркграф де Валье именно поэтому был против этих отметин, — согласился с ним лорд Грей. — Хотя справедливости ради нужно сказать, что вервольфов так просто не обмануть.

— Значит, весь имперский тракт у него под контролем? — спросил король.

— Да, ваше величество, — произнес лорд Грей. — И повсюду висят ваши знамена. В каждой битве маркграфа де Валье в первых рядах выступают знаменосцы с вашими стягами.

Лорд Грей видел, как просветлело лицо короля. Карл явно был доволен маркграфом.

— Этот мальчишка оказался намного полезней, чем я ожидал, — задумчиво произнес он. — Жаль, что еще нет вестей о том, как закончилась битва с войском герцога ди Спинолы...

— Так вы еще не знаете? — удивился лорд Грей, оглядывая

напряженные лица короля, шута и целителя, который, словно очнувшись ото сна, тоже внимательно слушал рассказ страйкера.

— Новость о разгроме армии герцога ди Спинолы догнала меня в Гондerville, — произнес лорд Грей, при этом наблюдая ошарашенные взгляды своих слушателей. — Менестрели ее уже называли Битвой золотых мечей. Мне сказали, что в сражении погибло несколько сотен знатных аталийских дворян, а войско маркграфа понесло при этом относительно небольшие потери.

Король повернул голову и посмотрел на хитро улыбающегося шута.

— Мальчишка Ренар не перестаёт меня удивлять. Сколько я тебе уже должен?

Кико, широко улыбаясь, потирал маленькие ладошки.

— Много, ваше величество... Очень много...

— Ты так меня скоро разоришь, маленький мерзавец! — пробурчал король и заворочался в постели.

Несмотря на ворчливый тон короля, лорд Грей, прекрасно его зная, видел, что Карл, прежде всего уважавший воинскую доблесть, был очень рад новостям.

Лорд Грей только усилием воли смог сдержать свой порыв. О, как бы ему хотелось рассказать королю, что этот так называемый «мальчишка» является абсолютом! А ведь последним известным абсолютом был основатель гильдии наемников Клинки сумрака, живший два века назад. Но лорд Грей промолчал, потому что дал слово Максимилиану хранить его тайну.

— Уже и не знаю, чем еще он меня удивит в следующий раз, — произнес король.

— Ваше величество, раз вы не знали, чем закончилась битва, выходит, о том, что маркграф де Валье пленил наследного принца Аталии, вам тоже не известно...

После слов лорда Грея в комнате повисла тишина, которую мгновением позже нарушил громкий сухой кашель выпучившего глаза короля, а шут тем временем упал на спину и, пискляво хохоча, засучил своими кривыми ножками.

— Неси чернила и бумагу, болван! — откашлявшись, потребовал король, и когда шут, поспешивший выполнить приказ его величества, выскочил из спальни, он обратился к лорду Грею:

— Мессир, я сожалею о том, что вам снова придется отправиться в Бергонию, но я не знаю никого, кто смог бы лучше справиться с этой миссией, кроме вас. Вы должны как можно скорее передать мое послание маркграфу де Валье...

Глава 19

Нортланд. Долина Ветров.

Вот уже пять дней, как Хельга пересекла границу владений Ледяного храма и двигалась по Долине ветров. Бойцы из ее отряда, остановившиеся десять суток назад задержать преследователей, наверняка уже погибли, а последняя лошадь пала вчера в полдень.

Хельга осталась одна. Из оружия на ее поясе висели кинжал и короткий топорик. В походной торбе лежало несколько сухарей и пара кусков мороженной конины. Главным же ее богатством были: амулет с наполовину пустым алым крудом и браслет с пятью маленькими алыми кристаллами. Это все, что у нее осталось из запасов магических камней после битвы у Ледяного храма, где была разгромлена армия конунга Бьёрна Острозубого и погиб он сам, а также почти все его соратники, включая и отца Хельги.

Она своими глазами видела, как страшная воительница из Ледяных пронзила сперва конунга своими черными магическими клинками, а затем и ее отца.

Бедный Эрик, сын Острозубого, тоже пал. Хельга на всю жизнь запомнила его недоуменно-удивленный взгляд, когда один из Ледяных жрецов вонзил в его грудь свое копьё с черным наконечником.

Магия смерти... Старый наставник Хельги, научивший ее всему, что знал, много раз рассказывал ей о древних временах. Когда легендарные ауринги еще хранили этот мир от мерзких демонов.

Он много говорил о черной магии смерти, которая, благодаря великим колдунам Пустошей, навсегда ушла из этого мира вместе с последним самым сильным демоном, павшим в Бездну.

Тогда Хельге все эти рассказы казались чем-то вроде сказок и легенд. Но в битве у Храма Хладу Жуткому древняя сказка стала былью. Ледяные рыцари использовали магию смерти, от которой не спасали даже доспехи страйкеров. Черные клинки пробивали магические щиты, словно они были сделаны из тонкой бумаги.

Хельга до сих пор не могла поверить в то, что большая

армия конунга Острозубого, до этого победно шествовавшая на север, не встречая на своем пути сопротивления, вдруг неожиданно проиграла ту битву. А ведь ничего не предвещало беды.

Бьёрн Острозубый как-то даже туманно намекнул Хельге на то, что у него с Ледяными жрецами есть некая договоренность. Однако, видимо, все пошло не по плану конунга. Хельга хорошо запомнила его удивленный взгляд, когда на их пути возникло огромное войско. Ледяные хорошо постарались, собирая под свои знамена врагов Острозубого и в это же время пудря ему мозги своей лояльностью. Конунг поверил в свою силу и величие, поэтому и потерял бдительность.

А Хельга, чудом оставшаяся в живых, спешила сейчас в столицу, чтобы предупредить Астрид о надвигающейся беде. Ведь в том, что жрецы двинут свою армию в сторону Винтервальда, она даже не сомневалась.

К концу дня уставшая и измученная Хельга добралась до небольшого поселения, где, как она помнила, имелся небольшой постоялый двор.

Хозяин, рыжий детина, бывший десятник еще предыдущего конунга сразу же узнал в изможденной и обледеневшей страннице знаменитую целительницу.

Хельге была выделена лучшая комната на втором этаже дома. Жена хозяина и старшая дочь после простого, но сытного ужина быстро обмыли и положили в кровать уже засыпающую девушку. Как только голова Хельги коснулась подушки, она сразу же заснула.

Проснувшись Хельга посреди ночи от шума, который явно доносился откуда-то снизу. Привычно зачерпнув небольшой сгусток маны из самого маленького круда на браслете, она пропустила его по энергосистеме.

Взбодрившись, Хельга оглядела комнату. Изменённые магией глаза прекрасно видели в темноте, поэтому свечу она не зажигала.

Свою одежду она не нашла. Видимо, жена хозяина постоянного двора забрала ее, чтобы постирать. Обуви тоже не было. Наверняка она сушится рядом с камином, как и верхняя одежда с плащом.

А вот пояс с кинжалом обнаружился висящим на изголовье кровати.

Быстро обнажив клинок, Хельга поднялась с кровати и, придерживая левой рукой подол ночной рубахи, тихо приблизилась к двери.

Тем временем шум внизу только нарастал. Уже отчетливо слышались грозные мужские голоса. Это хозяин постоянного двора разговаривал с кем-то на повышенных тонах. Бывший десятник грозил незнакомцам местной стражей, если те немедленно не покинут его дом.

Шум на мгновение прекратился, и Хельге, сердце которой вот-вот готово было выскочить из груди, показалось, что все обошлось, и хозяину удалось спровадить беспокойных ночных посетителей, но громкие проклятия вперемешку с лязгом стали и истошным женским криком сообщили девушке о том, что на самом деле ничего не обошлось. Всё, похоже, только начиналось...

Женский крик резко оборвался, а потом послышался глухой удар. Такой звук очень похож на звук падающего тела. Тут же прозвучал новый вскрик, но более тонкий. Хельга узнала голос дочери хозяйки.

Грубый мужской голос что-то повелительно выкрикнул, и послышался топот сапог. Хельга закрыла глаза и глубоко вдохнула, а затем выдохнула. Она вся обратилась в слух и начала считать...

Первый... Второй... Третий... Значит, трое против нее одной...

Судя по торопливым шагам, первый вырвался вперед.

Хельга сделала два шага назад от двери и стянула через голову ночную рубаху — сейчас ничего не должно сковывать ее движения. Спрятав руку с кинжалом за спину, она замерла.

За мгновение до того, как дверь отворилась, Хельга бросила короткий взгляд в сторону маленького окна, затянутого бычьим пузырем. Там, снаружи редела снежная вьюга. Можно было бы бежать, но на морозе без одежды она долго не протянет. Только зря израсходует ману из крудов. Кроме того, ей уже надоело бежать. Дочь ярла ощущала, как в ее жилах бурлит кровь предков-воинов. Не зря же ее прозвали Отважной.

Тем временем створка распахнулась, и на пороге появился незнакомый широкоплечий детина в простом кожаном доспехе.

Хельга, как можно правдоподобней пискнула, якобы от неожиданности, и, прикрывая руками наготу, повернулась

спиной к вошедшему. Краем глаза она заметила, как широко раскрылись глаза воина, а его щербатый рот растянулся в похотливой улыбке. Вид красивого обнаженного девичьего тела настроил здоровяка на совершенно иной лад.

Хельга из-под распущенных волос видела, как он потянулся к ней правой рукой.

— Вот ты и попалась, пташка, — ехидно произнес он. — Не бойся. Иди ко мне.

Вероятно, последнее, чего ожидал громила, так это того, что обнаженная красавица его послушается. Причем ее рывок был настолько стремительным, что он даже не успел как следует удивиться.

Резкий взмах руки — и острый как бритва клинок из теневой стали вонзился в подмышку верзилы. Тот успел лишь приглушенно охнуть и дернуть плечом, а смертоносная полоска острозаточенной стали уже полоснула его по горлу.

Здоровяк, выпучив глаза, хрипя и захлебываясь собственной кровью, схватился за перерезанное горло и подался назад. Как раз в тот момент, когда в комнату заходил следующий воин.

— Кнуд, идиот, ты что творишь?! — прорычал чернобородый северянин, когда на него всем своим немаленьким весом начал заваливаться его товарищ.

Придерживая массивную спину хрипящего здоровяка, чернобородый уперся в нее обеими ладонями. Вынырнувшую из-за туши Кнуда девичью фигурку он даже не заметил. Как и клинок, дважды вонзившийся ему в открытую шею.

Пока оба тела заваливались на пол, Хельга уже была в шаге от третьего воина, который оторопело наблюдал за своими боевыми товарищами. Он был совсем еще юным и неопытным. Даже не успел схватиться за меч, когда обнаженная черноволосая красавица, с холодным взглядом убийцы молниеносно оказалась рядом с ним и одним коротким движением перерезала ему горло.

Хельга быстро оглядела умирающих и сучащих ногами бойцов, и на ее губах появилась ухмылка превосходства. Дочь ярла учили сражаться лучшие головорезы ее отца. Эти трое в подметки им не годятся.

На мгновение Хельгу даже оскорбило то, что на ее поимку отправили каких-то недоумков. Если это, конечно, ее преследователи, а не какие-нибудь залетные разбойники,

решившие переждать снежную бурю на постоялом дворе и заодно ограбить его хозяина.

Вошедшим за многие годы в привычку движением Хельга вытерла клинок своего кинжала от крови об одежду затихшего парня и вытащила из ножен меч, который он так и не успел обнажить.

Тренированная рука тут же ощутила отвратительный баланс этого дрянного оружия. Ну точно — какие-то бывшие каторжники...

Хельга уже в который раз пожалела об оставленном на поле боя клинке, который подарил ей ее наставник. Ее меч застрял в теле убитого ею Ледяного рыцаря.

Спустившись на несколько ступеней, Хельга замерла и прислушалась. Снизу доносилась какая-то возня. Девушка, аккуратно ступая, чтобы случайно не скрипнула ни одна ступенька, спустилась еще ниже и теперь могла уже разглядеть зал небольшой таверны, находившейся на первом этаже.

Первым делом ей бросились в глаза мертвые тела хозяина постоялого двора и его жены. Они оба лежали недалеко друг от друга в лужах собственной крови.

Немного поодаль, попискивая и мыча от ужаса, на одном из столов животом вниз в разорванной ночной рубашке лежала дочь хозяина. Сзади нее, зажимая ей рот левой рукой, а правой пытаясь расстегнуть собственный пояс, порывкая от нетерпения, пристраивался долговязый блондин. О том, что надо смотреть по сторонам, он даже и не думал.

А зря... Короткий взмах меча, и на шею неудавшегося насильника опустился клинок его мертвого боевого товарища. Отрубить негодяю голову этой неуклюжей и плохо заточенной железякой, по ошибке названной мечом, у Хельги, конечно же, не получилось. Послышался глухой хруст, тело блондина с искривленной под неправильным углом шеей рухнуло на пол как подкошенное. И затихло...

Дочь хозяина постоялого двора громко вскрикнула и обернулась. Когда она увидела обнаженную Хельгу, чья грудь, руки и живот были вымазаны кровью, ее голубые глаза расширились от испуга и изумления.

— Тихо, Инга, — успокаивающе произнесла Хельга и сделала шаг навстречу девушке. — Всё... Он тебя не тронет...

Инга всхлипнула, и ее глаза наполнились слезами. Хельга ее

приобняла и погладила по голове. Плечи девушки дернулись несколько раз, а потом она неожиданно отстранилась и завертела головой. Увидев тела своих родителей на полу, она высвободилась из рук Хельги и бросилась к ним.

— Мама! — захлебываясь в рыданиях, воскликнула Инга.

Она обернулась и с надеждой посмотрела на Хельгу. Видимо, вспомнила, кем та является, но Хельга лишь отрицательно покачала головой. Целители чувствуют смерть лучше, чем другие одаренные.

Она было вознамерилась снова попытаться успокоить девчонку, но не успела. Входная дверь в таверну скрипнула, и порог переступила широкоплечая высокая фигура в меховом волчьем плаще с капюшоном.

Хельга слегка присела, замерев в боевой стойке, но, когда вошедший откинул капюшон, ее губы, помимо воли, расплылись в счастливой улыбке. Пожалуй, сегодня она впервые по-настоящему была рада видеть Хакона, племянника конунга Острозубого, влюбленного в нее с самого детства. Эффект от его появления даже не портил тот факт, что Бьёрн Острозубый и ее отец сговорились выдать ее замуж за Хакона.

— Хакон! — улыбаясь, произнесла Хельга.

Тот подслеповато, словно дикий кабан, вгляделся в глубину зала, и его маленькие глазки поползли на лоб, когда он узнал свою возлюбленную.

Он сделал рывок вперед и оказался возле Хельги.

— У тебя кровь! — обеспокоенно произнес он. — Ты ранена?

— Это кровь врагов, — хищно улыбнулась она и кивнула в сторону трупа блондина. — Наверху еще трое.

Сказав это, она ловко повертела в левой руке свой кинжал.

Хакон ответил ей улыбкой и, сняв свой плащ, укрыл им Хельгу. Та только сейчас ощутила, насколько замерзла.

— Ты один? — тут же начала засыпать Хакона вопросами она. — Сколько у тебя бойцов? Как тебе удалось спастись? Что с твоим отцом? Он жив?

С каждым вопросом Хакон все больше мрачнел и отводил взгляд. Хельга, поняв его состояние по-своему, тут же приблизилась к нему и положила свою ладонь на его щеку.

— Прости... — успокаивающе произнесла она. — Обещаю! Мы обязательно отомстим за них! Осталось только добраться до Фьёрдграда и предупредить о случившемся Астрид!

Насмешливый с легкой хрипотцой мужской голос со стороны двери заставил ее вздрогнуть.

— О! Мы обязательно навестим принцессу Астрид. Только немного позднее...

Хельга вздрогнула и посмотрела в сторону двери. Там, на пороге стояло трое воинов, одним из которых был рыжеволосый Ледяной рыцарь в костяном доспехе страйкера. Именно ему и принадлежал тот хриплый голос.

— Хакон, — улыбаясь, произнес рыжий и кивнул на лестницу, с которой стекал тонкий ручеек крови. — Ты был прав. Твоя невеста опаснее, чем мы думали.

Хельга почувствовала, как по ее телу пробежала ледяная волна. Она подняла голову и заглянула в хмурые глаза Хакона.

— О, боги севера... — ошеломленно прошептала она. — Ты с ними... Ты предал нас... А твой отец?

Внезапно при упоминании его отца взгляд Хакона изменился. В его глазах вспыхнул огонь гнева и ненависти.

— Молчи! — рыкнул он. — Мой отец был слабаком, поверившим в лживые речи Острозубого! Они оба отринули Истинного! И Он покарал их за вероломство! Я лично пронзил сердце отца и спас его от страшных пыток.

Хельга с раскрытыми от ужаса глазами непроизвольно сделала шаг назад. Хакон... Всегда глуповатый и грубый, но беззаветно любящий ее. Пусть Хельга всегда избегала и недолюбливала его за эту навязчивость, но она ни за что бы не поверила, скажи ей кто, что Хакон когда-нибудь предаст их всех.

— Хельга, — уже чуть мягче произнес Хакон, протягивая к ней руку. — Я здесь, чтобы спасти тебя. Пойдем со мной. Ты многого еще не знаешь. Ты должна поговорить с ними... Мы с тобой теперь будем вместе. Они обещали мне, что не тронут тебя. Ты одна из сильнейших магов севера. Такие слуги, как ты, нужны Истинному!

Хельга почувствовала, как по ее щекам потекли горячие слезы. Что же ты наделал, глупец... Когда они добрались до тебя? Как такое могло вообще произойти, да еще под носом у всех? Предатель и отцеубийца...

Хельга внезапно успокоилась и зачерпнула крупный сгусток из сразу двух маленьких кристаллов браслета. То, как они рассыпались пылью, никто, похоже, не заметил.

Она покорно протянула свою руку и ее ладонь легла в широкую лапищу Хакона.

— Вот так, — успокаивающе произнес он. — Ты правильно поступаешь...

Договорить он не успел. Его глаза сперва расширились, а потом закатились. Спустя миг массивное тело Хакона без дыхания рухнуло на пол.

— Вот это мастерство! — восхищенно воскликнул Ледяной. — Остановила сердце, да?

Двое его спутников, которые своими хищными повадками заметно отличались от тех недоумков, убитых ею ранее, начали аккуратно обходить Хельгу с двух сторон.

— Братъ живой, — как бы невзначай бросил им Ледяной.

Хельга лишь усмехнулась. Наивный... Чтобы взять целителя в плен живым, нужно очень постараться. Маги, которым покорилась алая энергия, в любой момент способны безболезненно убить себя.

Сбросив с плеч тяжелый меховой плащ, от которого еще исходил запах того, кого она считала верным другом и которого она без колебаний убила, Хельга замерла, ожидая нападения. Краем глаза она заметила, что Инга забилась под дальний стол и, судорожно закусив свой кулак, старалась не проронить ни звука.

На обнаженное тело Хельги Ледяной отреагировал сальной улыбкой и подмигиванием.

— Теперь я понимаю Хакона, — произнес он. — Он был просто одержим тобой. А ты взяла и, не моргнув глазом, разбила ему сердце!

Не успел он закончить, как двое его бойцов одновременно ринулись на Хельгу. Про себя она уже успела отметить, что эти двое, хоть и были лучшими бойцами, чем те, кого она прикончила ранее, но их уровень все равно не дотягивал до ее собственного.

Не прошло и минуты, как оба нападавших оказались на полу. Первый пропустил удар меча в открытый бок, а второй был неосторожен и оказался слишком близко от целительницы, которая тут же воспользовалась его ошибкой, дотронувшись до его шеи. Этого хватило, чтобы сгусток алой маны разорвал его сердце.

— Великолепно, — захлопал в ладоши Ледяной и мгновенно

исчез.

Хельга лишь внутренне усмехнулась. Еще один самодовольный идиот. Наверняка прогуливал занятия в гильдии по целительству. Прятаться в скрыте от опытного целителя — это глупость и лишняя трата драгоценной энергии. Целитель всегда способен отследить страйкера по стуку его сердца.

Ледяной действовать напрямую не решился. Он наметил обойти Хельгу слева, чтобы потом наверняка оглушить ее со спины. Похоже, он хочет доставить ее живьем своим жрецам.

Девушка тем временем, чтобы усыпить бдительность противника, начала напряженно оглядываться по сторонам. Она даже представила, как страйкер хитро ухмыляется.

Это он зря... Потому что только очень опытные и достигшие высот в искусстве концентрации боевые маги могут одновременно находиться в скрыте, держать щит на доспехе и атаковать. Сейчас Хельгу судьба свела, если и с медиумом, то с очень слабеньким. Так что у нее был, хоть и крохотный, но шанс подловить страйкера на ошибке.

Она резко склонилась над телом Хакона и вытащила из ножен его меч. Его полуторник был довольно тяжелым, но не настолько, чтобы еле-еле держать его на весу. Этот спектакль для страйкера, который уже обошел Хельгу со спины, и, судя по учащенному сердцебиению, готовился атаковать. Дабы показать себя еще более испуганной и беспомощной, Хельга дрожащим истеричным голосом выкрикнула в пустоту перед собой:

— Вы все страйкеры — трусы! Только и умеете прятаться и нападать исподтишка! Выходи и сразись как мужчина! Или ты испугался женщины?

Все это время она стояла спиной к страйкеру, давая тому приблизится и стараясь не пропустить тот самый момент, о котором рассказывал ей наставник, объясняя, как нужно сражаться с боевыми магами, использующими маскировку или скрыт.

Она прикрыла глаза и замерла. Вот оно! Сердцебиение на долю секунды сбилось с ритма, и она буквально всем своим естеством ощутила движение за спиной.

Резко присесть и одним молниеносным движением прыгнуть назад, выставив перед собой меч у Хельги получилось, как

когда-то на тренировке. Мастер, будь он жив, обязательно похвалил бы ее за эту связку.

Ощувив сильный удар, от которого даже что-то хрустнуло в запястье и заныло в плече, Хельга тем не менее радостно улыбнулась. Концентрации страйкера хватило только на два действия, и он решил атаковать в скрыте, пожертвовав магическим щитом.

Доспех, созданный из кости теневой твари, защитил от стали, но вот сам импульс и сила удара опрокинули страйкера на пол, окончательно сбивая его концентрацию.

Маскировка исчезла, и нависшая над Ледяным Хельга, опустив свою ладонь на щеку мага, с хищной ухмылкой наблюдала, как тот со страхом в глазах не успевает за ней буквально на долю секунды, чтобы поставить магический щит. Алый сгусток маны в одно мгновение превратил мозг Ледяного в похлебку. Из ушей и глаз уже мертвого страйкера хлынула кровь.

Пошатываясь, Хельга поднялась во весь рост и взглянула на входную дверь, но ее чутье прямо в эту секунду подсказывало, что враги на сегодня, скорее всего, закончились...

Глава 20

Долину, в которой находился наш лагерь, снова накрыл дождь. Вот уже третьи сутки лило как из ведра. Но, несмотря на непогоду, люди были рады этой вынужденной задержке — появилось время на отдых после тяжелой битвы.

Кроме того, у наших обозников было достаточно времени, чтобы разобраться с трофейным обозом аталийцев, который в целости и сохранности нам доставил виконт де Шатильон со своим отрядом.

В обозе неприятеля, помимо продовольствия, оружия, доспехов и других ценностей, были обнаружены сразу четыре казны.

Первая, самая крупная и богатая, принадлежала герцогу ди Спиноле. Вторая, чуть поменьше, — принцу Адриану. Третья — аталийскому легиону. И четвертая, самая маленькая, — ривлийским наемникам.

Золотые и серебряные монеты, драгоценные камни, украшения, несколько небольших ларцов с разноцветными крудами, украшенные золотом, серебром и камнями доспехи и оружие, великолепная конская сбруя, магические эликсиры; мы сорвали по местным меркам огромный куш.

Уже сейчас можно было справедливо разделить все между всеми участниками нашего похода и спокойно разойтись по домам с жирной добычей. А ведь еще были ценные пленники, за которых я планировал получить солидный выкуп.

Чего только стоят принц Адриан и герцог ди Спинола. Если со вторым мы уже предварительно все обговорили, то за первого я планировал серьезно торговаться. Причем торги будут вестись как с аталийской стороной, так и с вестонской. Наследник престола — это самый ценный трофей.

По сути, в иной ситуации, если бы аталийский король был сильной и самостоятельной фигурой, речь наверняка бы уже шла о подписании мирного договора. Но Альфонсо Пятый — марионетка, за ниточки которой дергают жрецы. Им, скорее всего, будет выгоднее, если принц умрет в плену у вестонцев. Как, собственно, и Золотому льву.

Пообщавшись с Адрианом, я пришел к выводу, что маршал ди Лоренцо ведет свою собственную игру. И это неудивительно. Власть над аталийскими легионами у него в руках. И те

преданы ему больше, чем королю.

В общем, по всему выходило, что за аталийского наследника мне больше заплатит тот же Карл Третий, который может, используя такую фигуру, разыграть несколько очень интересных и сложных комбинаций.

Именно поэтому все мои страйкеры, включая Сигурда и Аэлиру денно и ночно не спускали глаз с такого ценного пленника. Принц, кстати, единственный, кого я намерен держать постоянно при себе. Остальные пленники отправятся в цитадель под охраной двух сотен мертонцев и сотни верных уже мне лично горцев.

Маршала де Клермона, а также всех освобожденных нами вестонских вельмож я тоже отправляю в цитадель. С герцогом отправится один из наших лекарей, задачей которого будет отпаивать маршала моими модифицированными эликсирами. Или, как я их еще называю, эликсирами последнего поколения.

Золотой паразит оставался сытым почти двое суток. За это время, пока он был занят источником, у меня получилось, практически безболезненно реквизируют у него несколько довольно объемных сгустков золотой энергии.

Малую часть драгоценной маны я использовал на эксперименты с плетениями, исцеляя самых тяжелых пациентов, а остальную энергию пустил на модификацию магических зелий.

Результаты превзошли все мои ожидания. Эффективность эликсиров повысилась на тридцать процентов. И это притом, что я расходовал золотую ману очень маленькими порциями. Например, маршал де Клермон, которого я поил «золотыми» лечебными зельями, к неописуемой радости графа де Леваль пришел в себя уже на вторые сутки.

Первое время герцог никого не узнавал и не понимал, где он находится. Он почти постоянно спал. Но он явно шел на поправку. Его энергосистема под воздействием моих плетений и зелий, постепенно восстанавливалась, причем с каждым днем процесс только ускорялся.

Гийом де Леваль, наблюдая за тем, с каким аппетитом его старый товарищ съедает принесенную ему еду, не мог на него нарадоваться. А ведь он уже похоронил герцога...

Стоит ли упоминать, что с того дня, как граф де Леваль вошел в шатер после первого лечения герцога де Клермона и

увидел его не только живым, но еще и услышал, что тот скоро поправится, я обрел преданного друга и союзника. И это не считая того, что я спас жизнь сыну графа.

Но во всей этой бочке меда имелаась и ложка дегтя... Золотой паразит, вкусив энергии смерти и трансформировав ее в увеличение объема источника, начал требовать больше маны. Теперь, чтобы его насытить, мне приходилось скармливать этому проглоту почти в два раза больше крудов, которые он, к слову, поглощал теперь без особого удовольствия. В такие моменты мои мысли возвращались к черным крудам... Правда, я тут же отгонял их от себя. Слишком свежи еще были в памяти воспоминания о том неудачном эксперименте, чуть было не закончившимся для меня плачевно.

Для успокоения души я было попытался прикоснуться к одному из черных кристаллов, но золотой паразит отреагировал на эту попытку, мягко говоря, негативно. Меня окатило волной ненависти, страха и в то же самое время — нетерпения.

Причем все эти чувства были обоюдными. Две враждебные друг другу энергии, словно два старых противника, ждали удобного момента, чтобы напасть, когда один из них станет слабее. Золотой давал мне понять, что вступит в схватку только в том случае, если будет намного сильнее черного. И такой расклад меня полностью устраивал...

К полудню четвертого дня дождь немного поутих, и лагерь слегка ожил. Некоторые уже высказывали предположение, что послезавтра выглянет солнце и мы сможем продолжить путь. Разочаровывать их я не стал — Вайра сказала, что дождливая погода продлится еще неделю, как минимум. Эфирэль никогда не ошибалась.

В иной ситуации я бы сказал, что этот ливень нам здорово подгадил, но после того, как мы захватили весь обоз аталийцев, ситуация с продовольствием для войска была не такой катастрофической.

В общем, запасов у нас хватало. Кроме того, в десяти днях пути, не считая мелких поселений, находится Контерн, третий по величине город Бергонии, который я планировал захватить и пополнить там запасы.

Сегодня у меня был обход пациентов. Сперва я проверил самых тяжелых, не взирая при этом на титулы и

происхождение. Один из дворян маркиза де Гонди как-то раз попытался попенять мне за такое пренебрежение. Мол, у него, понимаешь, вывих, и он должен терпеть, пока я лечу какого-то простолюдина. И плевать, что там рубленая рана и раздробленные кости. Сперва дворяне, потом уже всякая чернь.

Я же в свою очередь довольно доходчиво объяснил наглому виконту, что не являюсь его личным целителем и намерен лечить только тех, кого посчитаю нужным. Вдобавок я посоветовал ему не отвлекать меня по всяким пустякам и вообще постараться не показываться мне на глаза, если он не хочет, чтобы я вылечил его вывих отсечением больной руки.

Если вначале я еще кое-как следовал неким правилам приличия в общении с дворянами из свиты маркиза, то в последнее время уже не церемонился с болванами подобными тому виконту.

Но были и те, кто спокойно ожидали своей очереди. Например, тот же маршал де Клермон.

Сегодня он ждал меня полулежа в кресле под широким навесом возле шатра. Закутанный в плащ из медвежьей шкуры, худой и бледный, издали герцог казался мне ребенком.

Судя по его решительному и цепкому взгляду, похоже, сегодня у нас состоится разговор, который назревал уже давно...

Бергония. Берег реки Мируар. Позиции войска маркграфа де Валье.

Эдуард де Клермон задумчиво смотрел на моросящий дождь и периодически с удовольствием вдыхал и вслушивался в тот особенный коктейль из запахов и звуков, которые есть в каждом военном лагере.

Сегодня он попросил Гийома вынести его на свежий воздух. Старый друг, не оставивший его, и, по сути, спасший ему жизнь, сперва повозмущался, но потом все-таки выполнил его желание.

Мысли в голове Эдуарда с каждым днем становились яснее, и короткая радость от спасения постепенно начала вытесняться мрачным осознанием суровой действительности.

Кем он вернется в столицу? Жалким неудачником, прозевавшим измену у себя под носом и потерявшим войско.

Король не простит ему поражения. Эдуард прекрасно знал характер Карла... В лучшем случае герцога ждет позорная отставка и отлучение от двора. В худшем... Впрочем, о плохом Эдуард старался не думать. По крайней мере не сейчас, когда чудесным образом ему вернули его жизнь.

Может, отлучение станет для него неким отдыхом. В кои-то веки он сможет спокойно заняться делами герцогства, а не торчать где-то на краю земли по велению короля. С наследником решить вопрос опять же...

Вспомнив о бедном Жане, герцог тяжело вздохнул. Ему еще предстоял очень тяжелый разговор с сестрой о ее сыне...

Из задумчивости Эдуарда вывело появление маркграфа де Валье. Гийом рассказал ему, что именно бастард де Грамона не позволил ему упасть в Бездну.

Сперва его зелья, которыми Эдуарда отпаивал Гийом, затем лечение, полностью уничтожившее ту черную мерзость. А сейчас эти чудесные золотые эликсиры... Кто же ты на самом деле, Макс Ренар? Откуда в тебе столько силы?

По сути, мальчишка — ровесник его покойного племянника, Ренар прибыл с небольшим отрядом наемников. А теперь он командует целой армией, которая постоянно растет и которая не потерпела ни одного поражения.

Эдуард уже успел услышать хвалебные речи Гийома о выигранных бастардом битвах. Кто знает... Может быть, все идет к тому, что они все стали свидетелями рождения нового великого полководца, имя которого в будущем будет упоминаться наравне с такими легендами, как Карл XIII Сокрушитель или Роберт II Мудрый.

— Как вы себя чувствуете, ваша светлость? — дружелюбно произнес маркграф де Валье, приблизившись к креслу герцога.

— Для человека, уже простившегося с этим миром, я чувствую себя необычайно живым, — ответил Эдуард. — За что и хотел вас снова поблагодарить, мессир.

— Уверен, на моем месте вы поступили бы точно так же, — скромно ответил Ренар. — Кроме того, без преувеличения хочу сказать, что вашим спасителем является граф де Леваль.

— Но те зелья он получил от вас...

— Он мог их получить от кого угодно, ваша светлость, — покачал головой Ренар. — Важно — на кого он их использовал.

— Похвальная скромность, — кивнул герцог, которому

понравился ответ Ренара. — Большинство ваших сверстников не обладают этой добродетелью.

— Благодарю вас, — кивнул маркграф и спросил: — Вы позволите осмотреть вас?

Получив согласие Эдуарда, Ренар положил свою правую ладонь ему на плечо и прикрыл глаза. Через некоторое время он их открыл и взглянул на Эдуарда.

— Болезнь отступает, — сказал он. — Если продолжите следовать моим рекомендациям, уже через месяц встанете на ноги.

— Страйкер... — негромко произнес герцог, внимательно глядя в глаза этого необычного парня. — Целитель... Истинный... Кто вы, мессир?

Эдуард уже догадывался, кем является Ренар. Достаточно было сопоставить все, что о нем говорили...

— Я — характерник, — спокойно ответил маркграф, опускаясь в соседнее кресло и с наслаждением вытягивая ноги.

— И, судя по отметинам на доспехах ваших воинов, ваша суть — лисья? — спросил Эдуард.

— О! — удивился Ренар, но Эдуарду показалось это удивление наигранным. — Вам приходилось иметь дело с одним из нас?

— В моем роду были характерники, — ответил Эдуард. — Тоже Лисы...

Он сказал об этом легко, словно о каком-то всем известном эпизоде из своего прошлого. Вроде свадьбы или рождения ребенка. Хотя на самом деле Эдуард всегда скрывал эту часть своей биографии. Быть потомком истинного, особенно в последние годы, было не самым модным положением при дворе.

Дар характерника, он, как и дар ведьмы, сам выбирает себе носителя. Ни отец Эдуарда, ни он сам, ни его сын Готье не были одаренными. Поэтому распространяться лишний раз о странностях рода герцог не спешил. Правда, Карлу он об этом поведал. И ему показалось, что король уже знал о секрете своего лучшего друга.

Кстати, Ренара его откровения тоже не удивили.

— Полагаю, отсюда и название моего замка, — полуутвердительно-полувопросительно произнес Ренар с улыбкой. — Замка, который вы продали моему отцу?

— Верно, — кивнул Эдуард, тщательно скрывая неприязнь при упоминании ненавистного Грамона. — Выходит, кто-то из ваших предков по материнской линии был характерником? Потому что о Грамонах ничего такого я не слышал.

— Скорее всего, — пожал плечами Ренар. — Только об этом мне никто не рассказывал. Я, знаете ли, являюсь изгоем для обоих родов. Впрочем, такова судьба почти каждого бастарда.

Эдуард понимал, что в данную минуту происходит что-то необычное. Этот странный и откровенный разговор... Эта спокойная и даже ленивая реакция на него Ренара... Словно речь сейчас шла не о его родственниках, а о каких-то посторонних людях. Ему, похоже, плевать и на родичей графов и на родичей купцов.

А еще чутье подсказывало герцогу, что от этого разговора будут зависеть их будущие отношения. Не их родов, а личные взаимоотношения Эдуарда де Клермона и Максимилиана де Валье. Станут ли они врагами, друзьями или просто союзниками — решается прямо сейчас, пока они сидят в креслах под шум бьющих по навесу шатра капель дождя.

Похоже, этот парень намного проницательней, чем Эдуард о нем подумал сначала.

— Грамоны — мои враги, — негромко, но твердо произнес Эдуард. — Ваш отец виновен в смерти моего сына.

— Сочувствую вашему горю, — произнес Ренар. — Не должны сыновья уходить раньше своих отцов. А что касается Грамонов... Отец и братья уже понесли наказание за свое преступление. Ну, а тетушка и дядя, насколько мне известно, выступили на стороне короля. Соответственно — и вашей... Остаюсь я. Но о моей невинности в заговоре против его величества свидетельствуют допросные листы, хранящиеся в тайной канцелярии.

— Вы — сын своего отца, — произнес Эдуард.

— Попавший в плен к аталийцам виконт де Англанд тоже сын своего отца, — пожал плечами Ренар. — Но разве он виноват в том, что граф де Англанд, его отец, предал своего короля и вас, ради спасения жизни своего сына?

Эдуард встrepенулcя и нахмурился.

— Откуда вам это известно?

— Я в последнее время часто общаюсь с принцем Адрианом, — ответил Ренар.

— Это уже не важно, — покачал головой Эдуард. — Король не простит предательства этому роду.

— Но виконт де Англанд никого не предавал, — спокойно произнес Ренар. — Как, собственно, и я. Мы оба являемся заложниками поступков наших отцов. Правда, вынужден признать, это единственное сходство между мной и виконтом. В остальном мы очень разные.

Эдуард заметил легкую улыбку на лице молодого человека. Ему почему-то прямо сейчас вспомнилась его покойная дочь. Кристина тоже вот так улыбалась, когда вспоминала что-то забавное из прошлого.

— Если виконт невиновен, король будет милостив к нему, — ответил Эдуард. — Его величество — справедливый правитель.

— А вы — справедливый? — неожиданно спросил Ренар. — Способны ли вы перестать считать меня своим врагом?

От ледяного взгляда по спине Эдуарда невольно пробежал холодок. Герцог понимал, что прямо сейчас находится в шаге от Бездны. Одно легкое прикосновение — и Ренар просто остановит ему сердце. И никто даже не подумает о нем, как об убийце. Эдуард просто умрет от разрыва сердца.

Но герцог не боялся смерти, и Ренар, похоже, знал об этом. Поэтому Эдуард понимал, что маркиграф не угрожает ему и не пытается давить. Он просто хочет определиться, кто перед ним — враг или друг.

— Я более не считаю вас врагом, — абсолютно искренне произнес Эдуард и, судя по взгляду Максимилиана, тот это понял. — Но и другом я вас не считаю тоже. Теперь я — ваш должник.

— Мне этого достаточно, ваша светлость, — сказал Ренар и поднялся с кресла.

Перед уходом он произнес:

— Как ваш лекарь, я не рекомендую долго находиться на холоде. Даю вам еще час, а потом будьте добры вернуться в тепло.

Учтиво поклонившись, маркиграф легкой походкой двинулся в сторону следующего шатра, где находились раненые.

Проводив его взглядом, Эдуард, наконец, смог вздохнуть глубже. Оказывается, все то время, пока они разговаривали, он сдерживал дыхание.

Чем больше он общался с этим необычным молодым

человеком, тем больше у него возникало вопросов. Например, Эдуарда заинтересовала история продажи графу де Грамону Лисьей норы, о которой только что упомянул Максимилиан.

Этой сделкой занималась Луиза, поэтому Эдуард ничего не помнил о том деле. Тем более, что герцог был тогда в походе. Супруга просто сообщила, что решила продать замок, потому что он напоминал ей о смерти Кристины.

Эдуард тогда согласился с Луизой, потому что и сам чувствовал что-то подобное. Кроме того, ему тот замок никогда не нравился, еще с детства, так что он в какой-то мере даже был рад, что супруга решила избавиться от него.

Правда, у Эдуарда появился еще один вопрос к жене... Как так вышло, что его старый родовой амулет с головой лиса, передававшийся в его семье по наследству, который он подарил Кристине и который со слов Луизы был утерян, висит сейчас на шее Максимилиана де Валье?

Глава 21

План добраться до Контерна за десять дней провалился. Королевский тракт заметно отличался от имперского. Здесь уже чаще попадались поселения, в которых нас встречали не как врагов, а, скорее, как освободителей, поэтому продвижение нашей армии значительно замедлилось.

Со мной хотели встретиться и поговорить те, кто находились во главе этих поселений. Людям было важно узнать, что их ждет в будущем. Кто победит в этой войне. Вестонцы или аталийцы.

Из этих встреч я вынес главное. Бергонцы не хотели быть под Аталией. Главная причина — это Красные плащи.

На одной такой встрече староста довольно большой (на тридцать дворов) деревни Монтелаго высказал общее мнение. Мол, одно дело, когда конфликт происходит между дворянами. Тогда простолюдинам ничего не остается, как ждать, кто из аристократов возьмет верх. Им ведь, как ни крути, все равно, кому налоги платить. Главное, чтобы их сильно не трогали. Но совсем другое дело, когда в поселения и города приходят жрецы-фанатики из Алого храма и начинают творить безобразия. Еще можно смириться, если те сожгут на костре одну или двух ведьм. Пускай горят... Это даже хорошо. Ведьм никто не любит. Но когда они начинают разрушать местные храмы и запрещать молиться Праотцу и Праматери — такого бергонцы терпеть не намерены...

В общем, к вестонцам местные были более лояльны. Те, хоть и безобразничали, но на веру и храмы не покушались. А людей из моего войска, которое больше чем наполовину состояло, пусть и из горцев, но, по сути, таких же бергонцев, так и вообще принимали за своих.

Поэтому, когда на королевском тракте начали появляться разрозненные отряды аталийцев, бежавших после поражения у реки Мируар, весть о нашем войске разлетелась по округе, словно пожар по степи.

В том, что это войско движется на соединение с армией вестонского принца, о которой местные уже тоже знали, чтобы слитным ударом покончить с легионами Золотого льва, никто из них не сомневался.

Монтелаго, кстати, была первой деревней на нашем пути.

Староста, вместо того чтобы уйти со всеми жителями в леса, возглавил небольшое посольство из самых уважаемых жителей и на свой страх и риск двинулся нам навстречу, прихватив с собой пару телег с продовольствием.

После того как я его благосклонно принял, выслушал и гарантировал безопасность всех его людей, а в конце еще и хорошо заплатил за привезенное продовольствие, такие посольства начали прибывать к нам каждый день.

Где-то на третьи сутки нашего марша по королевскому тракту к нам начали присоединяться небольшие вооруженные группы людей из местных, увеличившие численность нашего войска еще на почти полторы тысячи человек.

Среди них были как простые вооруженные чем попало бергонцы, которых нам пришлось довооружать, благо трофейного оружия и доспехов было еще на одну армию, так и мелкие дворяне со своими небольшими отрядами. Последние были экипированы получше и в большинстве своем передвигались верхом.

С появлением бергонских дворян маркиз де Гонди, а также другие аристократы из его свиты развили активную деятельность по привлечению тех в свой отряд.

Судя по докладам Вайры, которая была моими ушами, представители герцогов де Гонди и де Бофремона осыпали новоприбывших щедрыми обещаниями получения самых лакомых кусочков земли в Бергонии после победы над Золотым львом. И я должен заметить — у них это неплохо получалось.

Меня по вполне объяснимым причинам бергонские аристократы воспринимали как бастарда-выскочку, которому по какой-то непонятной им причине вдруг улыбнулась удача. А удача, как известно, дама переменчивая и капризная. Сегодня она тебе благоволит, а завтра отворачивается от тебя, будто от незнакомца.

Да, они прекрасно понимали, что я сильный одаренный и что мне повинуется все это разношерстное войско, но дома Гонди и Бофремонов — старейшие и влиятельнейшие в Вестонии, да и, пожалуй, на всем материке. Шанс стать союзниками этих могущественных семей выпадает лишь один раз в жизни. В прежние времена на каких-то мелких дворян из небольшой горной страны представители герцогов даже не посмотрели бы. А тут вокруг них чуть ли не в пляс пускаются.

В итоге, не удивительно, что среди бергонских дворян было много тех, кто поверил в эти обещания, и отряд маркиза де Гонди за семь дней постепенно разросся до двух с половиной сотен всадников. А на десятые сутки он вырос почти до трех сотен, когда к нашей армии присоединился граф Робер де Лаквер с его четырьмя десятками бойцов, с которыми он отсиживался у себя в замке где-то на востоке страны.

С этим графом у меня сразу же не сложилось. Оказывается, мы с ним уже виделись. В Нортланде. Правда, я его не запомнил. Он сопровождал своего родича по материнской линии, графа Этьена де Морне.

По понятным причинам этот человек не питал ко мне симпатии. И это мягко говоря. Однако человеком он был хитрым и очень осторожным, поэтому со мной он был предельно учтив.

Когда он со своим отрядом присоединился к маркизу де Гонди, меня это не удивило. Было забавно наблюдать, как вокруг него сразу же закрутили свои хороводы представители герцогов.

Когда численность его отряда выросла до трех сотен, маркиз де Гонди, набравшись смелости, попытался было диктовать мне условия. Его не устраивала скорость, с которой двигалось мое войско, а еще ему не понравился мой план — брать под контроль все поселения на нашем пути.

В особенности он был против будущей осады такого крупного и хорошо защищённого города, как Контерн. По его мнению, мы должны были без остановок спешить на соединение с армией его отца, чтобы поскорее расправиться с Золотым львом. И уже после победы над аталийскими легионами можно было думать об осадах городов.

Объяснять маркизу недопустимость наличия в тылу такого незахваченного города, как Контерн, я не стал. Мне было жалко моего времени, которое я мог потратить на более важные дела. Поэтому я просто поставил его перед фактом, что осада Контерна состоится, хочет того маркиз или нет.

Де Гонди было возмущен, но я уже в который раз посоветовал ему, раз уж он так торопится, отправляться вместе со своим отрядом вперед, на соединение с его героическим батюшкой. А мое войско, тем временем, будет действовать по ранее намеченному плану, отклоняться от которого я не

намерен. Тем более, что этот план целиком и полностью одобрен и поддержан маршалом де Клермоном и графом де Левалем.

Последний, кстати, отправился со мной и принял командование над легионерами, чем здорово облегчил жизнь мне и Самюэлю Кронеру, которому было сложно справляться с капитанами других когорт, считавших себя равней ему.

Старый генерал было пытался остаться возле маршала и поехать с ним в Сапфировую цитадель, но герцог де Клермон повелел ему помочь мне довести эту военную кампанию до логического финала.

После откровенного разговора с маршалом де Клермоном последующие наши беседы до самого его отъезда касались будущей битвы с Золотым львом.

Герцог присутствовал на всех наших военных советах, чем первое время здорово смущал моих командиров. Еще недавно они были простыми капитанами когорт, а теперь сам маршал де Клермон внимательно, не перебивая выслушивал их предложения. И — о, чудо! — даже соглашался с некоторыми.

На самом деле старик серьезно мне помог своими советами и, сам того не подозревая, на многое открыл мне глаза. В особенности это касалось будущих действий всех главных игроков, а именно: Карла Третьего, Альфонсо Пятого, герцогов де Гонди и де Бофремона, и, в том числе, Золотого льва.

Должен заметить, что отношение маршала ко мне немного изменилось. Не кардинально, но заметно. Я больше не ощущал холодной неприязни, всегда исходившей от него по отношению ко мне. Внешне он никак этого не показывал, но не с моим чутьем пропускать такое.

Теперь же что-то изменилось. Думаю, причина в том разговоре, что состоялся между нами несколько дней назад. Старик не соврал — от него более не исходило враждебности. Ей на смену пришло, скорее, любопытство и интерес. Много раз я вскользь ловил на себе его задумчивые взгляды. И у него в такие моменты было такое выражение лица, словно он видел меня впервые в своей жизни.

А вообще, герцог де Клермон заметно изменился. И неудивительно — сперва поражение, потом ранение. Позднее граф де Леваль мрачно поведал мне, что маршала в столице не ждет ничего хорошего. Скорее всего, король отлучит герцога де

Клермона от двора и прикажет ему отправиться в одно из своих владений. По сути, это будет ссылка. Иначе, если поражение маршала останется без должной реакции со стороны Карла, остальные аристократы этого не поймут.

В том, что герцогу де Клермону придется в столице несладко, я убедился уже сейчас. По тому, как к нему относились маркиз де Гонди и его прихлебатели. Презрительные взгляды, практически полное игнорирование — как будто и не было за спиной прославленного вестонского маршала всех его побед. Но нужно отдать ему должное — герцог де Клермон отвечал им тем же.

Перед отъездом на прощание старик пожелал мне удачи, а также пригласил меня посетить его владение. При этом упомянул, что его супруга наверняка будет очень рада лично поблагодарить спасителя ее мужа. На этой вполне себе положительной ноте мы и попрощались. Когда повозка с полулежащим в ней герцогом отъезжала, я еще долго чувствовал на себе его пронзительный задумчивый взгляд.

* * *

Под стены третьего по величине города в Бергонии мы прибыли только на пятнадцатые сутки.

Как я уже знал, Контерн являлся крупным экономическим и стратегическим центром в этой части страны с населением около двадцати тысяч человек. Правда, это довоенные данные. Сейчас там осталось от силы тысяч восемь-десять, не больше. Да и то, в основном, женщины, дети да старики.

Контерн до войны был известен своими оживленными рынками, где можно было найти товары со всего королевства и из-за его пределов. Город окружали высокие каменные стены и сторожевые башни. В центре возвышался некогда величественный, а сейчас полуразрушенный донжон, видимо, служивший когда-то резиденцией местного бургомистра и командным пунктом для городского гарнизона.

Чем ближе мы подъезжали, тем непрезентабельней выглядели крепостные стены и башни. За последний год Контерн пережил несколько штурмов поэтому был изрядно потрепан. Его жители выглядели не лучше.

Делегация от Контерна, состоявшая из нескольких десятков

глав городских гильдий, встретила нас в дне пути. После уже стандартных переговоров, на которых я пообещал безопасность жителям, мне были вручены символические ключи от города. Так что сейчас ворота были открыты настежь, и нас встречала пестрая и радостная толпа горожан.

Женщины и детвора с улыбками на лицах и с сосновыми веточками в руках создали некий живой коридор, сквозь который и проехала наша делегация. Войско тем временем встало лагерем у стен города. Я решил дать трехдневный отдых людям перед финальным марш-броском.

Двигаясь вдоль искренне радующихся людей, мы выехали на центральную площадь, где нашему взору предстала длинная виселица, на которой, покачиваясь, висели трупы аталийских офицеров, командовавших небольшим гарнизоном.

От облепленных мухами и вороньем тел ощутимо несло мертвечиной. И этот отвратительный дух распространялся по всей площади.

Я понимал, что главы гильдий, восставшие против аталийского гарнизона и взявшие власть в свои руки, специально не снимали повешенных, дабы мы воочию убедились в их лояльности. Другими словами, они полностью брали ответственность за произошедшее на себя, тем самым сообщая всем и каждому, что этот город теперь управляется гильдиями, а не дворянами.

Последние, к слову, висели рядом с аталийцами. Главы города объяснили нам, что повешенные бергонские дворяне были коллаборантами и полностью поддерживали власть Красных плащей.

Вид болтающихся на виселице бергонских аристократов маркизу де Гонди и его окружению очень не понравился. Некоторые из них громко выкрикивали проклятия и хватались за рукояти мечей, ведь среди трупов были и их знакомые.

С одной стороны, я их понимал — по местным понятиям простолюдины не имеют права казнить дворян. Тем более, такой позорной казнью. Случившееся в корне рушит сложившийся порядок вещей. Управляй войском маркиз де Гонди, город бы уже пылал, а главы гильдий заняли бы места казненных бергонских вельмож. И не важно, кого те поддерживали — аталийцев или вестонцев. Не простолюдинам решать их судьбу.

Я понимал возмущение дворян, но не принимал его. На мой взгляд, горожане являются истинными хозяевами Контерна и вполне логично, что они казнили всех предателей, поддерживавших аталийцев и жрецов-фанатиков, которые целый год издевались над ними.

Возмущение дворян не укрылось от внимания жителей города, и нашу делегацию начали постепенно обступать вооруженные люди из городского ополчения.

Ситуация накалилась. Праздничный вечер грозил перерасти в кровавое побоище. Должен заметить, главы города заметно струхнули. Похоже, они и сами не ожидали, что демонстрация виселиц спровоцирует конфликт. Ведь если прямо сейчас толпа набросится на нашу делегацию, войско за стеной в течение нескольких часов зальет кровью все улицы города.

Мне пришлось запрыгнуть на помост рядом с виселицами и толкнуть пространную пламенную речь, которую вся площадь выслушала молча. Я не оправдывал решение горожан, но и не поддержал порыв дворян. Я говорил об общем враге, что пришел на эту землю, о том, что только вместе мы сможем победить захватчиков.

Особое внимание я уделил жрецам из Алого храма с его мерзким культом, красочно расписав все их злодеяния. Говорил я громко, долго и уверенно. Даже сам не ожидал от себя такого напора. Люди этого мира, в отличие от моего родного, совершенно не искушены подобными зрелищами. Хотя даже в моем родном мире сильный оратор, искусно жонглирующий фактами, домыслами и пропагандистскими тезисами, способен запудрить мозги кому угодно. Когда я закончил и обвел замолкшую толпу внимательным взглядом, то заметил, что даже дворяне больше не хватались за мечи.

Уже в конце я предложил снять трупы и похоронить их согласно местным обрядам. В общем, конфликт был исчерпан. По крайней мере, временно. Хотя я понимал, что жителям Контерна дворяне не простят смерть аристократов. Но это уже будет не моей проблемой.

Ночь прошла без конфликтов, а на утро меня и моих людей проводили до Шато де Вертмар, небольшого замка, находившегося в окрестностях Контерна, который был временной ставкой Золотого льва.

Небольшой гарнизон аталийцев, охранявший замок,

покинул его, когда запахло жареным, забрав все самое ценное. На данный момент Шато де Вертмар пустовал. Горожане уже побывали здесь и вынесли все, что не забрали аталийцы.

Нетронутым осталось подземелье, вход в которое был запечатан магией. После внимательного осмотра я пришел к выводу, что неизвестный артефактор создал что-то вроде центрального манозамка. Аналог электронного замка из моего мира.

Золотой паразит довольно быстро высосал всю ману из энергоканалов, и мы получили доступ к тому, что прятал маршал ди Лоренцо.

Когда дверь открылась, первое, что мы ощутили, это ударивший в нос отвратительный запах нечистот, немых человеческих тел и гниющей плоти.

Спустившись по каменной винтовой лестнице, мы оказались в длинном подземелье, вдоль стен которого тянулись клетки с запертыми в них людьми. Многие из них, судя по тяжелому трупному запаху и безжизненным энергосистемам, были уже мертвы.

Пока я медленно шел вдоль решеток, мои люди начали сбивать замки и вытаскивать полуживых узников наружу. У самой дальней клетки я остановился и вгляделся в худое серое лицо одного из заключенных. Этот бедолага был еще жив. Он лежал на полу в ворохе какого-то полусгнившего тряпья у стены и внимательно следил за каждым моим шагом.

Грубые черты лица, сухие губы, потухший взгляд темных глаз и неимоверно длинный нос — я знаю только одного человека с таким носом.

Когда по моему приказу один из моих бойцов сбил замок и открыл клетку, я вошел внутрь и присел на корточки в шаге от узника. Кажется, в его взгляде мелькнуло узнавание. Его глаза широко распахнулись, и он попытался пошевелиться.

Незаметно сформировав алое плетение, я направил его на узника, а потом с улыбкой произнес:

— Виконт де Англанд собственной персоной! Кто бы мог подумать, что судьба сведет нас снова, да еще и в таком месте?

Глава 22

Бергония. Западное Предгорье. Долина Холмов. Военный лагерь аталийских войск.

После почти двух недель непрекращающегося ливня над Долиной холмов, где был разбит лагерь аталийских войск, наконец засияло солнце.

Правда, оно было не таким теплым и нежным, к какому привык Рикардо ди Лоренцо, родившийся и выросший на юге Аталии. Сидя у себя в шатре, каждая вещь в котором пропиталась этой ненавистной ему сыростью, маршал Аталии, прозванный Золотым львом, с грустью вспоминал о Коста дель Соль, своих владениях на берегу моря, где у него была великолепная вилла, построенная из розового мрамора.

Свежий хлеб, лучшее в мире оливковое масло, южное аталийское вино, теплые морские закаты в компании обнаженных рабынь с бархатной кожей и янтарными глазами — как же всего этого сейчас не хватало Рикардо.

Он сидел в своем походном кресле, укутавшись в пропахший сыростью шерстяной плащ, тщетно пытаясь при этом согреться возле жаровни. Впрочем, настроение у герцога ди Лоренцо было испорчено не только из-за мерзкой погоды. Главной причиной его отвратительного состояния была полученная сегодня утром весть о разгроме войска герцога ди Спинолы. Военная кампания, план которой, как ему казалось, был тщательно продуман, грозила закончиться совершенно не так, как рассчитывал Рикардо. И во всем был виноват какой-то неизвестный доселе герцогу мальчишка-бастард...

Первую победу этого маркграфа де Валье Рикардо воспринял как случайность или просто удачное стечение обстоятельств. Но со временем, с каждым новым донесением о продвижении войска этого бастарда и очередной его победой герцог ди Лоренцо начал относиться к этому человеку с большим вниманием и воспринимать его как опасного врага.

Когда-то очень давно Рикардо, еще будучи мальчишкой, путешествуя вдоль берега на галере своего деда, тогда еще герцога ди Лоренцо, наблюдал в море настоящую драму. Огромная серая акула решила поохотиться на белобрюхого дельфина, самого маленького представителя этого вида.

Тот, видимо, отбившись от своей стаи, изо всех сил пытался сбежать от гигантской хищницы, но каждый раз зубастая тварь оказывалась у того на хвосте. Лишь только благодаря неимоверным усилиям и ловкости, дельфину удавалось спастись от острых зубов хищницы.

Рикардо до сих помнил, что чувствовал в тот день. С одной стороны, он с замиранием сердца следил за рывками и кульбитами дельфина, но с другой стороны, он в глубине души желал серой хищнице удачи и, сгорая от нетерпения, ждал того самого момента, когда гигантские челюсти, наконец, захлопнутся на теле беглеца, и море окрасится в алый цвет.

Но его ожиданиям не суждено было сбыться. Когда движения акулы стали менее резкими и быстрыми, в их противостояние неожиданно вмешались еще несколько десятков белобрюхих дельфинов, появившихся словно из ниоткуда.

Они набросились на гигантскую хищницу со всех сторон и буквально через несколько минут та, которая вот-вот должна была перекусить пополам маленького и юркого дельфина, сама стала добычей.

Когда юный маркиз ди Лоренцо, ошарашенный увиденным, обратил свой взор на деда, то заметил на его лице хитрую усмешку.

— Что? — подмигнул ему тогда герцог ди Лоренцо. — Думал, всё? Пришел конец дельфину?

Видимо, на лице Рикардо все было написано, поэтому его дед громко расхохотался.

— Что это было? — спросил Рикардо.

— Серая акула заплывла на территорию белобрюхих, — отсмеявшись, ответил герцог. — Их детеныши оказались под угрозой, вот они и устроили ей ловушку. Тот мелкий сперва измотал хищницу, а потом стая набросилась на нее.

— Ты знал, что все так закончится? — озадаченный реакцией старого герцога, спросил тогда Рикардо.

— Исход этой битвы, — пожал плечами герцог, — как и любой другой, никто не может предугадать с полной уверенностью. Думаю, на такое не способны даже боги... Иначе между ними никогда не было бы битв... Но вот что ты должен помнить всегда... Если недооценишь врага, можешь, как та акула, стать добычей.

Урок, который ему преподал дед, Рикардо ди Лоренцо запомнил на всю жизнь. Появившийся из ниоткуда маркграф де Валье, как тот мелкий белобрюхий дельфин, очень быстро обзавелся довольно большой стаей, которая, чтобы обезопасить себя и свои семьи, вознамерилась убить серую акулу...

Полог шатра приподнялся, и в проеме показалась голова Тони Наппо, личного секретаря герцога ди Лоренцо.

— Ваша светлость, — негромко обратился он к своему господину, вырывая того из мрачных мыслей. — Генералы, по вашему приказу, собрались.

— Пусть войдут, — кивнул герцог и, сбросив с плеч плащ, довольно бодро поднялся с кресла. — И прикажи подать теплого вина, как я люблю... Пряностей и меду побольше пусть добавят. Мне надо взбодриться. Эта проклятая сырость меня когда-нибудь доконает.

— Слушаюсь, ваша светлость, — поклонился Тони Наппо и исчез за пологом.

Спустя несколько мгновений полог снова был отодвинут, и в шатер стали входить генералы Золотого льва. Самые преданные и верные его люди.

Первым порог переступил граф Антонио ди Сальва. Низкорослый, черноволосый, бородатый, с темными глазами и орлиным носом — он происходил из древнего рода всадников-южан, два века назад присягнувших предкам герцога ди Лоренцо.

Преданней и послушней вассалов у Рикардо не было. Правда, все представители рода Сальва славились буйностью и жестокостью характера. Но Рикардо, как и его предки, умел извлекать из этой их особенности пользу. Генерал ди Сальва, как и все его предки, был прекрасным наездником и командовал тысячей тяжелых всадников.

Вторым в шатер вошел граф Серхио ди Алькарас. Он, как всегда, был холоден и молчалив. Этот невысокий семидесятилетний старик с бледным лицом и непроницаемым взглядом серых глаз был родным дядей Рикардо по материнской линии. Он командовал первым легионом.

Следом за ним шел его старший сын и кузен герцога ди Лоренцо, виконт Карло ди Алькарас. В отличие от своего отца, он был высок и широкоплеч. На его загорелом красивом лице играла хитрая улыбка, а в голубых глазах горел огонь

предвкушения будущей битвы. Карло был дерзким и смелым, но, вместе с тем, хитрым и расчетливым. Именно благодаря этим качествам, он и стал генералом второго легиона.

— Садитесь, — произнес Рикардо, указывая своим людям на стулья вокруг широкого стола, на котором была расстелена карта Бергонии. — Сейчас принесут теплое вино и закуски.

— Отлично! — тут же отозвался Карло ди Алькарас и потер ладонями. — Эта мерзкая сырость, кажется, проникла мне под кожу. Как они здесь живут?

— Какую весть принес гонец? — не обращая внимания на сына, спросил граф ди Алькарас. — Судя по твоему лицу, она не из приятных.

— Войско ди Спинолы разбито, — решил не тянуть Рикардо и опустился на стул во главе стола. — Он в плену у бастарда. Как и принц Адриан...

— Раздери его демоны! — воскликнул Антонио ди Сальва, плюхнувшись в кресло. — Проклятый бастард! Я бы сейчас задушил его собственными руками!

Рикардо переглянулся с Карло и отрицательно покачал головой. Кузен любил подтрунивать над вспыльчивым Антонио. Обычно такие перепалки заканчивались ссорами. Правда, потом эти двое всегда мирились, но позднее. Сейчас, перед скорой битвой, когда каждая мелочь важна, ничего такого не должно произойти. Глупые ссоры не ко времени. Обоим уже за сорок, а до сих пор иногда ведут себя, как когда-то в юности.

Герцог ди Лоренцо уже примерно представлял, о чем хотел сказать Карло. Наверняка в своей ехидной манере напомнить Антонио о том, что он — простой человек, а бастард, которого он собрался душить голыми руками, по слухам, — один из сильнейших авантюристов на материке.

— Адриан, значит, у него? — задумчиво произнес граф ди Алькарас. — В другой ситуации я, может быть, порадовался бы такому стечению обстоятельств. Но сейчас, наверняка, к нам уже скачет посланник от этого болвана Альфонсо с приказом начать переговоры...

— Все планы псу под хвост... — зло рыкнул граф ди Сальва.

— Ты ничего не сказал о Марко... — произнес виконт ди Алькарас. — Его легион сейчас нам очень пригодится.

Рикардо тряхнул своей львиной гривой и тяжело выдохнул.

— Третьего легиона больше нет, — мрачно произнес он. —

Граф ди Милато пал.

В шатре на мгновение повисла тягостная тишина, а потом граф ди Сальва и виконт ди Алькарас разразились ругательствами.

— Каковы потери бастарда? — Рикардо показалось, что в голосе дяди послышались нотки надежды.

— Незначительные, — вынужден был снова разочаровать всех маршал ди Лоренцо.

— Значит, весь север Бергонии сейчас под ним?

— Да, — кивнул Золотой лев и добавил: — По моей информации он захватил Контерн и сейчас, наверняка, уже движется со своим войском сюда.

Все переглянулись. По мрачным лицам своих соратников Рикардо понял, что был прав, когда начал продумывать новый план. Его дядя тут же заметил, что племянник что-то задумал.

— Я так понимаю, — начал он, прищурившись, — план захватить Бергонию, а затем и Вестонию ты решил отложить до лучших времен?

Рикардо легко распознал облегчение в голосе графа ди Алькараса. Ситуация складывалась не в их пользу и, если главнокомандующий не прислушается к голосу разума, все может закончиться катастрофой.

— Да, — вздохнул герцог, который всегда славился гибкостью ума и способностью подстраиваться под сложившуюся ситуацию. — Эта война для нас зашла в тупик. Я думал, что все предусмотрел, но кто мог знать, что в игру вступит какой-то неизвестный бастард. Пока мы брали под контроль королевский тракт, а также юг Бергонии, он взял, — и с легкостью разгромил этого идиота ди Спинолу, а еще значительно сократил численность Красных плащей. Одна смерть Серого жнеца чего только стоит... Хваленые Багряные рыцари не смогли удержать то, что им было преподнесено практически на блюде.

Все снова переглянулись. Теперь на их лицах появились несмелые улыбки. И если Антонио и Карло еще только догадывались к чему клонит их предводитель, то более опытный граф ди Алькарас уже все прекрасно понял.

Тем временем Рикардо поднялся со стула и склонился над картой. Взяв в руки длинную указку из кости теневой твари, искусно украшенную золотом и драгоценными камнями, он

стал водить ее кончиком по карте.

— Как я уже сказал, план захвата Бергонии и Вестонии провален, — спокойным и твердым голосом, как он это всегда делал в такие моменты, Золотой лев начал озвучивать свой новый план. — Впереди нас ждет армия принца Филиппа, сзади подпирает войско маркграфа де Валье. Мы впервые за все это время оказались в меньшинстве. Значит, на данный момент первейшая наша задача — это сохранить нашу армию и вернуться в Аталию. Уйдем по южному тракту после битвы с войском принца Филиппа. Продовольствия не много, но, уверен, — нам должно хватить. Когда перейдем границу, уже будет полегче.

— У нас ведь есть еще время уйти по южному тракту без столкновения с армией принца, — потер подбородок Карло. — Разведчики докладывали, что вестонцы не особенно торопятся идти вперед. Еще и эти проклятые дожди.

— Верно, — кивнул Рикардо. — Герцоги де Гонди и де Бофремон ждут войско бастарда. Не сильно ошибусь, если предположу, что они хотят, чтобы маркграф де Валье принял первый удар наших легионов на себя. И да, ты прав. Мы можем успеть проскочить на южный тракт, не вступая с ними в битву. Но тогда у нас возникнет серьезная проблема. Когда оба войска воссоединятся, куда они направятся?

— Они практически на наших плечах перейдут через границу и окажутся на нашей земле, — качая головой, произнес граф ди Алькарас. — Если мы притащим за собой вражескую армию, этого нам никто не простит. Кроме того, мы сами потеряем много людей. У бастарда несколько многочисленных стай оборотней, которые вместе с кавалерией герцогов усложнят наш путь. В том, что и де Гонди и де Бофремон захотят пограбить наши земли, я даже не сомневаюсь. А уж бергонцы как будут рады...

— Дядя прав, — произнес Рикардо, кивнув в сторону старого графа. — Поэтому мы в любом случае должны использовать оставшееся у нас время с умом и напасть первыми, пока их войска не соединились.

— А что, если мы дадим бой бастарду? — спросил ди Сальва. — Его войско плохо обучено. У него почти нет настоящих легионеров. Дикие горцы, горожане и крестьяне против лучших легионов Аталии — им не выстоять даже если

нас будет меньше.

— Я тоже за то, чтобы дать бой бастарду, кузен, — произнес Карло. — Мы легко разобьем сброд, который он собрал со всех грязных углов этой дикой страны. А у герцогов — тяжелая конница, мы положим много наших людей.

Рикардо посмотрел на графа ди Алькараса.

— Дядя, ты тоже так считаешь?

Тот немного помолчал, а потом своим бесцветным голосом произнес:

— Нет... Мы, как и планировали изначально, должны дать бой принцу Филиппу. Повторюсь, мы готовились к этой битве. А сражаться с непредсказуемым противником будет ошибкой.

Антонио и Карло почти одновременно разочарованно выдохнули. Они и раньше были против затеи герцога — выходить против тяжелой конницы. Поэтому, когда появилась альтернатива, они оба тут же ухватились за новый вариант.

— Значит, решено, — поставил точку в обсуждении маршал ди Лоренцо. — У нас все готово к битве с герцогами. Кроме того, если сейчас двинемся назад, конному войску принца Филиппа будет проще ударить нам в спину, а вот у бастарда так быстро добраться до нас не получится.

— Почему ты так уверен, что бастард после битвы не последует за нами? — спросил Карло.

Герцогу понравилось, что кузен, несмотря на несогласие в выборе противника, не ставил под сомнение их победу, которая может и не состояться.

— Такого варианта я не исключаю, — ответил герцог ди Лоренцо и тут же добавил: — Но что-то мне подсказывает, что ему и без нас будет чем заняться. Ведь он, по сути, останется единственной силой в Бергонии. Здесь еще столько городов и поселений, которые нужно будет взять под контроль. В его руках окажется целая бесхозная страна. Правда, ненадолго. Потому что, пока он здесь будет несколько лет наводить порядок, мы тем временем вернемся домой и используем все добытое нами золото и серебро для формирования новых легионов.

— Ты так уверен, что жрецы будут спокойно на это смотреть? — со скепсисом в голосе спросил Карло.

— После того, что им устроил этот бастард, жрецам только и останется, что скрипеть от злости зубами, — усмехнулся

Золотой лев. — Они потеряли много рыцарей, в том числе страйкеров. Их влияние в стране впервые за многие десятилетия ослабло. Последнее время они вели себя, как хозяева, и, как следствие, отдавили много мозолей. Я уже давно веду переписку с магистрами аталийских магических гильдий. Уверен, маги поддержат меня и мои начинания.

— А король? — со скепсисом в голосе, спросил Карло. — Думаешь, он позволит тебе усилиться?

— Альфонсо слаб, — презрительно поджав губы, произнес герцог ди Лоренцо. — Мы так долго смотрели в сторону других стран, что совершенно перестали думать об Аталии. Зачем нам сейчас Вестония или Бергония, когда на троне нашей родной страны сидит кукла, потерявших силу жрецов? Через слабого короля нами правит слабый орден. Мы должны восстановить справедливость!

— И каким же образом? — спросил граф ди Алькарас.

— Посадить на трон принца Адриана, например, — ответил герцог.

— Ты же не забыл, что он сейчас в плену?

— Ты ведь сам понимаешь, что он там пробудет не вечно, — ответил маршал ди Лоренцо. — Знаю, что вы думаете — Адриан никогда не был нам другом. Но, во-первых, своего папашу он любит не больше, чем нас, и наверняка спит и видит, как бы поскорее примерить себе на макушку корону Аталии. А о жрецах я вообще молчу. Достаточно вспомнить ту историю с его возлюбленной виконтессой, которая таинственным образом исчезла. Уже никто не сомневается в том, что это жрецы постарались убрать неуютную им возлюбленную принца, чтобы женить его на девушке из лояльного Алому храму рода. И во-вторых, у нас будет, что предложить наследному принцу. Именно поэтому нам нужно сохранить армию и, как можно скорее, вернуться в Аталию. Но сперва мы должны убрать с нашего пути войско принца Филиппа. Так что готовьтесь! Выступаем завтра на рассвете. И действуем по плану!

Глава 23

**Бергония. Западное Предгорье. Долина холмов.
Расположение армии принца Филиппа.**

Принц Филипп сидел на своем походном троне и очень старался делать вид, что внимательно слушает докладчика. В главном шатре было многолюдно, свой походный трон, твердый и неудобный, принц ненавидел, а докладчик, очередной граф или барон, то ли из свиты герцога де Гонди, то ли из свиты дяди, был скучен.

Военный совет, который был собран после того, как разведчики доставили весть об армии Золотого льва, расположившейся на опушке леса недалеко от старых виноградников, заседал вот уже второй час. Что для принца Филиппа являлось сущим наказанием.

На самом деле, он до сих пор не до конца понимал, зачем дядюшка потащил его в такую даль и заставил терпеть все тяготы походной жизни. Ах, как хорошо было бы остаться в столице! Наверняка его любимая тигрица Лила уже родила. Целитель, следивший за здоровьем всех питомцев принца, утверждал, что та носит двоих детенышей. И теперь вместо того, чтобы заниматься маленькими тигрятами, Филипп вынужден сидеть на проклятом неудобном стуле и выслушивать всех этих болванов.

Ох, сколько раз принц уже был готов объявить о том, что ему надоела эта война и он намерен вернуться в Эрувиль. Но каждый раз дядюшка Клод, герцог де Бофремон, увещевал его и объяснял, что этот поход и громкая победа над аталийцами укрепят позиции Филиппа.

Принцу на самом деле было плевать на трон. Так он и сказал когда-то дяде, но тот довольно доходчиво объяснил ему, что если Филипп не станет королем, тогда на трон взойдет один из его братьев. А это значило, что очень скоро после коронации Филиппа просто убьют.

Умирать принц не хотел и, если ради выживания ему следовало занять место отца, он был готов, тем более что дядя пообещал взять на себя все тяготы правления страной. От Филиппа лишь потребуется иногда присутствовать на официальных приемах и там же прилюдно подписывать кое-

какие документы или указы. В остальное время Филипп будет спокойно заниматься своим зверинцем, который дядюшка пообещал расширить.

Вспомнив об отце и братьях, Филипп еще больше погрузился. С самого раннего детства он понял, что его семья значительно отличается от обычных семей.

Его отец, некоторое время души не чаявший в своем первенце, вдруг как-то резко охладил к нему. Видимо, всему виной стало то, что Филипп с детства был очень болезненным и тихим мальчиком. Вследствие чего он не стал великим мечником и воином, как мечтал король. Кроме того, вскоре оказалось, что Филиппу очень тяжело даются науки. Он очень плохо запоминал то, что только что прочитал. Не умел ясно озвучить свои собственные мысли и старался как можно реже попадаться отцу на глаза.

В итоге, после рождения Генриха король и королева словно забыли о существовании первого своего ребенка. Самыми близкими людьми Филиппа были его кормилица и брат матери, дядюшка Клод, который окружил старшего принца теплотой и вниманием. По сути, герцог де Бофремон заменил Филиппу отца. Именно он подарил ему его первого щенка рыжей гончей. А потом черного котенка и попугая, ежа и олененка.

Со временем, благодаря дяде, количество питомцев принца Филиппа росло. Герцог, поддерживая увлечение своего любимого племянника, даже построил большой зверинец, где маленький принц проводил все свое время.

Иногда Филиппу приходилось появляться при дворе и каждый раз там с ним происходило что-то неприятное или ужасное. С братьями отношения не сложились. Если с Луи они еще кое-как могли сосуществовать без конфликтов, то от Генриха, который до рождения Бастьена был любимчиком короля и королевы, Филипп терпел побои и насмешки.

Но самое ужасное началось, когда подрос его младший брат Бастьен. При дворе все утверждали, что тот являлся точной копией короля. Рос не по дням, а по часам. Уже к двенадцати годам принц Бастьен выглядел как восемнадцатилетний.

Великолепный мечник и наездник. Он с самого юного возраста не пропустил ни одной королевской охоты. Довольно быстро подмял под себя всех братьев, включая Генриха. Отец не мог нарадоваться на своего младшего сына.

А еще принц Бастьен был настоящим чудовищем. Жестоким и свирепым. Несколько раз он со своими друзьями проникал в зверинец Филиппа и устраивал там настоящие кровавые побоища. Филипп никогда не забудет, как младший брат сжег живьем его серую обезьяну Лоло, которую дяде доставили купцы с южного материка.

Бастьен посчитал, что все уродливые подобиya людей должны быть казнены и сожжены. Филипп тогда впервые попытался противостоять брату. Но тот с легкостью сбил Филиппа на землю и, поставив грязный сапог ему на горло, негромко сообщил, что как только он станет королем, все принцы отправятся на эшафот.

Филипп на всю жизнь запомнил горевшие в тот миг кровавым огнем глаза брата. Под хохот Бастьена и его прихлебал-вассалов Филипп в ту ночь, лежа в грязи, обмочился. Дядя, узнав о произошедшем, пообещал, что защитит Филиппа, но, увы, подобные визиты и издевательства повторялись еще несколько раз. Пока в один прекрасный день королевство не потрясла весть о гибели младшего сына короля. Стоит ли говорить, что пока Вестония была в трауре, Филипп в душе праздновал неожиданное освобождение от ненавистного чудовища, коим являлся его брат.

После гибели Бастьена в королевстве многое изменилось. Король полностью сосредоточился на воспитании Адель, которая своим характером пошла скорее в свою покойную мать. Маленькая принцесса, кстати, единственная, с кем у Филиппа сложились более или менее нормальные отношения. По крайней мере, она, как и ее дядя, очень любила животных и всегда с удовольствием проводила время в его зверинце. Правда, последнее время они стали очень мало видаться. Дядюшка Клод сказал, что, кроме него, у Филиппа нет больше настоящей семьи.

— Мессир! — резкий голос герцога де Гонди вывел принца из задумчивости. — А что вы об этом думаете?

Филипп повернул голову, чтобы рассмотреть, к кому обратился его будущий тесть. Вот еще, кстати, неожиданная напасть! Королю, который, казалось, забыл о существовании своего старшего сына, вдруг вздумалось женить его на Бланке де Гонди. На этой хитрой и холодной маркизе, которая ненавидит животных. Филипп хорошо запомнил, как та пнула

его пятнистого котенка, думая, что никто ее не видит. А ведь Кики хотел всего лишь поиграть с бантом на ее платье.

Жестокая и злая! И что Луи в ней нашел? Брат приезжал к нему еще до отъезда на север. Просил, чтобы Филипп отказался от помолвки с Бланкой. Он бы и рад, но отец... Правда, дядя пообещал, что он решит эту проблему. Ведь в Астландии Филиппа ждет его будущая жена. Его дальняя кузина, маркиза фон Веттин. Очень милая и добрая девушка. И главное, как и он, любящая животных.

Герцог де Гонди обращался к графу де Потье. Старик во времена деда Филиппа был маршалом и единственным человеком, к мнению которого прислушивались герцоги де Гонди и де Бофремон. Принц как-то подумал, что, если бы не старый граф де Потье, их войско уже давно бы разделилось на две части. Правда, дядюшка утверждал, что именно присутствие Филиппа сохраняет это войско единым. Именно поэтому так нежелателен его отъезд в столицу. Особенно сейчас, когда в километре от них расположилась армия Золотого льва.

— Аталийцы заняли удобную позицию, — голос бывшего маршала был тяжелым и грубым. — Стрелки на флангах, колья, канавы — у меня сложилось такое впечатление, что Золотой лев имитирует маркграфа де Валье. По крайней мере именно так тот разбил два конных войска аталийцев.

Шатер тут же наполнился гулом нескольких десятков голосов.

— И что вы в таком случае предлагаете?! — перекрикивая всех, спросил герцог де Бофремон.

— Маршал ди Лоренцо наверняка уже понял, что у него нет достаточно людей, чтобы выстоять сразу против двух армий, — произнес граф де Потье. — Не ошибусь, если предположу, что он вел свою армию к южному тракту. Но не успел. Мы опередили его. Сразу видно, что его бойцы только-только начали окапываться.

— Значит, Золотой лев бежит в свое логово, поджав хвост?! — радостно воскликнул кто-то и его поддержали громкими возгласами и смехом.

Даже дядя и герцог де Гонди были сейчас единодушны. Они оба улыбались.

— Можно только представить, сколько добычи он пытается с

собой утащить! — выкрикнул кто-то, и в шатре снова поднялся одобрителный гул.

— Ха-ха! Но мы не дадим сбежать этой облезлой кошке!

Филипп обвел взглядом счастливые лица дворян и сам вымученно улыбнулся, хотя ему было плевать на какую-то добычу. Ему хотелось, чтобы все это поскорее закончилось, и они отправились домой, в Эрувиль.

— Граф! — снова перекрикивая гул, произнес герцог де Бофремон. — Ваши предложения?

Граф де Потье пожевал тонкие старческие губы и из-под кустистых бровей обвел всех присутствующих мрачным взглядом. Старый вояка явно не разделял и не одобрял всеобщего веселья. Сейчас он напоминал Филиппу старого опытного волка, взирающего на молодых сородичей, разгоряченных видом близкой добычи.

— Маршал ди Лоренцо — непростой противник, — произнес он. — Я предлагаю заблокировать ему проход к южному тракту и дожидаться войска маркграфа де Валье. У Золотого льва сейчас очень мало продовольствия. К тому моменту как подойдет наша вторая армия, его легионеры будут ослаблены голодом и страхом.

— У нас тяжелая кавалерия! — воскликнул один из молодых баронов. — Лучшие всадники со всей Вестонии! А аталийцы все пешие!

Со всех сторон послышались воинственные выкрики.

— Мы растопчем их!

— Сомнем!

— Дожидаться, пока аталийцы умрут с голода? Это позор!

— Разве мы не способны справиться с раненым львом без какого-то там бастарда и его сброда?!

Когда первый всплеск возмущения пошел на спад, герцог де Гонди обратился к графу де Потье.

— Как видите, мессир, идея выждать, нам всем не нравится, — произнес он с улыбкой превосходства. — Мы пришли сюда за яркой победой!

Его тут же поддержали одобрителными выкриками.

— Мне тоже не по душе ждать помощи от этого выскочки маркграфа, — тут же произнес герцог де Бофремон. — Тем более, что он не особо-то и торопится. Видимо, его некому подгонять.

Принц Филипп хотел сейчас закатить глаза и откинуться на спинку трона. Дядя уже не первый раз прилюдно намекал герцогу де Гонди на то, что его сын, отправившийся к маркграфу де Валье, плохо справляется с поставленной ему задачей. Герцог де Гонди в такие моменты сразу же начинал защищать своего сына и напоминать дяде его же слова о том, что маркграф является протеже герцога де Бофремона.

В этот раз нарастающее напряжение прервал граф де Потье.

— Позиции маршала ди Лоренцо защищены с одной стороны лесом, а с другой — виноградниками, — произнес он. — Кроме того, его легионеры прямо сейчас возводят защитные сооружения.

— Правильно ли я понимаю, мессир, — хмыкнул герцог де Гонди. — Вы хотите сказать, что наша конница бессильна против войска Золотого льва?

Послышались смешки и приглушенные возгласы. Даже Филипп разобрал, что графа обозвали старым выжившим из ума дураком.

— Нет, вы неправильно понимаете, — покачал головой бывший маршал. — Я не говорил, что наша кавалерия бессильна. Она обязательно достигнет позиций неприятеля... Но какой ценой? Поверьте мне, мессир. На моем веку было много битв. В том числе и тех, о которых вам рассказывали ваши деды. Я видел гибель Серебряного генерала в битве у Темной Скалы и отбивал нашествие Медной орды, которая переправилась через Старый поток. Уж я-то знаю, о чем говорю! Уже завтра большинство из здесь присутствующих погибнут, попадут в плен или будут тяжело ранены. Лучшие вестонские рыцари падут, пытаясь добраться до аталийских легионеров. Так себе размен, скажу я вам, мессир.

Старый граф обвел тяжелым взглядом притихших дворян, явно обескураженных его прямым и жестким ответом. Даже скушающий и желающий поскорее покинуть этот шатер принц Филипп почувствовал, как по его спине пробежали мурашки от слов старого маршала.

— Как бы вы поступили, если бы остались один-на-один с маршалом ди Лоренцо? — спокойно спросил герцог де Бофремон.

— Я бы приказал большинству тяжеловооруженных рыцарей спешиться и встать впереди, формируя две центральных

баталии, — произнес граф де Потье. — Лучший доспех и лучшее вооружение позволит им выдерживать натиск аталийских легионеров. Вторую часть всадников я бы разделил на две небольшие баталии и направил бы их на стрелков. Они бы уничтожили лучников и, обогнув с флангов войско Золотого льва, ударили бы сзади. Тем временем остальные наши пехотинцы заняли бы позиции погибших аталийских лучников и с флангов зажали бы баталии неприятеля. Только в этом случае я могу гарантировать победу над легионами маршала ди Лоренцо. Иначе с нашей конницей произойдет то, что произошло сперва с маркизом ди Спинолой, а затем и с его отцом.

Чем дольше говорил старый маршал, тем неприветливей становился гул в шатре. Идея спешить большинство рыцарей не пришлась по душе дворянам. Подобная тактика — это позор для рыцарей, признающих лишь лихую конную сшибку.

Герцоги де Гонди и де Бофремон переглянулись. Иногда такое случалось. Эти двое как будто понимали друг друга без слов. Дядя взглянул на Филиппа и кивнул. Принц тут же кивнул ему в ответ.

— Его высочество благодарит вас за совет, мессир, — обратился герцог де Бофремон к графу. — Он услышал вас и должен хорошо подумать перед тем как принять решение.

Старый маршал тяжело вздохнул и посмотрел на принца. Филиппу показалось, что старик смотрит на него с жалостью. Или все же это было презрение?

Поклонившись, граф вышел из шатра, а за ним потянулись и остальные дворяне, на ходу обсуждая и удивляясь тому, как безжалостна бывает старость.

— Старик совсем уже выжил из ума... — услышал краем уха принц тихий разговор группы аристократов, идущих на выход из шатра.

— Спешить рыцарей могло прийти в голову только слабоумному...

— Плевать на всяких паникеров, господа! Завтра мы покажем этим наглым аталийцам силу и мощь слитного копейного удара нашей конницы!

Когда все дворяне покинули шатер и внутри остались герцоги де Гонди и де Бофремон, Филипп поднялся с трона и с удовольствием потянулся. К нему тут же подбежал его верный

камердинер и начал поправлять одежду своего господина.

— Дядя, я устал и хотел бы отдохнуть, — капризно произнес Филипп.

— Конечно, ваше высочество, — поклонился герцог де Бофремон принцу и добавил: — Я прикажу, чтобы вас не беспокоили.

После этих слов, коротко кивнув в ответ на поклон герцога де Гонди, Филипп поспешил к другому выходу из шатра.

— Мессир, вы ведь не намерены снимать своих рыцарей с лошадей? — с улыбкой спросил герцог де Гонди у герцога де Бофремона, когда принц покинул шатер.

— Старик, похоже, совсем уже плох, — покачал головой герцог де Бофремон. — Если бы не знал его с детства, то подумал бы, что он намеренно пытается лишить нас преимущества.

— Но атаковать стрелков — это неплохая идея, согласитесь, — потер подбородок герцог де Гонди.

— Согласен, — кивнул герцог де Бофремон. — Предлагаю разделиться. Я с моими всадниками буду атаковать, скажем, правый фланг, а вы тем временем уничтожите стрелков на левом фланге.

Герцог де Гонди кивнул, соглашаясь.

— И в центре поставим две баталии пехоты, — добавил он. — При поддержке наших лучников и арбалетчиков они довольно быстро доберутся до неприятеля. А его высочество останется в тылу с резервом.

— Согласен, — кивнул герцог де Бофремон. — Достаточно и того, что его знамя будет на поле битвы.

— Его высочество уже думал, что будет делать после того как мы разобьем Золотого льва? — пристально посмотрел на дядю принца герцог де Гонди.

— Его высочество дождался бы маркграфа де Валье, чтобы увеличить свое войско, а потом двинулся бы напрямик на Аталию, которая после поражения маршала ди Лоренцо останется беззащитной, — хитро улыбнулся в ответ герцог де Бофремон.

Несмотря на улыбки и дружелюбный тон, оба были готовы в любой момент вцепиться друг другу в глотки.

— Две страны по цене одной, — улыбнулся герцог де Гонди.

— Верно подмечено, — хмыкнул герцог де Бофремон.

Узнай они, что в это мгновение они думали об одном и том же человеке, то наверняка бы очень удивились...

Глава 24

**Бергония. Западное предгорье. Долина холмов.
Расположение армии принца Филиппа.**

Настроение Франсуа де Грамона этим утром было воинственно-приподнятым, а еще волнительным и восторженным. Как, собственно, и у всех дворян в армии принца Филиппа. Весть о том, что Золотой лев пытался с остатками своего некогда грозного воинства сбежать, поджав хвост, взбудоражила всех вестонских аристократов.

Кроме того, сильнейший маршал Аталии, захвативший за последний год практически всю Бергонию и разбивший войска маршала де Клермона, тащил за собой богатейший обоз. Каждый раз, когда Франсуа пытался представить себе, сколько там сокровищ, его тело охватывала дрожь возбуждения и предвкушения.

Перед походом отец вызвал их с братом в свой кабинет и долго втолковывал обоим об истинном положении дел их семьи. Франсуа впервые узнал, что казна графства пуста и что отцу пришлось влезть в долги, дабы сохранить то, что чуть было не разрушил их негодяй и предатель дядя.

Помимо всего прочего, положение семьи усугубили действия проклятого бастарда, которого Франсуа ненавидел всей своей душой. Отец высказал надежду на то, что ублюдок его брата сгинет где-то в Бергонии, пытаясь взять под контроль маркграфство, полученное от короля, но, увы, этого не произошло. Макс не только не погиб, он еще и умудрился собрать вокруг себя армию и одержать несколько громких побед.

Многие дворяне, зная о родстве Франсуа с маркграфом де Валье, даже поздравляли его с победами его кузена, чем бесили виконта еще сильнее. Эти идиоты не понимали, что с каждой своей победой бастард ослабляет позиции графа де Грамона, а вместе с ним — и позиции Франсуа и Габриэля.

После разговора с отцом братья дали друг другу слово, что, если им вдруг предоставится шанс покончить с ублюдком, они обязательно им воспользуются. Правда, Габриэль в тот день сказал, что убить аванта практически невозможно, но есть и другие способы ему навредить. Например, находясь в свите

принца Филиппа, который после скорой смерти Карла Третьего (а в том, что тот умрет очень скоро, уже никто при дворе не сомневался) станет королем, Франсуа и Габриэль довольно активно старались распускать всякие отвратительные слухи о своем кузене.

Одной из таких сплетен была — о порочной связи Макса с его дальней кузиной, которая жила сейчас у него в замке под видом его воспитанницы.

Но сплетен было мало. Граф возлагал большие надежды на своих сыновей. От их героизма и умения выделиться зависело будущее семьи. Как раз сегодня был именно такой день. Наконец-то, после долгих недель ожидания им с Габриэлем представится шанс показать себя во всей красе.

Несмотря на долги, отец не поскупился на покупку для своих сыновей лучших лошадей, сбруи, доспехов и оружия. Виконтов де Грамон сопровождали вассалы их отца. Кроме того, отцу каким-то образом удалось устроить сыновей в свиту принца и сделать так, чтобы герцог де Бофремон стал их покровителем.

Прямо сейчас, где-то там впереди, на правом фланге на своем скакуне готовился вступить в бой Габриэль. Он был рядом с герцогом де Бофремоном. Франсуа тем временем был удостоен чести находиться в резервной баталии, которая, по сути, являлась отрядом прикрытия принца Филиппа. И пусть все понимали, что битва завершиться полным разгромом Золотого льва и резерв, скорее всего, не вступит в бой, но находиться подле будущего короля было великой привилегией.

Франсуа взглянул на старшего сына короля, и его сердце наполнилось гордостью от осознания этого великого момента. Принц восседал на своем боевом скакуне, закованный в великолепную броню, фрагменты которой были обтянуты алым бархатом с золотым орнаментом.

Забрало его шлема было открыто, являя миру серьезный и даже скучающий лик принца Филиппа. Складывалось такое впечатление, что он абсолютно не взволнован и ничего не боится. Если бы Франсуа не знал, что эта битва — первая в жизни Филиппа, то он бы подумал, что принц действительно скучает и он настолько уверен в своей армии, что будущая битва — это всего лишь какая-то формальность, которую он вынужден соблюсти ради этикета.

От созерцания величественной фигуры будущего короля Франсуа отвлек долгий рев боевого рога. Слегка приподнявшись в стременах, виконт взгляделся вперед.

В построении неприятеля началось какое-то движение. По рядам тут же начали передавать слова кого-то из приближенных принца.

— Золотой лев понял, что ему не выстоять! — улыбаясь, громко произнес барон Луи де Рошан. — Пытается теперь спасти награбленное! Глупец!

Франсуа улыбнулся в ответ. Они с бароном были одногодками и очень быстро нашли общий язык, поэтому теперь почти всегда были вместе. Барон, как и виконт де Грамон, был истинным ценителем вина и женщин. Если бы не Луи и его веселые выходки, Франсуа в этом походе умер бы быстрее от скуки, чем от клинка или арбалетного болта аталийцев.

— Жалкий трус! — воскликнул Франсуа. — Ему не сбежать!

В душе он сейчас завидовал старшему брату, который оказался в гуще событий.

* * *

Тем временем Габриэль де Грамон, находившийся подле герцога де Бофремона, сжав кулаки, наблюдал за тем, как тяжелые повозки и телеги аталийцев, наверняка загруженные под завязку трофеями, торопливо движутся в сторону брода. Золотой лев, видимо, осознав, что проиграет этот бой, пытался спасти сокровища.

— Мы должны ему помешать! — громко выкрикнул герцог де Бофремон и, обернувшись, пробежался глазами по лицам своих вассалов. Его взгляд остановился на его оруженосце.

— Шевалье! — воскликнул герцог. — Немедленно скачите к герцогу де Гонди и передайте ему, что медлить более нельзя! Надо выступать прямо сейчас! Скорее!

Оруженосец поклонился в седле и, мгновенно сорвавшись с места, ускорился на левый фланг. Туда, где виднелся стяг герцога де Гонди. Через некоторое время он вернулся и торопливо передал ответ герцога Юга.

— Его светлость, герцог де Гонди советует проявить терпение и атаковать в заранее оговоренное время.

Герцог де Бофремон, перекрикивая всеобщий возмущенный гул своих приближенных, громко насмешливо воскликнул:

— Ничего другого я от этого труса не ожидал! Мессире, час великой битвы настал! Трубите атаку! Мы выступаем!

Его речь тут же была встречена восхищенным многоголосым ревом. Габриэль де Грамон ревел сейчас со всеми. Горящим взором он следил за каждым движением герцога де Бофремона и благодарил всех богов, за то, что отец выбрал сторону этого великого человека! Именно такие люди, как герцог де Бофремон, вели за собой армии и народы. Габриэль в данную минуту был готов отдать свою жизнь за его светлость.

Выхватив свой меч из ножен и подняв его над головой, герцог де Бофремон проревел:

— В атаку!

Оглушительный ответный рев сотен глоток разнесся по рядам тяжеловооруженных всадников. Миг — и конная лава, тронувшись с места, постепенно набирая скорость, полетела в сторону аталийцев.

* * *

— Взгляни! — крикнул Луи, указывая рукой на тронувшуюся с места конную баталию под знаменем герцога де Бофремона. — Началось!

Сердце Франсуа, казалось, сейчас выскочит из груди.

— Пусть хранят тебя боги, брат! — прошептал он себе под нос.

Набравшей приличную скорость конной баталии герцога де Бофремона понадобилось какое-то время, чтобы добраться до аталийских позиций. Сперва это был спуск с одного холма, а потом подъем на другой.

Со стороны аталийцев в скачущих всадников полетели стрелы и арбалетные болты. Но несмотря на то, что стрел было много, урон конным рыцарям был нанесен минимальный.

Франсуа в который раз мысленно поблагодарил отца за то, что он не поскупился на отличную сбрую для их лошадей и на доспех сыновей. Он сейчас был уверен, что Габриэлю и его мистралу по кличке Ворон все эти стрелы не причинят вреда.

— Сейчас они сомнут стрелков и зайдут в тыл крайней баталии, — громко комментировал происходящее Луи де

Рошан. — Почему же медлит герцог де Гонди?

* * *

Габриэль де Грамон в узкую прорезь своего шлема видел лишь впереди несущегося всадника да иногда мелькающие перед глазами яркие цвета дворянских стягов.

В закрытом шлеме его собственное хриплое дыхание казалось ему звуком из потустороннего мира. Тело, закованное в тяжелую броню, ощущалось неповоротливым и чужим. Зато частые глухие удары, доносившиеся со всех сторон и не причинявшие ему никакого вреда, говорили о том, что доспех прекрасно справляется с защитой от стрел.

Увы, но не всем так везло, как Габриэлю. В какой-то момент лошадь впереди скачущего всадника споткнулась и с грохотом кубарем покатилась по земле, подминая под себя своего седока. Так Габриэль оказался впереди и смог увидеть порядки аталийцев. И то, что он увидел, ему очень не понравилось.

Стрелки, которых их баталия должна была вот-вот смять и втоптать в грязь, организованно смещались влево, под защиту укреплений, которые не были ранее заметны издалека. И уже оттуда продолжили стрельбу, но уже с фланга в открытые бока вестонских лошадей.

Осознание происходящего коротким мгновением промелькнуло в голове Габриэля, а в следующий миг он ощутил мощный удар. Его верный Ворон дернулся и громко, как-то даже по-человечески, взвизгнул.

Толчок — и виконт де Грамон ощутил себя падающим. Небо и земля в прорези шлема мелькнули, несколько раз меняя друг друга, а потом Габриэль рухнул на землю. Удар был такой силы, что перед глазами виконта возникла тьма, которая и поглотила его.

* * *

— Бездна! — ошарашенно воскликнул Луи де Рошан. — Как такое возможно?!

Франсуа же, в отличие от своего приятеля, не мог произнести ни слова. Только что они с замиранием сердца наблюдали, как непобедимая конная лава неслась на щуплые

построения аталийских лучников, а спустя несколько минут эти лучники быстро и очень организованно сменили позицию и обрушили град стрел на вестонцев. Когда те доскакали до пешей баталии легионеров, все уже практически было кончено. Такой важный и такой необходимый слитный удар сотен конных копейщиков потерял свою силу и захлебнулся. Знамя герцога де Бофремона исчезло из виду. Началась кровавая свалка.

Громкий рев боевого рога заставил виконта де Грамона вздрогнуть и стряхнуть оцепенение. Франсуа, широко раскрыв глаза, перевел взгляд в ту сторону, где находилась баталия герцога де Гонди. Правитель Юга, видимо, посчитав, что сражение началось, тоже пошел в атаку.

Его баталия двигалась менее стремительно, нежели баталия герцога де Бофремона. И тому было объяснение. На пути вестонских всадников было много как естественных, так и искусственных препятствий. Только сейчас в голову Франсуа начала закрадываться мысль, что возможно армия Золотого льва вовсе и не убегала. Судя по количеству ловушек, аталийцы находились здесь уже давно и, похоже, ждали их армию.

Тем временем баталия герцога де Гонди достигла позиций аталийцев и замедлилась еще больше. Даже отсюда Франсуа было хорошо видно, как конница застряла в узком проходе между казавшимися изначально хрупкими рядами виноградников. В проход могли проехать одновременно лишь четыре или пять рыцарей.

Аталийцы тут же воспользовались ситуацией, и узкий проход заблокировала одна пешая баталия легионеров. При этом на вестонцев непрерывно практически в упор сыпался град стрел и арбалетных болтов, нанося ужасный урон. Вскоре Франсуа, не веря своим глазам, наблюдал, как остатки баталии герцога де Гонди обратились в бегство. Его стяг не исчез. Значит, правитель Юга все еще был жив.

Пока конный отряд герцога отступал, две баталии вестонских пехотинцев уже почти достигли позиций аталийцев. Ими командовал старый граф де Потье.

Франсуа вдруг вспомнил, как еще вчера смеялся вместе со всеми над бреднями выжившего из ума старика, которые сегодня оказались не совсем бреднями. Старый маршал словно в воду глядел...

Сейчас его баталии под прикрытием двух отрядов стрелков на флангах вступили в бой с легионами Золотого льва. Франсуа понимал, что в любой момент прозвучит сигнал рога, и резерв тоже вступит в бой. Сейчас его состояние разительно отличалось от того, что он чувствовал рано утром. Страх липкий и навязчивый обволакивал его сердце.

Хотелось изо всех сил крикнуть, что все происходящее в данную минуту неправильно! Так не должно было произойти! Они с братом должны были вернуться в Эрувиль победителями с богатыми трофеями и с земельными наделами в Бергонии. Победителями Золотого льва, который на поверку оказался хитрее и изворотливее всех вестонских командиров...

— Смотрите! — резкий выкрик кого-то из бойцов заставил Франсуа вздрогнуть. — Это оруженосец герцога де Гонди!

Всадник без шлема в окровавленных доспехах подскочил к принцу Филиппу и что-то ему сказал. Франсуа и остальные рыцари подобались.

Принц лишь коротко кивнул. Затем, развернув своего коня, он в сопровождении своих телохранителей поскакал в противоположную сторону от битвы.

Один из телохранителей принца Филиппа подскочил к их отряду и глухо произнес:

— Мессеры, ваша задача прикрывать отход его высочества!

Объявив это, он сорвался с места и поскакал следом за кавалькадой принца. Спустя несколько минут их отряд скрылся за поворотом между холмов.

Франсуа наблюдал за происходящим с открытым от удивления ртом. Битва еще не закончилась, а знамя принца уже покинуло поле боя. Даже ему, впервые побывавшему в таком сражении, было несложно предугадать, что произойдет дальше.

Словно подслушав его мысли, со стороны сражающихся долетел протяжный вой боевого рога. Видимо, заметив отсутствие знамени принца, граф де Потье приказал трубить отступление.

Несмотря на то, что баталии старого маршала отступали организованно, Франсуа понимал, что это вовсе не отступление — это самое настоящее бегство.

В какой-то момент в его голове мелькнула мысль о том, что он не обязан здесь и сейчас умирать. Если сам принц покинул поле боя, тогда какой смысл оставаться здесь Франсуа. Он еще

слишком молод, чтобы все закончилось. Да еще вот так глупо и бесславно.

Он оглядел находившихся рядом с ним дворян и прочитал на их лицах примерно те же мысли. Вечный весельчак Луи де Рошан уже не улыбался. На его чело набежала тень. Он то и дело оборачивался, вглядывался туда, куда ускакал принц. Франсуа заметил, что губы его приятеля шевелятся. Ему даже удалось разобрать несколько слов. Барон де Рошан явно осыпал тихими проклятиями старшего сына короля.

В один из таких моментов барон обернулся снова и на мгновение замер с открытым ртом. Франсуа, заметив состояние товарища, тоже обернулся, чтобы посмотреть на то, что его так удивило.

— О боги! — прошептал он.

Виконт де Грамон отказывался верить своим глазам. Этого просто не могло произойти. Из-за холма, где еще недавно исчез отряд принца Филиппа, показалась конница. Впереди скакал рослый знаменосец, а над его головой развевалось полотнище с гербом Карла Третьего.

Сотня... Две... Три... Четыре... Пять... Всадников становилось все больше и больше. Стяги новоприбывших были смутно знакомыми. Франсуа, восхищенно наблюдая за тем, как они выстраивались в три баталии, ощущал, как в его груди разгорался настоящий жар.

Его сейчас абсолютно не интересовало, откуда взялись в их тылу эти тяжеловооруженные рыцари, и кто их ведет. Единственное, что было важно — у них появилась надежда на победу!

— Слава королю! — неожиданно взревел кто-то из его соратников.

Этот клич тут же подхватили все остальные, в том числе и сам Франсуа. Выстроившиеся в три баталии всадники ответили похожим ревом и сдвинулись с места, постепенно набирая скорость.

Франсуа торопливо приказал своему оруженосцу подать ему его копьё. Но тот как-то странно замешкался, с опаской глядя на скачущую лаву вестонских всадников.

— Болван, ты что же там уснул? — нетерпеливо прикрикнул на него Франсуа.

— Слишком быстро, — пролепетал тот в ответ.

— Да что же ты мямлишь! — взбесился Франсуа.

— Мессир, они скачут слишком быстро, и мы не успеваем с ними разминуться, — в голосе оруженосца прорезались панические нотки. — Они атакуют не аталийцев, а нас!

— Что?! — Франсуа обернулся и снова обомлел.

Мальчишка был прав. Вестонская конница, набрав приличную скорость неслась сейчас прямо на их небольшую баталию. Он уже слышал испуганные крики и проклятия своих соратников.

Франсуа изумленно оглядел стяги вестонских рыцарей, и вдруг его взгляд остановился на одном из них. Ему был знаком этот герб. Причем он узнал о нем случайно, благодаря бастарду.

Еще до приезда Макса в столицу, Франсуа услышал от отца, что ублюдок его дяди дрался на дуэли с виконтом из какого-то западного графства. Отец в тот день вскользь упомянул о гербе неких Англандов, которые в конечном итоге стали причиной разгрома легионов маршала де Клермона...

И вот прямо сейчас Франсуа с замиранием сердца наблюдал, как над головой одного из рыцарей, что скакали в их сторону, развивался красно-белый стяг с гербом предателя — графа де Англанда... А еще он, наконец, смог рассмотреть, что вестонцы были только в первых рядах. Остальные всадники были аталийцами...

Nota bene

Книга предоставлена [Цокольным этажом](#), где можно скачать и другие книги.

Сайт заблокирован в России, поэтому доступ к сайту через VPN. Можете воспользоваться [Censor](#) [Tracker](#) или [Антизапретом](#).

У нас есть Telegram-бот, о котором подробнее можно узнать на сайте в [Ответах](#).

* * *

Если вам понравилась книга, наградите автора лайком и донатом:

[Закон Силы. Роман Алексея Осадчука](#)